

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

ISSN 2072-0297

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

16+

4 2026
ЧАСТЬ IV

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 4 (607) / 2026

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Амвросий Амбруазович Выбегалло*, профессор, вымышленный персонаж повестей братьев Стругацких «Понедельник начинается в субботу» и «Сказка о Тройке».

Выбегалло представляет собой сатирическое изображение распространенного типа политического демагога и псевдоученого, функционирующего в официальной научной сфере: предельно невежественного приспособленца от науки, который, несмотря на весьма низкий научный потенциал, уверенно владеет «идеологически правильной» терминологией, умеет создать себе имя в прессе и пользуется популярностью среди обывателей и авторов поверхностных газетных статей.

Главным прототипом профессора Выбегалло был, по утверждению авторов, идеолог «мичуринской агробиологии» Трофим Лысенко, а второстепенным — писатель-фантаст Александр Казанцев.

Внешность и поведение профессора Выбегалло утрированно «народны»: у него «седоватая нечистая борода», волосы он стрижет под горшок, ходит «в валенках, подшитых кожей, в пахучем извозчицком тулупе». Говорит он «на французско-нижегородском диалекте» (все французские фразы которого позаимствованы из речи героини романа Льва Толстого «Война и мир» Анны Павловны Шерер), причем наряду с оборотами вроде «компрене ву» (от фр. «Comprenez-vous?» — «Вы понимаете?») его лексикон включает просторечные слова «эта» и «значить». Деятельность Выбегалло вызывает сомнения у руководителей института, однако членам ревизионной комиссии профессор предъявляет две справки: о том, что «трое лаборантов его лаборатории ежегодно выезжают работать в подшефный совхоз» и что он сам «некогда был узником царизма».

Сама фамилия Выбегалло, составленная из экзотического для России окончания «-лло», которое встречается в итальянских (Донателло, Уччелло), литовских и малороссийских фамилиях (Гастелло, Гегелло, Довгялло, Забелло, Тропилло и пр.), и корня русского глагола «выбегать», для русского читателя звучит комически и ассоциируется с понятием «выскачка». Этот эффект усиливается тем, что авторы (устаами персонажа «Понедельника...» Романа Ойры-Ойры) рифмуют ее с глаголом «забегалло» («Выбегалло забегалло?»), как бы придавая профессору средний род.

Темы исследований Выбегалло, являясь, по существу, псевдонаучными, вызывают интерес у поверхностного и не слишком образованного наблюдателя. Так, он создает и изучает тройкую модель человека — кадавра: «человека, полностью неудовлетворенного», «человека, неудовлетворенного желудочно», «человека, полностью удовлетворенного», обосновывая общественную полезность своих исследований с помощью псевдомарксистской, демагогической риторики.

Конкретное содержание данного исследования Выбегалло несет на себе печать времени: сформулированный в начале 1960-х годов так называемый «Моральный кодекс строителя коммунизма» как раз и предполагал рождение в стране победившего социализма «нового человека», в котором материальные и духовные потребности будут «гармонически сочетаться». Определенные аллюзии в данном исследовании есть и к пирамиде Маслоу, и к лозунгу Лысенко «Всё живое хочет кушать».

Среди других проектов Выбегалло — самонадевающиеся ботинки (которые стоили дороже мотоцикла и боялись пыли и сырости), самовыдерживающе-самовыкладываемая в грузовики морковь, выведение путем перевоспитания самонадевающегося на рыболовный крючок дождевого червя и так далее.

Антагонистами профессора Выбегалло в повестях дилогии о НИИЧАВО выступают молодые ученые-энтузиасты института: Александр Привалов, Виктор Корнеев, Роман Ойра-Ойра и другие.

Следует также заметить, что ироническая критика Выбегалло устами авторов достаточно хорошо согласуется с официальными советскими идеологическими установками того времени: развенчание «потребительства», «мещанства» и так далее.

В современной публицистике имя Выбегалло стало нарицательным и часто используется для обозначения невежественного псевдоученого-демагога.

В 2016 году Выбегалло стал одним из трех первых почетных академиков ВРАЛ (вымышленной «ВРунической Академии Лженаук»), будучи удостоен (виртуально) антипремии «за выдающийся вклад в развитие и распространение лженауки и псевдонауки» — вкупе со своим прототипом Лысенко и с Джунгой, награжденными посмертно.

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

**Агеев Б. В., Алибекова Ш. У.,
Мирошниченко У. Е.**

Особенности конституционно-правового
статуса человека и гражданина в Российской
Федерации, Республике Южная Корея
и Южно-Африканской Республике:
сравнительный анализ 213

Агеев Я. А.

Финансово-правовые основы обязательного
страхования в Российской Федерации:
актуальные вопросы правоприменения 215

Агеев Я. А.

Компетенция банка России в сфере
регулирования страхового рынка:
административно-правовой анализ 220

Андреев С. Н.

Проблемы реализации права на образование
в России 224

Андрянова Т. С.

Особенности обращения взыскания
на имущество должника: от норм закона
до практической реализации 226

Арелтуева В. И.

Процессуальное значение участия судебно-
медицинского эксперта и специалиста
при осмотре места происшествия
в расследовании заказных убийств 227

Арелтуева В. И.

Роль судебных экспертиз в раскрытии
и расследовании заказных убийств 230

Арчаков Ш. И.

Проблема размытости границ между частным
правом и публичным 232

Арчаков Ш. И.

Перспективы цифровизации и влияния
на границы частного и публичного права 234

Асадуллина Л. Ф.

Методика прокурорской проверки
исполнения законодательства
о противодействии коррупции: современные
подходы и проблемы практики 236

Бабок Д. А.

Пути расширения полномочий адвоката
при доказывании в российском уголовном
процессе 238

Балеевская Т. А.

Взаимодействие принципа свободы
договора и принципа добросовестности 240

Бочкарёва А. Е.

Особенности защиты прав субъектов
при приобретении права частной
собственности на земельные участки 243

Васильева И. В.

Соотношение понятий «избирательная
кампания» и «избирательный процесс» 246

Верезуб А. А.

Правила благоустройства муниципального
образования в нормативно-правовой
системе в сфере благоустройства 247

Гордеева Ю. А.

Принципы осуществления налоговых
проверок в России: системный
анализ и проблемы имплементации
в законодательстве и правоприменении 250

Грибачев А. А.

Проблемы правоприменения возбуждения
дел об административных правонарушениях
сотрудниками полиции: диагностика и пути
совершенствования 253

Грибачев А. А.

Цифровые доказательства и автоматизация
в практике возбуждения административных
дел полицией: правовые гарантии и риски 256

Дмитрова Н. В.

Проблемы, возникающие в части критерия
предмета договора строительного подряда 258

Доронин С. Л.

Особенности назначения наказания в виде
штрафа несовершеннолетнему нарушителю... 260

Ефимова Е. Д.

Проблема толкования признака
«с использованием своего служебного
положения» в части 1.1 статьи 195 УК РФ 262

Зайцев Н. Н.

Актуальные проблемы применения
условного осуждения и вопросы
совершенствования законодательства 265

Запорожченко И. М.

Правовые конструкции противодействия
теневой хозяйственной деятельности
в Советской России: историко-правовой
анализ и его проблематика..... 268

Здорников К. И.

Роль прокурора при заключении
досудебного соглашения о сотрудничестве ... 270

Иванова К. Б.

Роль следователя в уголовном процессе:
дискуссионные вопросы и современные
реалии..... 272

Измайлова Е. С.

Особенности прокурорского надзора
за исполнением законов при осуществлении
принудительного исполнения решений судов 274

Истомина Т. Э.

Процедуры экстренного медицинского
вмешательства в исправительных
учреждениях: правовые коллизии 276

Истомина Т. Э.

Оказание медицинской помощи осужденным
к лишению свободы в России 278

Карякина Ю. Г.

Влияние криминологических особенностей
личности киберпреступника на выбор
способа совершения преступления..... 280

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Особенности конституционно-правового статуса человека и гражданина в Российской Федерации, Республике Южная Корея и Южно-Африканской Республике: сравнительный анализ

Агеев Богдан Владиславович, студент;

Алибекова Шуанэт Усмановна, студент;

Мирошниченко Ульяна Евгеньевна, студент

Научный руководитель: Гайнов Иван Владимирович, преподаватель

Северо-Западный институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Санкт-Петербург)

В статье проводится сравнительный анализ конституционно-правового статуса человека и гражданина в Российской Федерации, Республике Корея и Южно-Африканской Республике. На основе положений конституций указанных государств исследуются принципы правового статуса личности, система основных прав, свобод и обязанностей, а также особенности их конституционного закрепления. Сопоставление различных моделей конституционного регулирования позволяет выявить как универсальные подходы к закреплению прав человека, так и национально-специфические черты, обусловленные историческими и социально-политическими факторами.

Ключевые слова: конституционное право, конституционно-правовой статус личности, права и свободы человека, гражданин, конституции зарубежных стран.

Конституционно-правовой статус человека и гражданина занимает центральное место в системе конституционного права, поскольку именно через него раскрывается содержание взаимоотношений личности и государства. Современные конституции, несмотря на различия в правовых системах и исторических условиях их формирования, исходят из признания человека, его прав и свобод высшей ценностью.

Конституционно-правовой статус человека и гражданина представляет собой систему установленных конституцией страны, гарантированных и обеспеченных государством принципов, прав, свобод, обязанностей, гарантий, в соответствии с которыми индивид как субъект права определяет свое поведение в государстве и обществе. [5] Конституция выступает основным источником, определяющим содержание и пределы правового статуса, устанавливая фундаментальные принципы.

Конституция Российской Федерации закрепляет приоритет прав и свобод человека и гражданина. В соответствии со статьей 2: человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а их признание, соблюдение и защита — обязанность государства [1]. Глава 2 Конституции РФ содержит развернутый перечень прав и свобод, охватывающий личную, политическую, социально-экономическую и культурную сферы. Важной особенностью

российского конституционного регулирования в соответствии с 17 статьей является признание основных прав и свобод неотчуждаемыми и принадлежащими каждому от рождения, что исключает возможность их произвольного ограничения со стороны государства.

Принцип равенства закреплен в статье 19, согласно которой все равны перед законом и судом, а государство гарантирует равенство прав и свобод независимо от пола, расы, языка, национальности, происхождения и иных обстоятельств. Однако они могут быть ограничены федеральным законом, если это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Существенное значение имеет положение статьи 18 Конституции РФ, согласно которому права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими и определяющими смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, органов местного самоуправления и обеспечиваются правосудием. Данное положение ориентирует всю правовую систему на их приоритетную защиту и придает им системообразующий характер.

Статья 21 отражает гуманистическую направленность Основного закона, закрепляя принцип охраны достоин-

ства личности государством, а также устанавливает запрет на пытки, насилие и иные формы жестокого или унижающего человеческого достоинства обращения и наказания, равно как и недопустимость проведения различных опытов без добровольного согласия.

Схожие подходы к признанию достоинства личности и основных прав человека прослеживаются и в конституционном регулировании Республики Корея, однако соответствующая модель имеет свои особенности. Конституция Республики Корея в статье 10 закрепляет чувство собственного достоинства и стремления к счастью. Все граждане имеют человеческую ценность и достоинство, а также право на достижение личного счастья, а обязанностью государства является укрепление и охрана фундаментальных и неприкосновенных права каждого человека [2].

Принцип равенства, закреплённый в статье 11, гласит, что все граждане равны перед законом, а также запрещена дискриминация человека в связи с его половой, религиозной или социальной принадлежностью и ни одна каста не может быть признана привилегированной. Глава II Конституции подробно регулирует систему прав и обязанностей.

Значимым отличием в Конституции Республики Корея является сочетание прав и обязанностей граждан. В соответствии со ст. 32 все без исключения граждане имеют право на труд. Однако в части 2 данной статьи указывается, что «труд является обязанностью всех без исключения граждан». Государство определяет правила, соответственно каковым граждане исполняют свою потребность работать. Однако наказания за отказ от трудовых отношений не предусмотрено. [4, с. 55]

В сфере охраны личной свободы и личные неприкосновенности конституциям содержит развёрнутую систему гарантии, связанную с осуществлением правосудия и деятельностью правоохранительных органов. Статьи 12 и 13 закрепляет запрет произвольных арестов и обысков. Отличием корейской конституционной модели является пункт 3 статьи 12, который предусматривает возможность получение ордера на арест после заключения под стражу или обыска в случаях, если лицо задержано непосредственно на месте совершения преступления либо если за совершенное деяние предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок три года и более, а также при наличии оснований полагают, что лицо может скрыться от правосудия или уничтожить улики.

Конституционно-правовой статус человека и гражданина в Южно-Африканской Республике получил наиболее детализированное закрепление по сравнению с другими рассматриваемыми государствами. Билль о правах, занимающий 2 раздел Конституции, является «краеугольным камнем демократии» и распространяет свое действие на все сферы общественных отношений [3]. Согласно статье 7, Билль закрепляет права всего народа страны и обязывает государство уважать, защищать и содействовать их реализации.

Принцип равенства получил широкое развитие в статье 9 Конституции ЮАР, которая не только провозглашает равенство всех перед законом, но и допускает принятие специальных мер на уровне национального законодательства, направленных на устранение последствий несправедливой дискриминации.

Значительное место в системе конституционно-правового статуса занимают социально-экономические права. Так, статья 26 провозглашает право каждого на приобретение жилья и возлагает на государство обязанность принимать законодательные и иные меры, в пределах доступных ресурсов, для реализации данного права, одновременно устанавливая гарантии от произвольного выселения. Статья 27 Конституции ЮАР закрепляет право каждого на услуги здравоохранения, достаточное питание, воду и социальную безопасность, а также обязанность государства обеспечивать прогрессивную реализацию указанных прав.

Принцип разумности ограничения прав и свобод закрепляется 36 статьёй Конституции ЮАР. Права, содержащиеся в Билле, могут быть ограничены исключительно на основании закона общего применения и лишь в той мере, в какой оправдано в демократическом обществе, основанном на принципах человеческого достоинства, равенства и свободы. Ограничения прав и свобод выступают обязательным элементом конституционно-правового статуса личности и направлены на обеспечение баланса между интересами личности, общества и государства. В научной доктрине подчёркивается, что именно характер и пределы таких ограничений позволяют оценить реальный уровень защиты прав человека в конкретной правовой системе [6].

Сравнительный анализ конституционно-правового статуса человека и гражданина в Российской Федерации, Республике Корея и Южно-Африканской Республике позволяет выявить как общие тенденции и принципы конституционного регулирования, так и различия в подходах к закреплению и реализации прав личности, обусловленные историческими, социальными и правовыми особенностями развития каждого государства.

Для всех трёх стран характерно признание прав и свобод человека высшей конституционной ценностью и возложение на государство обязанности по их признанию, соблюдению и защите. Во всех рассматриваемых Конституциях также закреплён принцип равенства перед законом и запрет на дискриминацию, что свидетельствует о стремлении к обеспечению равных прав и свобод для всех граждан и защите их от любых форм ущемления.

Вместе с тем подходы к реализации и обеспечению конституционно-правового статуса личности имеют существенные различия. Российская Федерация исходит из концепции неотчуждаемости прав и свобод, принадлежащих каждому от рождения, и придаёт им непосредственно действующий характер. Это обеспечивает приоритет прав человека в системе публичной власти и ориентирует правоприменительную практику на их прямую защиту.

Особенностью конституционно-правового статуса личности в Республике Корея является сочетание прав и обязанностей граждан. В научной литературе подчёркивается, что обязанности выступают самостоятельным элементом правового статуса личности и направлены на обеспечение баланса между интересами личности и государства [4]. Отличием также является наличие конституционно установленного исключения из общего правила судебного контроля за арестом и обыском, допускающего получение ордера после задержания при наличии строго определённых условий. Данный механизм направлен на обеспечение баланса между защитой личной свободы и интересами общественной безопасности.

Южно-Африканская Республика демонстрирует наиболее социально ориентированную модель конституционно-правового статуса личности. Билль о правах содержит

расширенный перечень социально-экономических прав, реализация которых рассматривается как конституционная обязанность государства. При этом Конституция ЮАР сочетает широкие социальные гарантии с чётко сформулированными критериями допустимого ограничения прав.

Проведённый анализ показывает, что конституционно-правовой статус личности в Российской Федерации, Республике Корея и Южно-Африканской Республике основан на признании прав и свобод высшей ценностью. При этом каждая модель отражает особенности развития каждого государства.

Выявленные в ходе исследования различия подтверждают, что конституционно-правовой статус личности выступает не только юридической категорией, но и отражением социально-политических приоритетов конкретного государства.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года: с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 14 марта 2020 года // Собрание законодательства Российской Федерации, 2020, № 11, ст. 1416.
2. Конституция Республики Корея: принята 17 июля 1948 года. — Текст: электронный // Библиотека Конституций Пашкова Романа: [сайт]. — URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=35&ysclid=mkk3djwmfa491138916> (дата обращения: 19.01.2026).
3. Конституция Южно-Африканской Республики: принята 8 мая 1996 года. — Текст: электронный // Россия: Библиотека Пашкова: [сайт]. — URL: <https://constitutions.ru/?p=132&ysclid=mklmiaxq2322520056> (дата обращения: 19.01.2026).
4. Афанасов Э. М., Гайдарева И. И., Мамишева З. А. Защита прав и свобод личности в конституциях Южной Кореи и России (отдельные положения) // Вопросы российского и международного права. — 2023. — Том 13. — № 1А-2А. — С. 53–59.
5. Мельникова, О. В. Конституционно-правовой статус человека и гражданина в Российской Федерации и его обеспечение / О. В. Мельникова. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2019. — № 47 (285). — С. 331–334. — URL: <https://moluch.ru/archive/285/64177>.
6. Юровский, А. В. Сравнительная характеристика конституционно-правового статуса личности в государствах современного мира / А. В. Юровский. — Текст: непосредственный // Сибирский юридический вестник. — 2015. — № 4(71). — С. 132–137.

Финансово-правовые основы обязательного страхования в Российской Федерации: актуальные вопросы правоприменения

Агеев Ярослав Алевтинович, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье исследуются финансово-правовые основы обязательного страхования в Российской Федерации с акцентом на правовую природу данного института и механизмы формирования страховых резервов. Анализируются актуальные проблемы правоприменения, включая недостаточность страховых резервов, пробелы законодательного регулирования и вопросы обеспечения финансовой устойчивости системы обязательного страхования. Обосновывается необходимость совершенствования правового регулирования формирования и использования страховых фондов в условиях экономической нестабильности.

Ключевые слова: обязательное страхование, страховые резервы, финансово-правовое регулирование, правовая природа страхования, ОСАГО, финансовая устойчивость, страховые фонды.

Financial and legal bases of mandatory insurance in the Russian Federation: actual issues of law enforcement

Ageev Yaroslav Alevtinovich, master's student
Moscow University of Finance and Law

The article examines the financial and legal foundations of compulsory insurance in the Russian Federation, focusing on the legal nature of this institution and the mechanisms for forming insurance reserves. Current law enforcement problems are analyzed, including the insufficiency of insurance reserves, gaps in legislative regulation, and issues of ensuring the financial stability of the compulsory insurance system. The necessity of improving the legal regulation of the formation and use of insurance funds in conditions of economic instability is substantiated.

Keywords: compulsory insurance, insurance reserves, financial and legal regulation, legal nature of insurance, CMTPL, financial stability, insurance funds.

Обязательное страхование занимает особое место в финансово-правовой системе Российской Федерации, выступая одновременно инструментом социальной защиты граждан и механизмом распределения финансовых рисков. Актуальность исследования финансово-правовых основ обязательного страхования обусловлена несколькими факторами. Во-первых, система обязательного страхования затрагивает интересы практически каждого гражданина, охватывая такие сферы, как обязательное медицинское страхование, обязательное социальное страхование, страхование гражданской ответственности владельцев транспортных средств. Во-вторых, постоянное совершенствование законодательства в данной сфере порождает новые правовые коллизии и проблемы правоприменения, требующие научного осмысления. В-третьих, финансовая устойчивость системы обязательного страхования напрямую зависит от эффективности правового регулирования формирования и использования страховых резервов и фондов, что приобретает особую значимость в условиях экономической нестабильности. Недостаточная разработанность теоретических аспектов правовой природы обязательного страхования и пробелы в регулировании финансово-контрольных механизмов создают предпосылки для нарушения прав застрахованных лиц и снижения эффективности всей системы страховой защиты.

Правовая природа обязательного страхования представляет собой сложный феномен, сочетающий публично-правовые и частноправовые начала. В юридической науке отмечается дуалистический характер отношений обязательного страхования, который проявляется в том, что, с одной стороны, государство императивно устанавливает обязанность страхования для определенных категорий лиц, а с другой стороны, реализация этой обязанности происходит через институты гражданского права — договор страхования. Такая двойственность природы обязательного страхования порождает ряд теоретических и практических проблем.

Согласно общепринятой позиции, обязательное страхование является специфической формой финансовой деятельности государства, направленной на формиро-

вание централизованных и децентрализованных денежных фондов. В научном сообществе подчеркивается, что обязательное страхование выступает элементом финансовой системы государства, обеспечивающим перераспределение финансовых ресурсов в целях компенсации ущерба при наступлении страховых случаев. При этом финансово-правовой аспект обязательного страхования проявляется в императивном характере установления страховых обязательств, определении размеров страховых тарифов, формировании страховых резервов и осуществлении государственного контроля за страховой деятельностью.

Место обязательного страхования в финансовой системе государства определяется его функциями. Можно выделить несколько ключевых функций обязательного страхования: рисковая (обеспечение страховой защиты от возможных неблагоприятных последствий), предупредительная (финансирование мероприятий по минимизации страховых рисков), сберегательная (накопление страховых резервов) и контрольная (надзор за целевым использованием страховых средств) [12, с. 47].

В контексте финансово-правового регулирования особое значение приобретает вопрос о правовом статусе субъектов обязательного страхования. Отмечается, что страховщики, осуществляющие обязательное страхование, выступают в специфическом качестве — они являются участниками частноправовых отношений, но при этом на них возлагаются публично-правовые обязанности по обеспечению страховой защиты. Данное обстоятельство проявляется в том, что страховые организации не вправе отказать в заключении договора обязательного страхования при обращении к ним потенциального страхователя, что существенно отличается от принципа свободы договора в добровольном страховании.

Правовая конструкция обязательного страхования основывается на нормах Гражданского кодекса Российской Федерации [1] и специальных федеральных законов [13], регулирующих отдельные виды обязательного страхования. Согласно статье 935 ГК РФ, обязательным является страхование, осуществляемое в силу закона. При этом законодатель устанавливает различные модели обязатель-

ного страхования: в одних случаях страхуется риск ответственности за причинение вреда (как в случае с ОСАГО), в других — риск наступления определенных событий (как в социальном страховании).

Анализ законодательства позволяет выделить несколько видов обязательного страхования, функционирующих в Российской Федерации. К их числу относятся: обязательное медицинское страхование, регулируемое Федеральным законом от 29 ноября 2010 г. № 326-ФЗ [15]; обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний; обязательное пенсионное страхование; обязательное страхование гражданской ответственности владельцев транспортных средств. Каждый из этих видов обладает своей спецификой финансово-правового регулирования, однако общим для всех является наличие императивно установленной обязанности страхования и публичного контроля за деятельностью страховщиков.

Центральное место в финансово-правовом механизме обязательного страхования занимает система формирования и использования страховых резервов и фондов. Страховые резервы представляют собой обязательства страховщика по предстоящим страховым выплатам, а их формирование обеспечивает финансовую устойчивость страховой системы и гарантирует исполнение обязательств перед застрахованными лицами. Отметим, что правовое регулирование формирования страховых резервов является ключевым элементом обеспечения платежеспособности страховых организаций.

Правовые основы формирования страховых резервов установлены Законом РФ от 27 ноября 1992 г. № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации», а также подзаконными актами Центрального банка Российской Федерации, осуществляющего регулирование и надзор за страховой деятельностью. Согласно действующему законодательству, страховщики обязаны формировать страховые резервы в размерах, достаточных для исполнения обязательств по договорам страхования. При этом отмечается, что порядок формирования резервов различается в зависимости от вида страхования и характера принимаемых обязательств.

В системе обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств формируются следующие виды резервов: резерв незаработанной премии, резерв заявленных, но неурегулированных убытков, резерв произошедших, но незаявленных убытков. Каждый из этих резервов выполняет определенную функцию в обеспечении финансовой устойчивости системы ОСАГО. Резерв незаработанной премии предназначен для покрытия обязательств по договорам, срок действия которых не истек; резерв заявленных убытков — для осуществления страховых выплат по уже заявленным страховым случаям; резерв незаявленных убытков — для покрытия будущих выплат по страховым случаям, которые уже произошли, но о которых страховщику еще не известно.

Особенностью правового регулирования страховых резервов в системе обязательного медицинского страхования является их формирование не страховыми медицинскими организациями, а территориальными фондами обязательного медицинского страхования. Средства обязательного медицинского страхования формируются за счет страховых взносов, поступающих от работодателей, а также бюджетных ассигнований на обязательное медицинское страхование неработающего населения. Данная модель финансирования обеспечивает всеобщий характер обязательного медицинского страхования, но при этом создает риски, связанные с недостаточностью бюджетного финансирования.

Правовое регулирование инвестирования страховых резервов направлено на обеспечение их сохранности и доходности. Законодательство устанавливает требования к составу и структуре активов, принимаемых для покрытия страховых резервов. Страховщики вправе инвестировать средства страховых резервов в государственные ценные бумаги, банковские вклады, недвижимое имущество и иные активы, перечень которых определяется Центральным банком Российской Федерации. При этом установлены ограничения, направленные на диверсификацию инвестиционного портфеля и снижение рисков.

Важнейшим элементом финансово-правового механизма обязательного страхования является система государственного контроля за формированием и использованием страховых резервов. Центральный банк Российской Федерации осуществляет надзор за деятельностью страховых организаций, проверяет соблюдение ими требований законодательства о формировании страховых резервов, анализирует достаточность резервов для исполнения обязательств. В случае выявления нарушений регулятор вправе применить к страховщикам меры воздействия, вплоть до отзыва лицензии на осуществление страховой деятельности.

Практика применения законодательства об обязательном страховании выявляет ряд актуальных проблем, требующих решения. Одной из ключевых проблем является недостаточность страховых резервов для покрытия обязательств страховщиков. По данным Центрального банка Российской Федерации, отдельные страховые организации систематически не выполняют нормативы достаточности капитала и размера страховых резервов, что создает риски для застрахованных лиц. Данная проблема особенно остро проявляется в системе ОСАГО, где за последние годы наблюдается рост убыточности страховых операций.

Анализ судебной практики свидетельствует о многочисленных спорах, связанных с отказом страховщиков в выплате страхового возмещения или занижением его размера. Как отмечается, страховые компании нередко используют различные механизмы для минимизации страховых выплат, что нарушает права застрахованных лиц [8]. В этой связи Верховный Суд Российской Федерации неоднократно разъяснял спорные вопросы применения

законодательства об обязательном страховании, формируя единообразную судебную практику. Так, Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 8 ноября 2022 г. № 31 [10] высший орган судебной власти дает разъяснения по наиболее проблемным вопросам обязательного страхования, включая порядок осуществления страховых выплат, реализации права потерпевших при организации восстановительного ремонта, ответственности страховщиков за нарушение обязательств, а также обобщает десятилетнюю судебную практику в данной сфере.

Особое значение для защиты прав застрахованных лиц имеют разъяснения Верховного Суда относительно обязанности страховщиков организовывать восстановительный ремонт транспортных средств. Указывается, что страховщик не вправе в одностороннем порядке заменить восстановительный ремонт денежной выплатой с учетом износа, если он не выполнил свою обязанность по организации ремонта. Данная правовая позиция направлена на пресечение злоупотреблений со стороны страховых компаний и обеспечение реального восстановления имущественных прав потерпевших [2; 4].

Проблемы формирования страховых резервов тесно связаны с вопросами ценообразования в обязательном страховании. Отмечается, что установление страховых тарифов должно обеспечивать баланс между доступностью страхования для населения и финансовой устойчивостью страховщиков. Однако на практике достижение такого баланса является сложной задачей. С одной стороны, занижение тарифов приводит к убыточности страховых операций и недостаточности резервов, с другой стороны, чрезмерное повышение тарифов делает страхование недоступным для значительной части населения.

В системе ОСАГО действует регулируемое ценообразование: Центральный банк устанавливает базовые ставки страховых тарифов и коэффициенты, применяемые при расчете страховой премии. Такой подход позволяет контролировать доступность страхования, однако он не всегда учитывает реальную убыточность страховых операций в различных регионах. В результате в регионах с высоким уровнем аварийности страховые компании несут существенные убытки, что негативно влияет на достаточность страховых резервов.

Актуальной проблемой является также недостаточная эффективность механизмов досудебного урегулирования споров в сфере обязательного страхования. Несмотря на введение института финансового уполномоченного, призванного разрешать споры между страхователями и страховщиками во внесудебном порядке, значительное число конфликтов по-прежнему разрешается в судебном порядке [6, с. 61; 7, с. 26]. Это создает дополнительную нагрузку на судебную систему и увеличивает издержки как для застрахованных лиц, так и для страховых организаций.

Федеральный закон от 4 июня 2018 г. № 123-ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг» [14] установил обязательный досудебный порядок

урегулирования споров для требований, не превышающих определенного размера. Исследователи отмечают, что деятельность финансового уполномоченного способствует снижению судебной нагрузки и ускорению разрешения споров, однако эффективность этого института в значительной степени зависит от качества принимаемых решений и их исполнения страховщиками [4, с. 99].

Проблема мошенничества в сфере обязательного страхования также оказывает негативное влияние на формирование страховых резервов. Указывается, что инсценировки дорожно-транспортных происшествий, представление подложных документов, завышение размера ущерба являются распространенными явлениями, приводящими к необоснованному увеличению страховых выплат. По различным оценкам, до 10–15 % страховых выплат по ОСАГО являются следствием мошеннических действий, что создает дополнительную нагрузку на страховые резервы и, в конечном счете, приводит к повышению стоимости страхования для добросовестных страхователей [11, с. 42].

Для противодействия страховому мошенничеству создана автоматизированная информационная система Российского союза автостраховщиков, содержащая сведения обо всех заключенных договорах ОСАГО и произошедших страховых случаях. Отмечается, что использование информационных технологий позволяет выявлять признаки мошеннических действий, однако полностью устранить данную проблему пока не удастся [5, с. 62].

Особого внимания заслуживает вопрос о финансовой устойчивости системы обязательного медицинского страхования. В условиях постоянного роста стоимости медицинских услуг и демографического старения населения обеспечение достаточности средств обязательного медицинского страхования становится все более сложной задачей. Подчеркивается необходимость регулярной актуализации тарифов на оплату медицинской помощи в системе ОМС и совершенствования механизмов контроля за целевым использованием средств фондов обязательного медицинского страхования [3, с. 23].

Проблемы правоприменения в сфере обязательного страхования часто связаны с пробелами и противоречиями в законодательстве. Исследователи отмечают отсутствие четкой регламентации порядка взаимодействия между страховщиками и станциями технического обслуживания при организации восстановительного ремонта по ОСАГО. Не определены права и обязанности автовладельцев при сдаче транспортного средства в ремонт, не установлен алгоритм действий в случае отказа станции технического обслуживания принять автомобиль в ремонт после выдачи направления страховщиком.

Важной проблемой является также недостаточная правовая определенность в вопросах возмещения разницы между страховой выплатой и реальным ущербом. В судебной практике возникают споры о возможности взыскания такой разницы с причинителя вреда в ситуациях, когда транспортное средство уже отремонтировано или

продано. Отсутствие единообразного подхода к разрешению подобных споров создает неопределенность для участников правоотношений и порождает противоречивую судебную практику.

Совершенствование правового регулирования формирования и использования страховых резервов требует комплексного подхода. Представляется необходимым уточнение методик расчета страховых резервов с учетом актуальных статистических данных об убыточности страховых операций, усиление контроля за инвестированием средств страховых резервов, совершенствование системы гарантирования страховых выплат в случае банкротства страховщиков. Важным направлением является также по-

вышение транспарентности деятельности страховых организаций и доступности информации о их финансовом состоянии для застрахованных лиц и органов надзора.

Таким образом, финансово-правовой институт обязательного страхования, для которого характерно одновременно публично-правовое и частноправовое регулирование, требует учета интересов как конкретных собственников или потребителей, так и неопределенно широкого круга субъектов публичного пространства, чьи интересы затрагиваются фактом деятельности или реализации прав указанного субъекта. Соблюдение баланса интересов участников отношений обязательного страхования возлагается на государственные органы.

Литература:

1. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая)» от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025, с изм. от 16.12.2025) // «Российская газета», № 23, 06.02.1996, № 24, 07.02.1996, № 25, 08.02.1996, № 27, 10.02.1996.
2. Апанасенко А. Е. Вопросы правового регулирования обязательного страхования транспортных средств // Правовая политика и правовая жизнь. 2018. № 4.
3. Биндусова Е. А. Перспективы совершенствования гражданско-правового регулирования при заключении договора обязательного страхования в Российской Федерации // Актуальные проблемы современности: наука и общество. 2019. № 2 (23).
4. Егорова О. А. Пропуск срока для обращения в суд с требованиями к страховой компании: процессуальные последствия // Право и политика. 2020. № 4.
5. Кагирова С. Д. Правовые проблемы обязательного страхования гражданской ответственности // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 11–3 (98).
6. Климов В. В. Правовая природа института финансового уполномоченного в Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 18(4).
7. Ковригин А. А. Институт финансового уполномоченного как инструмент разрешения страховых споров // Юридические исследования. 2023. № 7.
8. Лаврик Т. М., Заводов М. Ю. Пленумы Верховного Суда РФ как правовой источник судебной защиты интересов автовладельцев // Право: история и современность. 2024. № 4.
9. Нинчиева Т. М., Джабраилова З. А., Лобжанидзе С. Н. Актуальные проблемы в сфере страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств // Аграрное и земельное право. 2024. № 5 (233).
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 08.11.2022 № 31 «О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» // «Бюллетень Верховного Суда РФ», № 1, январь, 2023.
11. Сайфутдинов М. А. Некоторые особенности обязательного автомобильного страхования в Российской Федерации // Правовой альманах. 2024. № 1 (32).
12. Файзрахманова Л. М. Особенности осуществления надзора на рынке страховых услуг // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 10 (107).
13. Федеральный закон от 25.04.2002 № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 18. Ст. 1720.
14. Федеральный закон от 04.06.2018 № 123-ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг» (ред. от 28.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 2018. № 24. Ст. 3390.
15. Федеральный закон от 29.11.2010 N 326-ФЗ (ред. от 28.11.2025) «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» // «Парламентская газета», N 64, 10–16.12.2010.

Компетенция банка России в сфере регулирования страхового рынка: административно-правовой анализ

Агеев Ярослав Алевтинович, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье проводится комплексный административно-правовой анализ компетенции Банка России как мегарегулятора страхового рынка, исследуются правовые основы его деятельности, основные направления реализации надзорных полномочий и институциональная структура системы регулирования. Выявлены проблемные аспекты реализации компетенции регулятора, включая риски конфликта интересов и недостаточную прозрачность регулятивного процесса, сформулированы предложения по совершенствованию правового регулирования с учетом зарубежного опыта.

Ключевые слова: Банк России, страховой рынок, государственное регулирование, страховой надзор, административно-правовая компетенция, финансовый мегарегулятор, пруденциальное регулирование.

The Bank of Russia's competence in regulating the insurance market: administrative and legal analysis

Ageev Yaroslav Alevtinovich, master's student
Moscow University of Finance and Law

The article provides a comprehensive administrative and legal analysis of the competence of the Bank of Russia as a mega-regulator of the insurance market, examines the legal foundations of its activities, the main directions of implementation of supervisory powers and the institutional structure of the regulatory system. The problematic aspects of the implementation of the regulator's competence are identified, including the risks of conflicts of interest and insufficient transparency of the regulatory process, and proposals for improving legal regulation are formulated, taking into account foreign experience.

Keywords: Bank of Russia, insurance market, state regulation, insurance supervision, administrative and legal competence, financial mega-regulator, prudential regulation.

Современный этап развития российской экономики характеризуется возрастающей ролью страхового рынка как важнейшего элемента финансовой системы государства, обеспечивающего защиту имущественных интересов граждан и юридических лиц, а также способствующего формированию долгосрочных инвестиционных ресурсов. В условиях структурной трансформации экономики, геополитической напряженности и санкционного давления значение эффективного государственного регулирования страховой деятельности существенно возрастает. Центральное место в системе регулирования страхового рынка занимает Банк России, который с 2013 года, после упразднения Федеральной службы по финансовым рынкам, получил статус мегарегулятора и сосредоточил в своих руках весь комплекс полномочий по надзору за финансовым сектором, включая страхование.

Актуальность исследования компетенции Банка России в сфере регулирования страхового рынка обусловлена несколькими факторами. Во-первых, за последние годы произошли существенные изменения в законодательстве, регулирующем страховую деятельность, что требует комплексного анализа правовых основ деятельности регулятора. Во-вторых, повышение требований к капиталу страховщиков, внедрение риск-ориентированного подхода к надзору, создание системы гарантирования по договорам страхования жизни представляют собой каче-

ственно новый этап развития страхового регулирования в России. В-третьих, активная имплементация международных стандартов, в частности принципов Международной ассоциации органов страхового надзора (IAIS) и элементов европейской директивы Solvency II, требует оценки их адаптации к российским условиям с позиций административного права.

Вместе с тем, несмотря на значительный прогресс в развитии системы страхового надзора, остается ряд нерешенных проблем. К ним относятся риски конфликта интересов Банка России как участника финансового рынка и надзорного органа, недостаточная прозрачность критериев принятия регулятивных решений, сложности в обеспечении баланса между ужесточением требований к страховщикам и необходимостью сохранения конкурентной среды на рынке. Кроме того, цифровизация страховых услуг и появление новых страховых продуктов ставят перед регулятором задачи оперативной адаптации нормативной базы к изменяющимся условиям.

Целью настоящей статьи является комплексный административно-правовой анализ компетенции Банка России в сфере регулирования страхового рынка, выявление проблемных аспектов реализации надзорных полномочий и формулирование предложений по совершенствованию правового регулирования с учетом отечественного и зарубежного опыта.

Правовой статус Банка России как органа регулирования и надзора за страховой деятельностью определяется комплексом нормативных правовых актов различного уровня. Базовым законом, закрепляющим полномочия Банка России, является Федеральный закон от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» [1], согласно которому Банк России осуществляет надзор за деятельностью некредитных финансовых организаций, включая страховые организации.

Специальное регулирование страховой деятельности осуществляется на основании Закона РФ от 27 ноября 1992 г. № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации» [4], который определяет принципы организации страхового дела, устанавливает требования к субъектам страхового рынка и закрепляет основные направления государственного регулирования.

Компетенция Банка России в сфере страхового регулирования может быть структурирована по нескольким направлениям. Во-первых, это нормотворческие полномочия, включающие разработку и утверждение нормативных актов, устанавливающих обязательные требования к участникам страхового рынка. Во-вторых, лицензионные полномочия, заключающиеся в выдаче, приостановлении и отзыве лицензий на осуществление страховой деятельности. В-третьих, надзорные полномочия, предполагающие контроль за соблюдением страховщиками требований законодательства, проведение проверок, требование представления информации и документов. В-четвертых, санкционные полномочия, включающие применение мер административного воздействия к нарушителям.

Особенностью правового статуса Банка России является его относительная независимость от органов государственной власти при одновременном наличии публично-правовых функций. Отметим, что Банк России не является органом государственной власти в классическом понимании, но осуществляет государственные функции, что создает специфическую правовую конструкцию, требующую особого внимания с точки зрения административно-правового регулирования.

Система регулирования страхового рынка в Российской Федерации представляет собой сложную многоуровневую конструкцию, включающую не только непосредственно Банк России, но и ряд других субъектов, участвующих в процессе регулирования и надзора. Анализ институциональной структуры необходим для понимания распределения компетенции и механизмов взаимодействия различных участников регулятивного процесса.

В узком смысле институциональная подсистема страхового рынка включает страховые организации, общества взаимного страхования, страховых брокеров и страховых агентов. По данным Банка России, за период с 2013 произошло существенное сокращение количества субъектов страхового дела с 420 страховых организаций до 164. Это сокращение обусловлено прежде всего ужесточе-

нием требований к финансовой устойчивости и платежеспособности страховщиков, что является закономерным следствием проводимой Банком России политики «расчистки» рынка от недобросовестных и финансово неустойчивых участников.

В широком смысле институциональная подсистема включает также субъектов, обеспечивающих функционирование системы регулирования и надзора. К их числу относятся актуарии и специализированные депозитарии. Институт актуарного оценивания был существенно развит с принятием Федерального закона от 2 ноября 2013 г. № 293-ФЗ «Об актуарной деятельности в Российской Федерации» [2]. Данная подсистема в лице актуариев призвана осуществлять независимую оценку финансовых рисков страховщиков, что усиливает систему контроля и повышает прозрачность страхового рынка.

Специализированные депозитарии были введены Федеральным законом от 23 июля 2013 г. № 234-ФЗ [3] и на них возложена функция ежедневного контроля за соблюдением страховщиками требований к размещению средств страховых резервов и собственных средств (капитала). Эта мера представляет собой делегирование части надзорных полномочий частным структурам, что соответствует мировым тенденциям развития финансового регулирования и позволяет регулятору сосредоточиться на стратегических аспектах надзора.

Отдельного внимания заслуживает созданная в 2020 году дочерняя компания Банка России — АО «Национальная страховая информационная система» (НСИС), которая обеспечивает функционирование автоматизированной информационной системы страхования. С 2024 года страховые компании обязаны передавать в эту систему данные по обязательному и добровольному автострахованию, а также страхованию жилья. Создание централизованной системы сбора и анализа информации является необходимым условием для перехода к риск-ориентированному надзору и повышения качества регулятивных решений.

Важным элементом институциональной структуры являются также профессиональные объединения страховщиков, в частности Всероссийский союз страховщиков (ВСС). Хотя акты таких объединений носят рекомендательный характер для их членов, они играют существенную роль в формировании стандартов профессиональной деятельности и способствуют саморегулированию рынка. Очевидно, что сочетание государственного регулирования и саморегулирования является оптимальной моделью для современного страхового рынка, обеспечивающей баланс между жестким контролем и гибкостью рыночных механизмов.

Административно-правовой анализ деятельности Банка России позволяет выделить несколько ключевых направлений реализации его компетенции в сфере страхового регулирования.

Лицензирование страховой деятельности. Банк России обладает исключительными полномочиями по выдаче, пе-

реоформлению, приостановлению и отзыву лицензий на осуществление страховой деятельности. Процедура лицензирования включает проверку соответствия заявителя установленным требованиям к уставному капиталу, деловой репутации учредителей и руководителей, наличию квалифицированных специалистов. В период с 2013 г. Банк России существенно ужесточил требования к минимальному размеру уставного капитала страховщиков: для страховщиков, осуществляющих виды страхования иные, чем страхование жизни, он был повышен до 120 млн рублей, а для страховщиков жизни — до 480 млн рублей [11, с. 467].

Особое значение имеет институт отзыва лицензий у недобросовестных страховщиков. За последние годы Банк России активно использовал это полномочие, отзывав лицензии у более чем 250 страховых организаций. Основаниями для отзыва лицензии, согласно ст. 32.8 Закона об организации страхового дела, являются неоднократное нарушение федеральных законов, нормативных актов Банка России, непредставление отчетности, неудовлетворительное финансовое положение. Практика отзыва лицензий способствует «расчистке» рынка, однако требует соблюдения баланса между защитой интересов потребителей и правами страховщиков, поскольку отзыв лицензии является крайней мерой административного воздействия [10, с. 218].

Пруденциальное регулирование. Это направление включает установление требований к финансовой устойчивости и платежеспособности страховщиков. Банк России определяет правила формирования страховых резервов, требования к составу и структуре активов, принимаемых для их покрытия, нормативы достаточности собственных средств (капитала). С 2021 года в России началось поэтапное внедрение риск-ориентированной модели оценки платежеспособности страховщиков, основанной на принципах европейской директивы Solvency II. Эта модель предполагает более точную оценку принимаемых страховщиками рисков и определение требуемого капитала не только с количественной, но и с качественной точки зрения [7, с. 122].

Внедрение риск-ориентированного подхода является закономерным этапом развития страхового надзора, позволяющим переместить акцент с формального соблюдения нормативов на содержательную оценку рисков, что повышает эффективность регулирования. Вместе с тем, процесс имплементации Solvency II в российских условиях сталкивается с рядом трудностей, связанных с недостаточным уровнем развития риск-менеджмента в страховых компаниях, дефицитом квалифицированных кадров и необходимостью существенных инвестиций в информационные системы.

Регулирование страховых продуктов и тарифов. Банк России осуществляет мониторинг страховых продуктов с целью выявления продуктов с низкой клиентской ценностью. С 2022 года введены требования по раскрытию информации о страховом продукте, включая ключевые

информационные документы, которые должны быть предоставлены потребителю до заключения договора страхования. Важным нововведением стало введение «периода охлаждения» (cooling-off period) по некоторым видам добровольного страхования, предоставляющего страхователю право отказаться от договора в течение определенного срока и получить возврат уплаченной премии [8, с. 559]. Эта мера, предусмотренная Указанием Банка России от 20 ноября 2015 г. № 3854-У [6], существенно повысила уровень защиты прав потребителей, особенно в отношении так называемых «навязанных» страховых продуктов.

В отношении обязательных видов страхования Банк России участвует в разработке базовых страховых тарифов. Например, по обязательному страхованию гражданской ответственности владельцев транспортных средств (ОСАГО) регулятор утверждает коридоры тарифных ставок и коэффициенты, влияющие на размер страховой премии. Тарифное регулирование в обязательном страховании необходимо для обеспечения доступности страховых услуг для широких слоев населения, однако оно должно быть сбалансированным, чтобы не подрывать финансовую устойчивость страховщиков.

Защита прав потребителей страховых услуг. В структуре Банка России создана Служба по защите прав потребителей и обеспечению доступности финансовых услуг, которая рассматривает обращения граждан, проводит разъяснительную работу, осуществляет мониторинг нарушений прав потребителей. С 2019 года действует институт финансового уполномоченного, к компетенции которого отнесено досудебное урегулирование споров между страхователями и страховщиками по ряду видов страхования. Создание института финансового уполномоченного является позитивным шагом, снижающим нагрузку на судебную систему и обеспечивающим более оперативное разрешение споров [9, с. 79].

Информационное регулирование и обеспечение прозрачности рынка. Банк России устанавливает требования к раскрытию информации страховщиками, ведет единый государственный реестр субъектов страхового дела, публикует статистические данные о состоянии страхового рынка. Особое значение имеет формирование централизованной автоматизированной информационной системы страхования, которая позволяет регулятору получать оперативную информацию о заключаемых договорах страхования, страховых случаях и выплатах, что создает основу для перехода к проактивному надзору и предупреждению нарушений.

Надзор за корпоративным управлением и системой управления рисками. Банк России устанавливает требования к системе корпоративного управления страховых организаций, включая требования к квалификации и деловой репутации руководителей, порядку принятия решений органами управления, системе внутреннего контроля и аудита. С 2025 года действует Положение Банка России от 17.06.2025 № 858-П «О требованиях к финан-

совой устойчивости и платежеспособности страховщиков» [5], которое детализирует требования к учетной политике страховщиков.

Несмотря на значительный прогресс в развитии системы страхового регулирования, существует ряд проблем, требующих внимания законодателя и регулятора. Наиболее существенной представляется проблема потенциального конфликта интересов Банка России, который одновременно является регулятором страхового рынка и участником финансового сектора, владеющим контрольными пакетами акций крупных финансовых институтов (Сбербанк, ВТБ и др.), имеющих страховые дочерние компании. Концентрация регулятивных и коммерческих функций в одних руках противоречит принципам эффективного государственного регулирования и создает условия для возможных злоупотреблений. Такая ситуация требует выработки четких механизмов предотвращения конфликта интересов и усиления общественного контроля за деятельностью регулятора. Возможным решением могло бы стать законодательное закрепление механизма «китайских стен» между подразделениями Банка России, осуществляющими надзорные функции, и подразделениями, управляющими активами регулятора, а также создание независимых комиссий по рассмотрению жалоб на действия регулятора с участием представителей страхового бизнеса и научного сообщества.

Другой значимой проблемой является недостаточная прозрачность критериев принятия регулятивных решений. Несмотря на наличие формализованных оснований для применения мер административного воздействия, решения Банка России об отзыве лицензий, наложении штрафов или иных санкций нередко воспринимаются участниками рынка как недостаточно обоснованные, что создает атмосферу правовой неопределенности и затрудняет долгосрочное планирование деятельности страховых компаний. Решение этой проблемы видится в совершенствовании административных регламентов деятельности Банка России, детализации критериев оценки соблюдения страховщиками нормативных требований, а также развитии практики предварительных публичных консультаций с участниками рынка при подготовке значимых регулятивных решений. Представляется целесообразным также усилить роль Национального финансового совета в контроле за деятельностью Банка России и создать при регуляторе консультативные советы с участием представителей страхового бизнеса, потребительских организаций и научного сообщества.

Отдельного внимания заслуживает проблема адаптации международных стандартов регулирования к российским условиям. Внедрение элементов европейской

директивы Solvency II и принципов Международной ассоциации органов страхового надзора (IAIS) сталкивается с объективными препятствиями: российские страховые компании, особенно региональные, не всегда располагают необходимыми ресурсами для внедрения сложных систем оценки и управления рисками; в условиях санкционного давления некоторые параметры европейской модели становятся неприменимыми; существуют культурные и институциональные различия, затрудняющие прямое заимствование зарубежных подходов. Очевидно, что рецепция зарубежных правовых конструкций должна осуществляться не механически, а с учетом национальной специфики правовой системы и экономических условий. В связи с этим перспективным представляется развитие собственных подходов к регулированию страхового рынка, основанных на лучших мировых практиках, но адаптированных к российским реалиям, с поэтапным внедрением международных стандартов и предоставлением страховым компаниям достаточного времени для подготовки и необходимой методической поддержки со стороны регулятора.

Проведенный административно-правовой анализ компетенции Банка России в сфере регулирования страхового рынка свидетельствует о том, что за период с 2013 года, когда регулятор получил статус мегарегулятора финансового рынка, сформирована комплексная система страхового надзора, включающая нормотворческие, лицензионные, надзорные и санкционные полномочия. Достигнуты значительные успехи в повышении финансовой устойчивости страховщиков, защите прав потребителей страховых услуг, внедрении риск-ориентированного подхода к регулированию.

Вместе с тем выявлен ряд проблемных аспектов, требующих совершенствования правового регулирования: риски конфликта интересов Банка России как регулятора и участника финансового рынка, недостаточная прозрачность критериев принятия регулятивных решений, сложности адаптации международных стандартов к российским условиям. Решение этих проблем видится в законодательном закреплении механизмов предотвращения конфликта интересов, развитии институтов общественного контроля за деятельностью регулятора, совершенствовании административных регламентов и критериев оценки деятельности страховщиков, а также в учете зарубежного опыта регулирования страховых рынков при сохранении национальной специфики правового регулирования. Реализация предложенных мер будет способствовать повышению эффективности государственного регулирования страхового рынка и укреплению его роли в обеспечении экономической и социальной стабильности российского общества.

Литература:

1. Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ (ред. от 29.12.2025) «О Центральном банке РФ (Банке России)» // «Собрание законодательства РФ», 15.07.2002, № 28, ст. 2790.

2. Федеральный закон от 02.11.2013 № 293-ФЗ (ред. от 10.07.2023) «Об актуарной деятельности в Российской Федерации» // «Российская газета», № 249, 06.11.2013.
3. Федеральный закон от 23.07.2013 № 234-ФЗ (ред. от 29.07.2017) «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об организации страхового дела в Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 29.07.2013, № 30 (Часть I), ст. 4067.
4. Закон РФ от 27.11.1992 № 4015-1 (ред. от 17.11.2025) «Об организации страхового дела в Российской Федерации» // «Ведомости СНД и ВС РФ», 14.01.1993, № 2, ст. 56.
5. Положение Банка России от 17.06.2025 № 858-П «О требованиях к финансовой устойчивости и платежеспособности страховщиков» // СПС КонсультантПлюс Консультант Плюс URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=513262&cacheid=EE81CDEE77CFAF3FCDB2F4C2E3B2FE08&mode=splus&rnd=HsAqV7VaI2z9nvky#3fhEW7Vg9bQU5SqV2>.
6. Указание Банка России от 20.11.2015 № 3854-У (ред. от 21.08.2017) // «Вестник Банка России», № 16, 20.02.2016.
7. Занин А. С. Международные стандарты регулирования страхового рынка // Проблемы экономики и юридической практики. 2017. № 5.
8. Звонарев Е. Ю. Изменения направлений регулирования страхового рынка в Российской Федерации // Вестник науки. 2025. № 6 (87).
9. Кулешова Д. И. Государственное регулирование на страховом рынке: инструменты, формы, методы // Форум молодых ученых. 2025. № 5 (105).
10. Покачалова А. С. Финансово-правовое регулирование страхового рынка // Вестник СГЮА. 2019. № 1 (126).
11. Хворов А. С. Государственное регулирование страхового рынка // Форум молодых ученых. 2018. № 6–3 (22).

Проблемы реализации права на образование в России

Андреев Сергей Николаевич, студент магистратуры
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

В статье рассмотрены правовые начала и проблемные моменты в реализации конституционного права на образование в России. Образование является критически важной сферой для развития общества и государства. В статье приведены данные статистики, обзор работ современных авторов, выделены актуальные проблемные вопросы и пути их решения.

Ключевые слова: система образования, доступность образования, современные вызовы и угрозы, модернизация сферы образования.

В России Конституцией РФ (ст. 43) гарантируется право на получение образования. Основными принципами получения являются общедоступность и бесплатность общего образования. Согласно имеющимся данным статистики (Росстат 2025) охват школьным образованием, на данный момент, составляет 98 %. Вместе с тем при реализации вышеуказанных положений на практике возникают проблемные моменты. При этом создание возможности получения качественного образования является критически важной задачей для государства для его развития в современных условиях. Наглядно это показывает опыт СССР, Китая и т. д.

Проблематика в рассматриваемой сфере явилась объектом исследования ряда авторов. С точки зрения конституционного права проблемы получения образования нашли свое отражение в работах таких авторов как Т. К. Абдибаитова, Д. У. Дзодзикова, А. И. Кисилева, О. В. Порошиной. Современные проблемы реализации права на образование указаны в работах Е. А. Давтяна, П. И. Ибрагимовой, М. М. Шейхмагомедова. Отдельные моменты отражены в работах иных авторов.

Современная система образования в России строится на правовых актах различного уровня (прежде всего это ФЗ «Об образовании», подзаконные акты) и включает в себя:

- дошкольное образование;
- начальное общее;
- основное общее;
- среднее общее;
- среднее профессиональное;
- высшее;
- послевузовское образование [2, с. 265].

При этом законом гарантируется доступность каждой из ступени образования. Однако с учетом современных складывающихся условий, начиная с 10 класса среднего общего образования и выше, также действует условие прохождения конкурса и выполнение определенных требований (сдача ЕГЭ, конкурс аттестатов и т. д.) [3].

Среди проблемных моментов можно выделить следующие. Ряд авторов выделяют такую проблему [4, 6] как неравномерность распределения финансирования по регионам, что приводит к различному уровню доступности образования и его качества. Особенно это актуально для

регионов, удаленных от центральной части России и сельских местностей. С правовой точки зрения это связано с тем, что в законодательстве не определены минимальные стандарты финансирования системы образования на душу населения. Заметен и сравнительно низкий уровень финансирования (2024 год — 4,7 % ВВП по сравнению с средним по ОЭСР — 5,2 %). Касаясь регионов следует отметить, что в субъектах с низким ВРП норма финансирования является ниже на 40–50 % [5]. Итогом, как уже отмечено выше, является более низкий уровень качества, нехватка педагогов, обеспечения средствами обучения и, как итог, снижение возможности реализации права на образование в данных регионах. Например, в Арктической зоне и на Дальнем Востоке (Чукотка, Магаданская область) дефицит учителей достигает 20–30 % (данные Минпросвещения, 2025). В 2024 году по данным Минпросвещения имелось 28 тыс. школ, где один учитель ведёт уроки по нескольким предметам. Уровень интернет-покрытия в сельских районах составляет 75 %, что критично для организации дистанционного обучения. Подобные проблемы также характерны и для сельских школ развитых регионов.

Необходимо отметить и социальный аспект. Например, дети из малоимущих семей (15 % населения по Росстату, 2025) сталкиваются с неравенством при реализации права на образование, платные репетиторы и кружки недоступны, что снижает шансы на ЕГЭ (проходной балл в вузы Москвы — 80+, в регионах — 60+). Важным моментом является и интеграция новых регионов в систему образования. В частности, более 1 млн детей из новых регионов (ДНР, ЛНР, Запорожская, Херсонская области) нуждаются в интеграции. При этом дефицит учебников в данных учреждениях составляет 40 % [1].

Также следует упомянуть проблемы в реализации права на образование отдельных групп населения (дети с задержкой речевого развития и иными особенностями здоровья, требующими привлечения специалистов (например логопедов, дефектологов). Однако на данный момент четко прослеживается тенденция нехватки данных специалистов (нагрузка на логопеда в ряде школ составляет 200–300 %, нет специального оборудования и помещений. При этом специализированные образовательные учреждения ликвидируются [1, с. 102].

Впоследствии данные проблемы проецируются и на сферу среднего и высшего профессионального образования. Можно выделить следующие из них:

— отток более 15 % студентов в первый год обучения (как отмечают специалисты, в частности, из-за несоответствия ЕГЭ реальности);

— рейтинг QS 2025 включает всего 12 Российских вузов в топ-1000;

— рынок труда. 30 % выпускников работают не по специальности (SuperJob, 2025). Дефицит инженеров и IT-специалистов более 1 млн вакансий [1].

Другой значимой проблемой является коррумпированность данной сферы. Ежегодно выявляется множество нарушений и преступлений коррупционного характера. Сюда можно отнести случаи фиктивного зачисления студентов (в ряде случаев массово для получения права иностранцев на пребывание в стране), ложных сведений о результатах испытаний и т. д. Все это в итоге значительно ограничивает право на получение образования граждан, не задействованных в коррупционных схемах. При этом следует отметить высокий уровень латентности данных преступлений.

Таким образом можно сделать вывод о том, что Конституционная гарантия бесплатного образования (ст. 43 Конституции РФ) и 98 %-ный охват школьным обучением не устраняют глубоких системных проблем. Их преодоление требует комплексных мер: роста финансирования, кадровой поддержки, цифровизации и борьбы с коррупцией. В качестве основным мер их преодоления можно предложить следующее:

— закрепить федеральные нормативы субвенций на ученика, адаптированные к реальной стоимости услуг, для выравнивания региональных диспропорций;

— довести расходы до 5,2 % ВВП (уровень ОЭСР) поэтапно, с приоритетом на отстающие регионы.

— ввести гранты для субъектов с эффективными практиками улучшения качества образования;

— гарантировать базовый оклад учителя выше МРОТ, с прозрачными надбавками за допнагрузку (классное руководство, ОВЗ).

— ввести образовательные сертификаты для малоимущих: бесплатные кружки, репетиторы к ЕГЭ.

— развить инклюзию: сохранить коррекционные школы, увеличить штат специалистов (дефектологи, психологи).

— ужесточить наказания за взятки и фальсификации, активизировать общественный контроль.

В целом следует пересмотреть подход не только к финансированию, но и оценке важности системы образования в России. Предполагается, что предлагаемые меры не только способны повысить качество образования, но и позволят создать равный доступ к качественному образованию, укрепив кадровый потенциал страны и задав положительный вектор ее развития.

Литература:

1. Абдибаитов, Т. К. Право на образование в Российской Федерации: конституционные гарантии, проблемы реализации и перспективы развития / Т. К. Абдибаитов // Молодой ученый. — 2025. — № 3 (554). — С. 100–102.
2. Давтян, Е. А. Механизм и проблемы реализации права на образование в РФ на современном этапе: предложения по совершенствованию / Е. А. Давтян // Сборник научных трудов кафедры правовой культуры и защиты прав человека: Сборник статей. — Ставрополь: Издательско-полиграфический комплекс «АГРУС», 2024. — С. 265–269.

3. Дзодзиков, З. У. Проблемы реализации конституционного права на образование в России / З. У. Дзодзиков // Юридические исследования. — 2023. — № 10. — С. 35–53.
4. Киселев, А. И. Проблемы реализации конституционных прав и свобод человека и гражданина (на примере права на образование) / А. И. Киселев // Правовые проблемы укрепления российской государственности / Под редакцией В. Ф. Воловича, А. М. Барнашова, В. М. Зуева / Томский государственный университет. Том Часть 40. — Томск: Издательство Томского университета, 2008. — С. 139–140.
5. Порошина, В. О. Проблема доступности и качества образования как аспект реализации конституционного права на образование / В. О. Порошина, О. Н. Полупанова // Аллея науки. — 2023. — Т. 1, № 7(82). — С. 456–459.
6. Шейхмагомедов, М. М., Ибрагимова, П. И. Актуальные проблемы реализации права на образование в России // Материалы VIII Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум» URL: <https://scienceforum.ru/2016/article/2016024405> (дата обращения: 15.01.2026).

Особенности обращения взыскания на имущество должника: от норм закона до практической реализации

Андриянова Татьяна Сергеевна, студент магистратуры

Уральский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Челябинск)

Обращение взыскания на имущество должника представляет собой центральный институт исполнительного производства, обеспечивающий реальное исполнение судебных и иных актов. Данная процедура является финальной и наиболее действенной мерой принуждения, позволяющей удовлетворить требования взыскателя за счет стоимости активов должника. Однако её эффективность напрямую зависит от строгого соблюдения установленной Федеральным законом от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (далее — Закон № 229-ФЗ) процедуры, а также от учета многочисленных ограничений и особенностей, связанных с характером взыскиваемого имущества [1].

1. Правовые основы и начало процедуры обращения взыскания.

Основанием для начала принудительных действий является возбуждение судебным приставом-исполнителем исполнительного производства на основании надлежащего исполнительного документа. Первоначально должнику предоставляется срок для добровольного исполнения, который, согласно статье 30 Закона № 229-ФЗ, составляет пять дней с момента получения им постановления о возбуждении производства. Неисполнение требований в добровольном порядке дает приставу-исполнителю право применять меры принудительного исполнения, центральное место среди которых занимает обращение взыскания на имущество [1].

2. Имущество, не подлежащее взысканию: гарантии социальной защищенности.

Законодатель устанавливает абсолютный иммунитет для определенных категорий имущества, необходимых для обеспечения минимальных жизненных потребностей должника и его семьи. Исчерпывающий перечень такого имущества закреплен в статье 446 Гражданского процес-

суального кодекса Российской Федерации. К нему, в частности, относится единственное пригодное для постоянного проживания жилое помещение (если оно не является предметом ипотеки), предметы обычной домашней обстановки и обихода, продукты питания и деньги на сумму не ниже установленного прожиточного минимума, имущество, необходимое для профессиональной деятельности, и др. [2]. Наличие этих гарантий делает процедуру взыскания социально сбалансированной, но одновременно существенно ограничивает пул доступных для обращения активов, особенно в отношении граждан-должников.

3. Очередность обращения взыскания на различные виды имущества.

Статья 69 Закона № 229-ФЗ устанавливает строгую последовательность, в которой судебный пристав-исполнитель должен обращать взыскание на активы должника. Данная очередность выглядит следующим образом:

Первая очередь: Денежные средства в рублях и иностранной валюте, находящиеся на счетах, во вкладах или на хранении в банках и иных кредитных организациях, а также электронные денежные средства.

Вторая очередь: Иное имущество, принадлежащее должнику на праве собственности, хозяйственного ведения или оперативного управления, за исключением имущества, изъятого из оборота.

Таким образом, пристав не вправе сразу арестовать недвижимость или транспортное средство, если у должника имеются достаточные денежные средства на счетах. Данное правило направлено на минимизацию издержек и упрощение процедуры взыскания [1].

4. Порядок наложения ареста и оценки имущества. Наложение ареста является основной мерой обеспечения исполнения и последующей реализации имущества. Акт описи и ареста составляется приставом-исполнителем

с участием понятых и должен содержать детальное описание каждого предмета. Последующая оценка арестованного имущества производится по рыночным ценам, действующим на день ареста. Если взыскатель или должник не согласны с произведенной оценкой, они вправе инициировать проведение независимой оценки за свой счет с последующим возмещением расходов за счет должника [3].

5. Реализация арестованного имущества: способы и проблемные аспекты. Основным способом реализации имущества, за исключением денежных средств, является его продажа на специализированных электронных торговых площадках в форме аукциона. Начальная цена выставляется в размере, составляющем от 100 % до 60 % от оценочной стоимости, в зависимости от её величины. Если аукцион признан несостоявшимся дважды, взыскателю предоставляется право оставить имущество за собой с зачетом его стоимости в счет погашения долга. В случае отказа имущество возвращается должнику, а исполнительный документ — взыскателю, что фактически означает прекращение взыскания по данному основанию [1]. На практике эта стадия сопряжена с рисками значительного занижения цены имущества на торгах, его порчи при хранении и длительными сроками организации торгов.

6. Особенности взыскания на отдельные виды активов. Процедура имеет свою специфику в зависимости от объекта взыскания:

– **Недвижимость:** требует государственной регистрации ареста в Росреестре. Взыскание на единственное жилье, как правило, невозможно.

– **Доли в уставном капитале ООО:** сложная процедура, требующая уведомления общества и соблюдения преимущественного права покупки другими участниками.

– **Дебиторская задолженность:** обращение взыскания осуществляется путем вынесения постановления, обязывающего дебитора должника перечислить средства на депозитный счет подразделения ФССП России.

Заключение

Обращение взыскания на имущество должника остается сложным, многоступенчатым процессом, эффективность которого зависит от слаженных действий судебного пристава-исполнителя и активной позиции взыскателя. Последнему для достижения результата необходимо не только формально инициировать производство, но и предпринимать активные шаги: предоставлять пристава информацию об имуществе должника, контролировать соблюдение сроков, а в ряде случаев — финансировать дополнительные мероприятия, такие как независимая оценка. Дальнейшее совершенствование законодательства и правоприменительной практики в этой сфере видится в цифровизации процессов, повышении прозрачности торгов и оптимизации сроков реализации имущества.

Литература:

1. Федеральный закон «Об исполнительном производстве» от 02.10.2007 N 229-ФЗ (последняя редакция). — Текст: электронный — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_71450/ (дата обращения: 20.01.2026).
2. «Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 15.12.2025, с изм. от 22.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026). — Текст: электронный — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/a67dde7f663104e7cfeff6d926f3a3e8ac36aa2/ (дата обращения: 20.01.2026).
3. Исполнительное производство. — Текст: электронный — URL: <https://znanium.ru/catalog/document?id=460385&ysclid=mkm55y0mkt22676476> (дата обращения: 20.01.2026).

Процессуальное значение участия судебно-медицинского эксперта и специалиста при осмотре места происшествия в расследовании заказных убийств

Арелтуева Валентина Ивановна, студент магистратуры
Сибирский университет потребительской кооперации (г. Новосибирск)

В статье рассматривается процессуальное значение участия судебно-медицинского эксперта и специалиста при осмотре места происшествия в рамках расследования заказных убийств. Анализируются нормы УПК РФ, регулирующие проведение осмотра и привлечение специальных познаний, а также влияние качества первичной фиксации обстановки и признаков инсценировки на формирование доказательственной базы и последующее назначение судебной экспертизы.

Ключевые слова: заказное убийство, убийство по найму, осмотр места происшествия, судебно-медицинский эксперт, специалист, доказательства, УПК РФ.

Осмотр места происшествия относится к числу ключевых следственных действий, обеспечивающих

формирование первичной доказательственной базы по уголовному делу. Конституция Российской Федерации за-

крепляет право на жизнь в качестве базовой конституционной гарантии, что предопределяет повышенные требования к эффективности и законности расследования преступлений, посягающих на жизнь человека. [1] При расследовании убийств по найму (заказных убийств) доказательственное значение осмотра, существенно возрастает ввиду высокой степени подготовки преступления, организованности действий исполнителя, а также возможного применения способов сокрытия следов.

В подобных ситуациях участие судебно-медицинского эксперта и иных специалистов при осмотре места происшествия следует рассматривать не как вспомогательное сопровождение следственного действия, а как процессуальную гарантию полноты фиксации фактических данных и допустимости доказательств и качество первичного осмотра во многих случаях определяет возможность проверки версии о заказном характере убийства и наличии инсценировки [8].

Процессуальный порядок осмотра места происшествия закреплён в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации. Общий порядок производства осмотра регламентируется ст. 177 УПК РФ, устанавливающей требования к оформлению и фиксации результатов следственного действия. [2]

При этом общие правила производства следственных действий определены ст. 164 УПК РФ. Данная норма закрепляет требования к соблюдению законности, порядку привлечения участников, применению средств фиксации и отражению процессуально значимых обстоятельств в соответствующих протоколах.

При наличии трупа действуют специальные правила, предусмотренные ст. 178 УПК РФ. Осмотр трупа должен проводиться с участием специалиста — врача судебно-медицинского эксперта, а при невозможности его участия допускается участие врача иной специальности. Норма отражает юридическую необходимость применения специальных познаний при исследовании признаков смерти, характера повреждений и иных обстоятельств, имеющих значение для последующего доказывания.

Процессуальный статус специалиста определён ст. 58 УПК РФ. Специалист привлекается для содействия следователю в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, использовании технических средств, а также для разъяснения вопросов, требующих специальных знаний. Данный институт выступает механизмом повышения качества расследования, поскольку обеспечивает включение специальных познаний в процесс доказывания уже на первоначальном этапе.

Следователь не владеет экспертными компетенциями во всех медицинских, криминалистических и смежных научных дисциплинах, что обуславливает потребность в привлечении профильного специалиста. Организация расследования требует обеспечения полноты, объективности и законности проводимых процессуальных мероприятий. Отсутствие квалифицированного специалиста создаёт риски неполной фиксации следовой картины, ис-

кажённой интерпретации фактических обстоятельств и безвозвратной утраты доказательно значимых данных [7].

Дополнительное значение имеет дифференциация специальных познаний в судебной медицине. Судебно-медицинские учреждения включают подразделения, специализирующиеся на исследовании трупов, освидетельствовании живых лиц, работе с вещественными доказательствами и иных направлениях экспертной деятельности. Планирование участия специалиста с учетом его компетенции влияет на полноту фиксации следовой информации и на эффективность последующих экспертных исследований.

Криминалистическая специфика заказных убийств определяется многоуровневым характером преступной деятельности и сложностью установления всех участников преступления. Для таких деяний характерно наличие заказчика, посредника и исполнителя, что предопределяет необходимость анализа не только механизма причинения смерти, но и признаков заранее подготовленного и организованного преступления.

Заказные убийства часто совершаются в условиях низкой очевидности и сопровождаются противодействием расследованию. Исполнитель может стремиться к минимизации следовой картины, исключению возможности идентификации, а также к ускоренному отходу с места происшествия. В результате объективная роль материальных следов возрастает, а значение показаний очевидцев снижается.

На тактику осмотра места происшествия при заказных убийствах влияют признаки, имеющие криминалистическое значение. В первую очередь это выбор места и времени совершения преступления с расчетом на минимальное число очевидцев и благоприятные условия ухода. Важным является и наличие заранее подготовленного пути отхода, а также совершение действий по избавлению от предметов, имеющих доказательственное значение.

Отдельного внимания требует вероятность инсценировки. Заказные убийства могут маскироваться под некриминальные события, включая несчастные случаи или самоубийства. В подобных ситуациях при осмотре необходимо ориентироваться на выявление несоответствий между обстановкой и предполагаемым механизмом образования повреждений либо наступления смерти.

Проверка версии об инсценировке связана с необходимостью выявления негативных обстоятельств — данных, которые не могли возникнуть при заявленном механизме события. Юридическая значимость этой деятельности заключается в том, что она влияет на корректность построения и проверки версий, а также на направление доказывания по уголовному делу. Выявление подобных обстоятельств требует специальных судебно-медицинских знаний и профессиональной оценки.

Роль судебно-медицинского эксперта на месте происшествия проявляется через выполнение задач, значимых для доказывания. Эксперт выявляет признаки, связанные

с давностью наступления смерти, оценивает характер повреждений и предполагаемый механизм их образования, разъясняет следователю особенности наружного осмотра трупа и обращает внимание на обстоятельства, подлежащие обязательной фиксации в протоколе [5].

Эксперт также способствует выявлению биологических следов и других объектов, требующих изъятия. Подобная деятельность обладает процессуальной значимостью, поскольку гарантирует всесторонность формирования доказательственной базы и формирует предпосылки для последующей верификации материалов в ходе следственных мероприятий и экспертных процедур.

Сведения, полученные в ходе осмотра места происшествия и трупа, подлежат оценке в контексте необходимости назначения судебной экспертизы. В соответствии со ст. 195 УПК РФ судебная экспертиза назначается постановлением следователя, которое должно содержать основания ее назначения и вопросы, подлежащие разрешению. Полнота данных осмотра напрямую влияет на качество формулирования вопросов эксперту и на возможность получения выводов, имеющих доказательственное значение.

Нормативное регулирование судебно-медицинской деятельности имеет значение для единообразия экспертной практики и обеспечения требований к фиксации результатов осмотра трупа. До 1 сентября 2024 г. порядок организации и производства судебно-медицинских экспертиз в государственных учреждениях регламентировался приказом Минздравсоцразвития России от 12.05.2010 № 346н. С 1 сентября 2024 г. [3] применяется

обновленный порядок, введенный приказом Минздрава России от 25.09.2023 № 491н. [4]

Изменение нормативной базы требует актуализации методических подходов и организационных решений, связанных с оформлением и обоснованием экспертных действий. Для расследования заказных убийств это имеет особое значение, поскольку любое упущение на первоначальном этапе может повлечь потерю доказательственной информации, затруднить проверку версий и осложнить установление всех участников преступления.

Практика подтверждает необходимость повышения качества процессуального документирования осмотра трупа и места происшествия. Полнота и корректность описания обстоятельств влияет на формирование следственной картины и на устойчивость доказательств в условиях судебного разбирательства. При неполноте протокола либо формальном отражении значимых данных возрастает риск оспаривания выводов следствия стороной защиты [6].

Таким образом, участие судебно-медицинского эксперта и иных специалистов при осмотре места происшествия по делам о заказных убийствах выступает процессуальной гарантией законности и эффективности расследования, обеспечивая полноту фиксации доказательственной информации, выявление признаков инсценировки, обоснованное построение следственных версий и формирование фактической основы для назначения судебной экспертизы при соблюдении требований действующей нормативно-правовой базы и надлежащем уровне процессуального документирования.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г.) (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Рос. газ. — 2020. — 4 июля.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон [от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ (с посл. изм. и доп.)] // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2001. — № 52 (ч. I). — Ст. 4921.
3. Об утверждении Порядка организации и производства судебно-медицинских экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях Российской Федерации: приказ М-ва здравоохранения и соц. развития Рос. Федерации [от 12 мая 2010 г. № 346н] // Рос. газ. — 2010.
4. Об утверждении Порядка проведения судебно-медицинской экспертизы: приказ М-ва здравоохранения Рос. Федерации от 25 сент. 2023 г. № 491н // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://pravo.gov.ru>
5. Газизянова Р. М., Низамов А. Х., Тимерзянов М. И., Сафина Ю. Г., Гинятуллина Л. Р. Организация работы врача судебно-медицинского эксперта на месте происшествия и ее совершенствование в Республике Татарстан на основе подходов менеджмента качества // Вестник современной клинической медицины. — 2016. — № 6. — С. 1–6.
6. Останин Д. В., Долгова О. Б., Ножкина Н. В., Локтионов К. П. Совершенствование деятельности судебно-медицинского эксперта при осмотре места происшествия на основе цифровых технологий // Уральский медицинский журнал. — 2025. — № 6. — С. 1–10.
7. Тимошенко С. Е. Особенности участия специалиста в осмотре места происшествия при расследовании насильственных преступлений // Сибирское юридическое обозрение. — 2015. — № 3 (28). — С. 1–3.
8. Importance of Crime Scene Visits by a Forensic Medicine Expert: A Survey-Based Study // Cureus. — 2022. — Vol. 14, № 7. — С. 1–8. DOI: 10.7759/cureus.26775.

Роль судебных экспертиз в раскрытии и расследовании заказных убийств

Арелтуева Валентина Ивановна, студент магистратуры
Сибирский университет потребительской кооперации (г. Новосибирск)

В работе рассматриваются особенности использования судебных экспертиз при расследовании заказных убийств. Роль экспертных исследований в уголовном судопроизводстве возрастает, что связано с увеличением числа сложных и комплексных экспертиз. Анализируется значение судебно-медицинской экспертизы как обязательного неотложного следственного действия, а также рассматриваются возможности судебно-баллистической, трасологической, судебно-биологической и других экспертиз при установлении обстоятельств преступления.

Рассматривается соблюдение требований Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ при назначении экспертиз, а также анализируются организационные и методические проблемы, влияющие на доказательственное значение заключения эксперта.

Ключевые слова: заказные убийства, судебные экспертизы, судебно-медицинская экспертиза, судебно-баллистическая экспертиза, комплексные экспертизы, специальные знания, уголовное судопроизводство, доказательства.

В юридической литературе и материалах правоприменительной практики отмечается тенденция к увеличению как числа назначаемых, так и объема проводимых судебных экспертиз и экспертных исследований, связанных с расследованием преступлений против личности, одновременно возрастает количество сложных и комплексных экспертиз, что подтверждает их значение для установления обстоятельств уголовного дела. [6]

Значимость судебных экспертиз возрастает при расследовании заказных убийств, поскольку данная категория преступлений характеризуется предварительной подготовкой, тщательным сокрытием следов и ограниченным количеством очевидцев. [7]

В таких условиях именно экспертные исследования (судебно-медицинские, судебно-баллистические, трасологические и иные) позволяют установить объективные обстоятельства происшествия и подтвердить доказательственную базу по делу, поскольку заключение эксперта относится к числу доказательств, предусмотренных статьей 74 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. Расследование убийств по найму предполагает обязательное проведение баллистических исследований, выявляющих технические параметры использованного огнестрельного средства, особенности боеприпасов и специфику применения оружия в момент совершения преступления [9].

Проведение судебных экспертиз при расследовании уголовных дел осуществляется на основании Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» [3], который закрепляет правовые основы судебно-экспертной деятельности, требования к экспертам и порядок организации экспертного исследования.

В научной литературе сформировалась общепринятая позиция относительно содержания понятия «судебно-медицинская экспертиза». Под ней понимается регулируемое уголовно-процессуальным законом практическое исследование, осуществляемое в процессуальной форме по постановлению или определению уполномоченных органов

и должностных лиц, в связи с необходимостью использования специальных медицинских и биологических знаний. Судебно-медицинский эксперт осуществляет данное исследование с целью выявления юридически значимых обстоятельств по уголовному делу посредством тщательного и беспристрастного анализа предоставленных материалов.

Практика привлечения специальных знаний в судопроизводство берет начало в петровскую эпоху, однако её институционализация состоялась лишь с принятием Устава судебной медицины в 1842 году. [5] К настоящему моменту данная дисциплина эволюционировала в автономную научную область, демонстрирующую существенную прикладную значимость при расследовании деяний, посягающих на жизнь и здоровье граждан.

Экспертные заключения играют ключевую роль в доказывании по уголовным делам, особенно когда требуется квалифицировать тяжесть причиненного здоровью ущерба, выявить причины летального исхода или установить иные юридически значимые факты. Исследователи фиксируют устойчивые организационные и процессуальные затруднения, сопровождающие как инициирование, так и осуществление судебно-медицинского экспертного исследования [10]. Указанное обстоятельство обуславливает целесообразность систематизации выявленных в правоприменительной деятельности дефектов и выработки конкретных предложений, направленных на их преодоление.

Назначение судебно-медицинской экспертизы трупа относится к числу обязательных неотложных следственных действий и, как правило, производится сразу после осмотра места происшествия. [8] Процессуальный порядок назначения судебной экспертизы определяется статьей 195 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. [2] Судебно-медицинская экспертиза вещественных доказательств может назначаться как на первоначальном, так и на последующих этапах расследования.

Отдельные вопросы организации и проведения судебно-медицинских исследований регламентируются При-

казом Министра здравоохранения Российской Федерации от 10 декабря 1996 г. № 407 «О введении в практику правил производства судебно-медицинских экспертиз». [4]

Судебно-психологическая экспертиза имеет важное значение, поскольку способствует установлению индивидуально-психологических особенностей личности обвиняемого и потерпевшего, которые могут иметь значение для оценки поведения участников события.

К числу судебно-психологических экспертиз относятся: экспертиза индивидуально-психологических особенностей личности и их влияния на криминальное поведение, экспертиза состояния аффекта, экспертиза уровня психического развития несовершеннолетнего, экспертиза способности осознавать характер своих действий при отставании в развитии, а также экспертиза способности свидетеля или потерпевшего правильно воспринимать и воспроизводить обстоятельства, имеющие значение для дела.

Назначение судебной экспертизы в рамках уголовного судопроизводства предполагает совершение комплекса действий со стороны лица, назначившего экспертизу. К ним относятся: принятие решения о необходимости проведения экспертизы, формулирование задач, выбор экспертного учреждения и специалиста, определение материалов, подлежащих исследованию, их подготовка, а также составление постановления о назначении экспертизы и ознакомление с ним участников процесса с разъяснением их прав.

Указанные действия должны осуществляться в соответствии с требованиями Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ, включая разъяснение прав, предусмотренных статьей 198 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Нарушение процессуального порядка может привести к тому, что заключение эксперта будет признано недопустимым доказательством.

Помимо общих вопросов, на разрешение судебно-медицинского эксперта, в зависимости от выдвинутых следственных версий, могут быть поставлены дополнительные вопросы. Они могут касаться обстоятельств, предшествующих убийству (наличие алкоголя в крови и степень опьянения, наличие лекарственных препаратов), орудий совершения преступления (количество орудий, их вид, форма и размеры), обстоятельств совершения преступления (причина и время смерти, характер и механизм повреждений, последовательность причинения ран, наличие

признаков борьбы или сопротивления), а также признаков инсценировки (изменение позы трупа, возможность причинения повреждений самим потерпевшим, является ли место обнаружения трупа местом убийства и др.)

При расследовании убийств наряду с судебно-медицинской экспертизой могут проводиться и другие исследования, в частности судебно-биологическая экспертиза (волос, крови, выделений организма), трасологическая экспертиза, а также судебно-баллистическая, химическая, информационно-техническая, почерковедческая и иные экспертизы — в зависимости от конкретных обстоятельств уголовного дела.

В следственной практике встречаются проблемы, связанные с несоблюдением требований процессуального закона, включая нарушения при ознакомлении подозреваемого, обвиняемого и защитника с постановлением о назначении экспертизы. Формальное составление протокола ознакомления или его оформление постфактум способно обусловить утрату экспертным заключением доказательственной силы. Подобная практика одновременно создает препятствия для осуществления процессуальных полномочий, гарантированных сторонам уголовного-процессуальным законодательством.

Функционирование негосударственных экспертных структур и независимых специалистов порождает проблематику унификации качественных критериев, методологической базы и сопоставимости экспертных процедур. Вследствие этого выводы, сформулированные за пределами государственной судебно-экспертной инфраструктуры, нередко подвергаются сомнению со стороны следственных и судебных органов, особенно когда исследование представляется недостаточно полным или аргументация выглядит уязвимой.

Подводя итог, следует отметить, что комплексное устранение организационных и методических проблем в сфере судебно-экспертной деятельности способно повысить эффективность экспертного сопровождения уголовного судопроизводства и обеспечить более высокое качество расследования преступлений против личности. Актуальность эффективного расследования заказных убийств обусловлена задачами уголовного законодательства, закрепленными в Уголовном кодексе Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ, включая охрану прав и свобод человека и гражданина и обеспечение общественной безопасности.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон [от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (с посл. изм. и доп.)] // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон [от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ (с посл. изм. и доп.)] // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2001. — № 52 (ч. I). — Ст. 4921.
3. О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации: федер. закон [от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ (с посл. изм. и доп.)] // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2001. — № 23. — Ст. 2291.
4. О введении в практику правил производства судебно-медицинских экспертиз: приказ Минздрава Рос. Федерации [от 10 дек. 1996 г. № 407] // СПС «Гарант».

5. Устав судебной медицины // Сборник узаконений и распоряжений правительства о правах и обязанностях обывателей станиц Войска Донского, об их управлении и о поземельном устройстве. — Новочеркасск: изд. тип. Ф. М. Туникова, 1913. — С. 932–941.
6. Батусов А. В. Вопросы методики расследования заказных убийств // Научные исследования и разработки молодых ученых. — 2015. — № 7. — С. 3–6.
7. Гамидов А. М., Акаев Х. З. Проблемы расследования заказных убийств // Государственная служба и кадры. — 2020. — № 5. — С. 1–4.
8. Гаджиев А. А. Особенности тактики расследования заказных убийств на первоначальном этапе // Образование. Наука. Научные кадры. — 2022. — № 1. — С. 6–9.
9. Светличный А. А. Значение судебно-баллистической экспертизы при расследовании убийств по найму // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. — 2013. — № 4–2. — С. 2–5.
10. Танасиенко И. И. Проблема назначения и производства судебно-медицинских экспертиз при расследовании убийств // Глобус: экономика и юриспруденция. — 2020. — № 2 (38). — С. 7–10.

Проблема размытости границ между частным правом и публичным

Арчаков Шахан-Гирей Иссаевич, студент
Ингушский государственный университет (г. Магас)

В статье исследуется актуальная проблема размывания границ между частным и публичным правом. Автор анализирует историческую изменчивость данного разделения, демонстрируя его зависимость от конкретных социально-экономических условий. В работе детально рассматриваются основные теоретические критерии разграничения (интереса, метода регулирования, инициативы защиты) и обосновывается их принципиальная недостаточность и неабсолютность. На примере конкретных отраслей права показано взаимопроникновение и синтез частноправовых и публично-правовых начал. Особое внимание уделяется современным тенденциям публикации частного права и приватизации публичного, а также проблеме поиска оптимального баланса между ними.

Ключевые слова: частное право, публичное право, критерии разграничения, публикация частного права, приватизация публичного права.

Разделение права на частное и публичное, восходящее ещё к римской правовой традиции и сформулированное Ульпианом, долгое время считалось одной из фундаментальных основ юридической науки. Согласно классическому определению, публичное право (*jus publicum*) относится к положению государства и охраняет общие интересы, а частное право (*jus privatum*) касается пользы отдельных лиц [1]. Однако в современной правовой реальности это, казалось бы, ясное разграничение становится всё более условным и размытым. Границы между двумя сферами оказываются подвижными, а во многих правовых явлениях наблюдается тесное переплетение частных и публичных начал. Данная статья посвящена анализу причин и проявлений этой размытости границ, а также рассмотрению дискуссионных вопросов, связанных с критериями их разграничения.

Исторический анализ показывает, что соотношение частного и публичного права никогда не было статичным. Как отмечается в исследованиях, в Древнем Риме уже в Законах XII таблиц наблюдалась группировка норм по интересам, однако даже такие деликты, как кража, считались частным правонарушением, тогда как позднее они перешли в сферу публичного уголовного права. В советский период, при доминировании общегосударственной соб-

ственности, категории частного права были фактически изъяты из научного оборота, а роль публичного права стала подавляющей. Возрождение идей частного права в России началось лишь в конце XX века с переходом к рыночной экономике, что сопровождалось, однако, перекосами и ослаблением публичных начал. Эта историческая изменчивость свидетельствует о том, что граница между частным и публичным является отражением конкретных социально-экономических и политических условий, а не некой абсолютной и вечной юридической истиной.

Поиск чётких критериев для разграничения двух сфер представляет собой одну из центральных проблем юридической науки. В разное время предлагались различные подходы:

1. Критерий интереса (Ульпиан, Г. Ф. Шершеневич): разграничение по тому, чей интерес охраняется — публичный или частный. Однако, как справедливо отмечал К. Д. Кавелин, большинство правовых явлений одновременно имеют и публичный, и частный характер в зависимости от точки зрения [2].

2. Критерий метода правового регулирования (И. А. Покровский): для публичного права характерны императивные, централизованные методы (власть-подчинение), а для частного — диспозитивные, децентрали-

зованные (равенство сторон). Этот критерий считается одним из наиболее значимых на сегодняшний день.

3. Критерий инициативы защиты (С. А. Муромцев): публичное право защищается по инициативе государства, частное — по инициативе частного лица. Однако и здесь есть исключения (например, лишение родительских прав по иску прокурора).

4. Критерий предмета регулирования: разграничение по типу регулируемых отношений — имущественные/неимущественные. Недостаток в том, что государство активно участвует и в имущественных отношениях (например, приватизация).

Ни один из этих критериев не является универсальным и не исключает пересечений. Само деление часто носит условный, концептуальный характер и служит скорее для понимания ценностных ориентиров права, нежели для жёсткой классификации.

Ярким доказательством размытости границ служит анализ конкретных отраслей, которые нельзя однозначно отнести к одной сфере.

Семейное право, традиционно считающееся частным, включает публично-правовые элементы: лишение родительских прав по инициативе государства, обязательное участие органа опеки в судебных спорах о детях.

Трудовое право сочетает частноправовые начала (заключение трудового договора по соглашению сторон) с публично-правовыми (государственные гарантии, надзор за охраной труда, разрешение коллективных споров с участием государства).

Гражданское право, ядро частноправовой сферы, содержит императивные нормы публичного характера (например, обязательная государственная регистрация прав на недвижимость и юридических лиц). В условиях чрезвычайных ситуаций или административно-командной экономики гражданско-правовые методы могут вытесняться публично-правовыми, трансформируя предпринимательское право в хозяйственное.

Информационное и медицинское право являются примерами новых комплексных отраслей, где изначально стираются границы. Они регулируют отношения, одновременно затрагивающие частные интересы личности (право на информацию, на охрану здоровья) и публичные интересы государства (информационная безопасность, санитарно-эпидемиологическое благополучие), требуя смешанного регулирования.

В современности наблюдаются две разнонаправленные, но взаимосвязанные тенденции: публикация частного права и приватизация публичного права.

Публикация частного права выражается во внедрении императивных норм, ограничивающих автономию воли в целях защиты публичных интересов (слабой стороны в договоре, окружающей среды, нравственности). Это ответ на риски нерегулируемого рынка.

Приватизация публичного права проявляется в использовании договорных, диспозитивных механизмов в сфере государственного управления (государственно-частное партнёрство), что характерно для рыночной экономики.

Ключевой проблемой становится поиск баланса. Излишняя публикация сковывает частную инициативу и экономическую свободу, а её отсутствие ведёт к правовому нигилизму, социальной несправедливости и хаосу. Как отмечал С. С. Алексеев, различие между частным и публичным правом касается самих основ права, его определяющих ценностей. Поэтому важно не столько провести чёткую формальную границу, сколько понять функциональное назначение и сочетание этих начал в конкретных исторических условиях.

В связи с наличием проблемы размытости границ в науке звучат предложения о модернизации традиционной дихотомии. Некоторые исследователи, учитывая появление комплексных отраслей (медицинское, экологическое, информационное право), предлагают выделять не две, а более крупных сфер или «суперотраслей». Высказывается идея о необходимости признания гуманитарного права как третьей разновидности, которая не сводилась бы только к праву вооружённых конфликтов, а включала бы отрасли, регулирующие отношения в сфере здравоохранения, образования, социального обеспечения, где индивидуальные и общественные интересы слиты особенно тесно.

Таким образом, проблема размытости границ между частным и публичным правом носит фундаментальный характер. Она коренится в самой природе права как социального регулятора, призванного гармонизировать индивидуальные и коллективные интересы. Историческая изменчивость, недостаточность любых формальных критериев разграничения, взаимопроникновение методов и институтов в конкретных отраслях — всё это свидетельствует об условности и относительности данного деления.

Однако эта условность не умаляет его значения. Диалектика частного и публичного остаётся мощным аналитическим инструментом для понимания эволюции правовых систем, оценки степени свободы и ответственности в обществе, проектирования эффективных правовых механизмов. Задача современной юридической науки и законодателя состоит не в том, чтобы построить непроницаемую стену между двумя сферами, а в том, чтобы находить динамичный и ситуативно обусловленный баланс между частной автономией и публичным интересом, между свободой договора и императивом справедливости, между децентрализацией и необходимостью государственного регулирования. Именно в этом диалектическом единстве и противоречии заключается живое развитие современного права.

Литература:

1. Ульпиан. Дигесты Юстиниана. Избранные фрагменты в переводе и с примечаниями И. С. Перетерского. М., 1984.

2. Прокопович Г. А. Дискуссионные вопросы разграничения публичного и частного права // Вестник Московского университета имени С. Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки 2015²(7).

Перспективы цифровизации и влияния на границы частного и публичного права

Арчаков Шахан-Гирей Иссаевич, студент
Ингушский государственный университет (г. Магас)

Статья посвящена анализу влияния цифровой трансформации на традиционное разделение права на частное и публичное. Цифровизация не просто размывает границы между этими сферами, но и требует перехода к новой, трёхмерной системе координат для анализа правовой реальности, включающей измерения «частное — публичное», «централизованное — децентрализованное» и «автономное — взаимосвязанное». В работе исследуются новые правовые феномены, порождённые цифровой средой: метод взаимодействия как ключевой способ регулирования, концепция цифрового гражданства с её элементами (право на участие, идентичность и выход), а также проблема разрешения споров в условиях децентрализованных платформ.

Ключевые слова: цифровизация, частное право, публичное право, границы метод взаимодействия, гибридное право.

Цифровая трансформация общества, экономики и государства, сопровождающаяся глобализацией, распространением больших данных, искусственного интеллекта и платформенных экосистем, является одним из определяющих вызовов для современной правовой системы [1]. Традиционная дихотомия частного и публичного права, сформированная в эпоху национальных государств и чётких территориальных юрисдикций, оказывается недостаточной для адекватного описания и регулирования новых реалий. Границы между этими сферами не просто размываются — они трансформируются под воздействием децентрализованных цифровых сред, где регуляторами выступают не только государства, но и глобальные технологические корпорации (gatekeepers), алгоритмы и цифровые сообщества [1]. Данная статья ставит целью проанализировать перспективы влияния цифровизации на систему координат права, выделить формирующиеся тренды и предложить концептуальные подходы к адаптации правового регулирования.

Ключевым следствием цифровизации является возникновение нового, виртуального пространства, которое становится основной ареной для социальных, экономических и даже политических взаимодействий [1]. В этом пространстве действуют иные законы — не только юридические, но и технологические, выраженные в коде платформ и алгоритмах («code is law») [2]. Это приводит к необходимости дополнения классической оси «частное — публичное» как минимум двумя новыми измерениями: «централизованное — децентрализованное» и «автономное — взаимосвязанное», формирующими трёхмерную систему координат для анализа современного права.

В такой системе координат привычное публичное право (государственное, централизованное, автономное) теряет монополию на регулирование. Значительная часть отношений, особенно в цифровой экономике, перемещается в сферу децентрализованного регулирования,

где правила устанавливаются владельцами глобальных платформ (например, Meta, Google, Apple) или формируются самими цифровыми сообществами (как в блокчейн-сетях). Эти правила часто носят частный характер по форме (пользовательские соглашения), но по сути и воздействию приобретают публично-правовые черты, поскольку определяют права и обязанности миллионов пользователей, фактически заменяя собой национальное законодательство в конкретных цифровых средах.

Одновременно усиливается взаимозависимость регуляторов. Государства вынуждены учитывать технические стандарты, данные и инфраструктуру глобальных платформ для осуществления собственных функций (например, при сборе налогов, оказании госуслуг, проведении выборов). Это формирует гибридные регулятивные режимы, где публичные цели достигаются через частные инструменты и наоборот.

В условиях цифровой среды классические методы правового регулирования — императивный (власть-подчинение) и диспозитивный (равенство и автономия воли) — оказываются недостаточными. На первый план выходит метод взаимодействия, предполагающий, что правоотношение возникает и существует только при технологической и функциональной совместимости систем его участников. Этот метод характеризуется наличием доверенной третьей стороны (платформы, удостоверяющего центра, регулятора), которая устанавливает технические и правовые стандарты взаимодействия. Например, осуществление платежа через банковское приложение возможно только при соблюдении протоколов, установленных платёжной системой, а публикация контента в социальной сети — при принятии правил модерации, заданных её владельцем. Таким образом, граница между частным и публичным здесь стирается: частный субъект (платформа) выполняет публичную регулятивную функцию, обеспечивая саму возможность взаимодействия.

Концепция цифрового гражданства (digital citizenship) предлагает осмыслить устойчивую правовую связь между пользователем и цифровой платформой или сообществом, выходящую за рамки простого договора оказания услуг [3]. Её ключевыми элементами, как предлагается в проекте Цифрового кодекса Кыргызстана, являются:

1. Право на участие — право участвовать в формировании правил цифрового сообщества.
2. Право на идентичность — право определять и контролировать свою цифровую идентичность и связанные с ней данные.
3. Право на выход — право покинуть цифровую среду, забрав или удалив свои данные [1].

Эта концепция прямо затрагивает границы частного и публичного: с одной стороны, она защищает частные интересы личности в цифровом пространстве (право на идентичность, неприкосновенность данных), с другой — признаёт публичный характер цифровых сообществ, где формируются обязательные для всех правила общежития. Реализация цифрового гражданства потребует создания новых гибридных механизмов, сочетающих инструменты гражданско-правовой защиты (например, иски о защите персональных данных) с элементами публично-правового участия (например, представительство пользователей в органах управления платформы).

Одной из наиболее сложных перспектив является создание эффективных механизмов разрешения споров в цифровой среде. Национальные суды зачастую бессильны перед глобальными платформами, а внутренние процедуры этих платформ нарушают принцип «никто не может быть судьёй в собственном деле». Возникает потребность в транснациональных механизмах разрешения споров, которые могли бы действовать в пространстве децентрализованного регулирования. Перспективными могут стать:

- Создание международных арбитражных центров, специализирующихся на спорах с цифровыми платформами.
- Развитие онлайн-судов и систем алгоритмического разрешения споров (ODR — Online Dispute Resolution).
- Легитимация и правовое оформление решений, принимаемых децентрализованными автономными организациями (DAO) на основе смарт-контрактов.

Это потребует пересмотра коллизионных норм, принципов подсудности и признания решений, стирая границы не только между частным и публичным правом, но и между национальным и международным правомприменением.

Цифровизация одновременно усиливает две противоположные тенденции, описанные в предыдущих исследованиях: публикацию частного права и приватизацию публичного права.

Публикация проявляется в том, что даже в сугубо частных отношениях (например, между пользователем и платформой) появляются императивные требования,

продиктованные публичными интересами: защита персональных данных, обеспечение кибербезопасности, борьба с дезинформацией, запрет дискриминации алгоритмами.

Приватизация выражается в том, что государство всё чаще делегирует публичные функции частным субъектам (например, идентификацию граждан через коммерческие платформы, сбор данных для статистики, даже элементы правосудия через ODR-системы).

Таким образом, вместо чёткой границы формируется гибридная зона, где частное и публичное переплетены. Перспективным направлением видится не борьба за восстановление старой границы, а осознанное конструирование новых балансов и сдержек в рамках этой гибридной зоны. Например, усиление приватности (частный интерес) может достигаться через публично-правовые инструменты, а публичный контроль за алгоритмами платформ — через предоставление пользователям (частным лицам) права на объяснимость и обжалование автоматических решений.

Цифровизация не просто размывает границы между частным и публичным правом — она создаёт новую, многомерную систему координат, в которой эти категории взаимодействуют с измерениями централизации/децентрализации и автономии/взаимозависимости. Перспективы развития права в этой системе связаны с несколькими ключевыми направлениями:

1. Концептуальное обновление. Необходимо признать метод взаимодействия и концепцию цифрового гражданства в качестве полноценных элементов правовой доктрины, что требует пересмотра классических теорий права.
2. Институциональные инновации. Требуется создание новых гибридных институтов, способных регулировать отношения в децентрализованных средах: от цифровых омбудсменов и регуляторов платформ до транснациональных арбитражных центров.
3. Технологическая компетентность. Правотворчество и правоприменение должны интегрировать понимание технологических ограничений и возможностей. Регулирование должно быть совместимо с архитектурой цифровых систем.

4. Поиск нового баланса. Задача заключается не в том, чтобы остановить цифровизацию или вернуть монополию государству, а в том, чтобы найти оптимальное сочетание частной автономии, публичного интереса, технологической эффективности и справедливости в каждой конкретной сфере цифровых отношений.

Цифровая трансформация ставит под вопрос не категории частного и публичного как таковые, а саму возможность их жёсткого разграничения в условиях, где код, данные и платформы становятся новыми источниками нормативности. Будущее права лежит не в защите старых границ, а в способности к концептуальной и институциональной адаптации к этой новой, сложной и взаимосвязанной реальности.

Литература:

1. Дмитрик Н. А. Частное, публичное, цифровое: в поисках системы координат для права // Закон. 2023. № 12. С. 1.
2. Lessig L. Code: And Other Laws of Cyberspace, Version 2.0. N. Y., 2006. (Цит. по: Дмитрик Н. А. Указ. соч. С. 7).
3. Sullivan C. Digital citizenship and the right to digital identity under international law // Computer Law & Security Review. 2016. Vol. 32. Iss. 3. P. 474–481. (Цит. по: Дмитрик Н. А. Указ. соч. С. 14).

Методика прокурорской проверки исполнения законодательства о противодействии коррупции: современные подходы и проблемы практики

Асадуллина Лина Фанильевна, студент
Челябинский государственный университет

В статье анализируются теоретические и практические аспекты прокурорской проверки соблюдения антикоррупционного законодательства в Российской Федерации. Особое внимание уделено методическим основам проведения проверок, основаниям и этапам прокурорского надзора, современным подходам к оценке эффективности антикоррупционного контроля, а также проблемам практики применения норм законодательства. Определены ключевые правовые механизмы, выявлены типичные нарушения и предложены направления совершенствования методики прокурорских проверок.

Ключевые слова: прокурорская проверка, противодействие коррупции, надзор, антикоррупционное законодательство, методика проверки, практика прокурорских органов.

Коррупция представляет собой одну из наиболее критичных угроз правовому порядку, эффективности государственного управления и социальной стабильности. Государственная политика в России в последние десятилетия ориентирована на усиление механизмов противодействия коррупции, включая уголовно-правовые, административно-правовые и превентивные меры. Составной частью данного комплекса являются прокурорские проверки исполнения антикоррупционного законодательства — форма надзорной деятельности органов прокуратуры, направленная на своевременное выявление и устранение коррупциогенных проявлений и нарушений правовых норм.

Прокурорский надзор осуществляется на основе полномочий, закреплённых в Федеральном законе «О прокуратуре Российской Федерации» и специализированных нормах антикоррупционного законодательства. Данная форма контроля предполагает всестороннее изучение соблюдения законов уполномоченными органами и должностными лицами, оценку деятельности субъектов антикоррупционной политики и принятие мер прокурорского реагирования в случае выявления нарушений.

Противодействие коррупции как приоритет государственного курса закреплено в ряде нормативных актов, таких как Федеральный закон от 25.12.2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [2], «О прокуратуре Российской Федерации» [1], Приказ Генеральной Прокуратуры РФ от 10 октября 2022 г. № 581 «Об осуществлении прокурорского надзора и реализации прокурорами иных полномочий в сфере противодействия коррупции» [3] и др.

Органы прокуратуры обладают полномочиями на инициирование проверок как по обращениям граждан, так и по собственной инициативе на основании анализа имеющихся сведений о возможных нарушениях.

Генеральная прокуратура РФ разработала методические материалы, обобщающие подходы к проведению антикоррупционных проверок, включая сборник методических рекомендаций по прокурорскому надзору за исполнением законодательства о противодействии коррупции.

Прокурорские проверки иницируются на основании заявления граждан и организаций, информации СМИ, материалов правоохранительных органов, а также по заданию вышестоящих прокурорских инстанций.

Методика выделяет следующие виды проверок: плановые, текущие и внеплановые, проводимые в связи с поступившими сведениями о нарушениях закона.

На подготовительном этапе прокурору необходимо изучить действующее международное и национальное антикоррупционное законодательство, а также специфические нормативные акты, регулирующие деятельность проверяемого органа. Кроме того, изучается практика применения соответствующих норм и статистические данные по нарушениям [5].

Прокурорская проверка включает:

- 1) анализ документов и сведений о доходах/расходах должностных лиц;
- 2) проверку полноты и достоверности представленных данных;
- 3) проверку соблюдения запретов и ограничений, установленных антикоррупционным законодательством;

4) оценку эффективности мер профилактики коррупционных проявлений.

Для повышения качества проверок практикуется привлечение экспертов, создание совместных комиссий с другими правоохранительными и контрольными органами.

По результатам проверки прокурор принимает меру прокурорского реагирования: внесение представления, протест, обращение в суд, направление материалов в компетентные органы. Контроль за устранением выявленных нарушений осуществляется на последующих этапах надзорной деятельности.

Современная практика прокурорского надзора предполагает интегрированный подход, включающий [7]:

- системный анализ правоприменительной практики;
- применение риск-ориентированных методик оценки соответствия поведения должностных лиц требованиям антикоррупционного законодательства;
- использование межведомственного взаимодействия для обмена данными и координации проверок.

Важным направлением является проведение антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов на предмет коррупциогенных норм, что было инициировано Генеральной прокуратурой в ответ на российскую практику выявления и устранения коррупционных факторов в публичных документах.

Региональная практика показывает, что наиболее распространённые нарушения связаны с несвоевременным предоставлением или недостоверным отражением сведений о доходах и расходах должностных лиц, что служит

предметом особого внимания в ходе прокурорских проверок.

Несмотря на значительный объём нормативно-методического сопровождения, прокурорская практика сталкивается с рядом проблем [4]:

- отсутствием унифицированных критериев оценки эффективности проверок;
- недостаточной специализацией должностных лиц, осуществляющих проверки;
- сложностями в реализации межведомственного взаимодействия;
- недостаточным использованием аналитических и информационно-технических средств для выявления коррупционных рисков [6].

Сложности в противодействии поверхностному исполнению законодательства (например, при формальном предоставлении данных без реального соответствия) требуют совершенствования методик контроля и повышения качества данных, используемых в проверках.

Таким образом, прокурорская проверка исполнения законодательства о противодействии коррупции остаётся одной из ключевых форм надзорной деятельности, направленной на укрепление правового государства и предупреждение коррупционных проявлений. Системное совершенствование методики проверок, внедрение комплексных аналитических подходов, усиление межведомственного взаимодействия и повышение квалификации прокурорских кадров являются важными условиями повышения эффективности противодействия коррупции.

Литература:

1. Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 -ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации» // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1992. № 8. Ст. 366.
2. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52 (ч.1). Ст. 6228.
3. Приказ Генеральной Прокуратуры РФ от 10 октября 2022 г. № 581 «Об осуществлении прокурорского надзора и реализации прокурорами иных полномочий в сфере противодействия коррупции» // Генеральная прокуратура РФ. — URL: <https://genproc.gov.ru> (дата обращения: 21.01.26).
4. Зеньков И. И. Методы повышения эффективности прокурорского надзора за соблюдением органами местного самоуправления и муниципальными служащими законодательства о противодействии коррупции // Вестник науки. — 2025. — № 4 (85). — С. 211–217.
5. Крепышев А. М. Антикоррупционная экспертиза, проводимая органами прокуратуры: генезис, правовые основы // Право и государство: теория и практика. — 2024. — № 10(238). — С. 215–218.
6. Пьянкова А. В. Прокурорский надзор за исполнением законодательства о противодействии коррупции. — URL: <https://vestnik-prokurorperm.ru/news/important/972> (дата обращения: 21.01.2026).
7. Фомина Т. Ф. Полномочия прокурора в рамках прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии коррупции // Право и государство: теория и практика. — 2025. — № 2. — С. 259–260.

Пути расширения полномочий адвоката при доказывании в российском уголовном процессе

Бабок Дарья Андреевна, студент
Московский университет «Синергия»

В статье рассматривается проблема процессуального неравенства адвоката-защитника и следователя на стадии предварительного расследования уголовного дела, несмотря на закреплённый в Конституции Российской Федерации и УПК РФ принцип равенства сторон. Анализируется история законодательных инициатив по расширению полномочий защитника, в том числе возможность проведения им частных следственных действий, самостоятельного сбора доказательств и привлечения частного детектива. Особое внимание уделяется вопросам допустимости доказательств, собранных адвокатом, и отсутствию у защитника ряда следственных полномочий, что ставит сторону защиты в неравное положение по сравнению со следствием. Обосновывается необходимость закрепления права защитника на проведение определённых следственных действий с процессуальным статусом и введения института адвокатского заключения, а также порядка оформления и приобщения собранных материалов к уголовному делу. Подчеркивается роль международных стандартов и практики Верховного Суда РФ в обосновании необходимости уравнивания процессуальных возможностей сторон, что направлено на повышение эффективности и справедливости уголовного судопроизводства и усиление гарантий прав обвиняемого.

Ключевые слова: адвокат, доказывание, уголовный процесс, полномочия, адвокатская деятельность.

В ч. 2 ст. 48 Конституции Российской Федерации [1] установлено, что каждый задержанный, заключённый под стражу или обвиняемый в преступлении имеет право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения. Конституция гарантирует адвокату статус защитника по уголовному делу. После принятия УПК РФ осталась нерешённой проблема неравенства процессуального положения адвоката-защитника и следователя на этапе предварительного расследования, несмотря на провозглашённое в статье 17 УПК РФ [2] равенство сторон обвинения и защиты. Ещё в 90-х годах, в ходе судебной реформы, в проектах уголовно-процессуального законодательства предлагалось расширить полномочия защитника на стадии предварительного расследования. В частности, обсуждалось предоставление права защитнику проводить «частные расследованные меры», обращаться к частному детективу для выполнения отдельных следственных действий, а результаты таких частных осмотров, освидетельствований и других следственных действий предлагалось признавать доказательствами. Предусматривалась возможность для защитника и представителя потерпевшего самостоятельно собирать доказательства, а их допустимость должна определяться законом, без ограничений на встречи адвоката с очевидцами событий или другими лицами, обладающими сведениями по делу.

Современные исследователи, например, А. С. Александров, выдвигают идею о необходимости закрепления в УПК РФ принципа «диспозитивности и равенства сторон», который предусматривает свободу обеих сторон в собирании и представлении доказательств, что фактически приравнивает защитника к субъектам доказывания. Однако в действующем законодательстве адвокат-защитник по-прежнему ограничен в полномочиях отнесительно представления доказательств невиновности

обвиняемого в отличие от следователя, который вправе осуществлять любой комплекс следственных действий для установления вины, в том числе допрос, освидетельствование, осмотр места происшествия.

Адвокат-защитник может проводить только опрос лиц (при их согласии), истребовать справки и документы согласно ч. 3 ст. 86 УПК РФ, однако полученные таким образом материалы не всегда отвечают требованию допустимости доказательств, так как не проходят закрепление в процессуальном порядке. По мнению П. А. Лупинской, документы и сведения, полученные адвокатом в ходе опроса, не обладают обязательным для доказательств признаком допустимости без соблюдения процессуальной формы. Если подозреваемый или обвиняемый отказывается от дачи показаний, защитник на практике вынужден самостоятельно инициировать сбор доказательств своей позиции через частные следственные действия. К числу таких действий следует относить деятельность адвоката по формированию линии защиты, сбору необходимых доказательств с опорой на положения ст. 73 УПК РФ. Для реализации этого подхода представляется необходимым определить новые полномочия защитника на законодательном уровне, внесением соответствующих изменений в закон о статусе адвоката в Российской Федерации.

Уточнение понятия допроса очевидцев в уголовном процессе требует корректного разграничения полномочий между следователем и адвокатом-защитником. По действующему законодательству допрос относится исключительно к компетенции следственных органов, а защитник может лишь проводить опросы, которые не обладают полным процессуальным статусом. Предлагаемое расширение полномочий защитника, позволяющее ему самостоятельно допрашивать очевидцев, логически выводит к необходимости формального закрепления соответствующих правовых инструментов и процедур: ве-

дения протоколов, передачи их следствию и установления порядка обжалования решения следователя об использовании таких протоколов. Это способствовало бы уравниванию процессуальных возможностей сторон и более объективному формированию доказательной базы [3, с.174].

В ходе предварительного расследования защитник, ознакомившись с материалами дела, может выявить лиц, способных дополнить картину событий. Введение процедуры уведомления свидетеля и следователя о намерении провести допрос со стороны защиты обеспечит дополнительный процессуальный контроль. Особое внимание уделяется вопросу ответственности за дачу ложных показаний: поскольку статус свидетеля формально присваивается только государством, протокол допроса, проведенного адвокатом, не может быть самостоятельным основанием для уголовной ответственности за ложные показания, но имеет существенное доказательное значение при возникновении противоречий в дальнейшем судебном расследовании. В таких случаях суду предстоит определить достоверность позиций сторон путем анализа всех представленных материалов и выявления причин несоответствия свидетельских показаний, что поспособствует процессуальной честности и защите интересов обвиняемого.

В современных условиях появляется необходимость расширения полномочий защитника, особенно в части инициирования и проведения частных следственных действий. Частное освидетельствование, проводимое специалистом по поручению защитника, становится жизненно важным инструментом для надлежащей оценки состояния подозреваемого непосредственно после задержания. Это касается как вопросов алкогольного либо наркотического опьянения, так и фиксации телесных повреждений, что имеет ключевое значение для построения линии защиты. При этом данные, полученные защитником, неизбежно сопоставляются с результатами, полученными органами следствия, а достоверность всей совокупности доказательств уже оценивается судом.

Процедура заключения соглашения между защитником и детективом отражает тенденцию к включению фигуры частного детектива в процессуальный инструментарий. Подобная практика предложена в проектах уголовно-процессуального кодекса, а также поддержана крупными учеными и практиками процессуального права, включая Сибирцева Г.И. [5, с.33]. Детектив действует на основании законодательства о частной детективной и охранной деятельности, осуществляя опросы и собирая сведения легальными способами, а полученные результаты становятся основанием для ходатайств защитника о приобщении собранных данных к делу или вызове свидетелей. Альтернативно, информация предоставляется либо органу следствия, либо суду, либо непосредственно

защитнику, что способствует наполнению дела доказательствами различного происхождения.

Вопрос о процессуальном статусе собранных материалов остается актуальным: куда и как их приобщать, а также какой процессуальный документ должен быть оформлен в результате адвокатского расследования. Возможность формировать отдельное «адвокатское дело» или включать собранные сведения в материалы основного уголовного дела позволяет гибко подходить к защите интересов подзащитного. Оформление этих доказательств адвокатским заключением, отражающим позицию стороны защиты на основе проанализированного материала, способно уравновесить субъективность существующих процедур предварительного расследования.

Проблемы произвольного отказа следователя в приеме заявлений и ходатайств адвоката подтверждаются результатами проведенного анкетирования, где 95 % адвокатов сталкивались с подобными случаями. Традиционно процессуальный статус доказательств, собранных защитником, воспринимается как второстепенный, а неравномерность распределения процессуальных прав препятствует эффективной реализации принципа состязательности.

В научной литературе обсуждается необходимость введения института адвокатского заключения, оформляемого по принципу диспозитивности, что позволяет сохранить волеизъявление доверителя как первоочередное условие построения защитительной позиции. Структура такого документа может быть по аналогии с обвинительным заключением стороны следствия, но юридическое равенство данных актов вызывает дискуссии. Хотя только 21 % опрошенных адвокатов считают необходимым оформить завершение действий на стадии предварительного расследования процессуальным актом, 85 % настаивают на праве приобщать доказательства к материалам уголовного дела, что отражает заинтересованность в повышении эффективности защитительной деятельности, несмотря на риски дополнительной нагрузки [4, с.45].

Обращение к международным стандартам и практике Верховного Суда РФ, который подчеркивает важность реализации принципа состязательности и обеспечения права на защиту на всех стадиях процесса, лишь подтверждает необходимость изменений. Обеспечение баланса процессуальных прав сторон будет способствовать равноправию участников процесса, что позволит сделать уголовное судопроизводство более справедливым и эффективным. Таким образом, модернизация процессуальных инструментов в пользу защиты, несмотря на опасения относительно реформирования системы предварительного расследования, может стать залогом не только улучшения практики — но и общего изменения системы в сторону усиления правовой защищенности личности.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный текст Конституции РФ, включающий

новые субъекты Российской Федерации — Донецкую Народную Республику, Луганскую Народную Республику, Запорожскую область и Херсонскую область, опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 06.10.2022.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 29.12.2025)
3. Доля Е. А. О доказывании и доказательствах // Уголовно-процессуальный кодекс РФ: год правоприменения и преподавания: материалы Международной научно практической конференции. М., 2021. С. 174–178.
4. Исаенко В. Н. «Правовая» экспертиза и другие средства оценки доказательств в уголовном судопроизводстве / В. Н. Исаенко // Законность. 2019. № 3. С. 44–49.
5. Сибирцев Г. И. Развитие представлений о защитительной деятельности в уголовном процессе / Г. И. Сибирцев // Адвокатская практика. 2021. № 3. С. 33–38.

Взаимодействие принципа свободы договора и принципа добросовестности

Балеевская Татьяна Андреевна, студент магистратуры
Гатчинский государственный университет

В статье автор исследует вопрос о влиянии принципа добросовестности на принцип свободы договора, раскрывает соотношение и взаимодействие принципов.

Ключевые слова: добросовестность, свобода договора, договорные правоотношения, преддоговорный этап.

Современное отечественное гражданское законодательство возводит принцип свободы договора в ранг ключевого. В соответствии со ст. 421 Гражданского кодекса РФ (ГК РФ) возможность участников экономического оборота заключать любые сделки, не противоречащие закону, самостоятельно определять их условия и своих контрагентов презюмируется. Несомненно, в современных рыночных условиях, при активном появлении новых и развитии уже существующих гражданско-правовых институтов свобода договора становится источником гибкости, инициативы и возможности осуществления субъективных прав граждан и юридических лиц. Без свободы договора невозможно выражение действительной воли сторон.

Для установления баланса между неограниченной автономией воли и защитой прав участников гражданских правоотношений принцип свободы договора реализуется с учетом принципа добросовестности, значение которого заключается в недопущении причинения вреда другому субъекту правоотношений. ГК РФ в п. 5 ст. 10 закрепляет презумпцию именно такого поведения участников, вступающих в отношения между собой. Соответственно, добросовестность становится для них ожидаемым стандартом поведения, которое, по мысли законодателя, не является ограничением принципа свободы договора. На практике, однако, возникают ситуации, когда баланс между этими двумя принципами нарушается, что подтверждается активным вмешательством судов в договорные отношения в части изменения условий, установления необоснованно высокой неустойки, незащищенностью сторон на преддоговорном этапе [4].

Стоит отметить, что согласно Постановлению Пленума Верховного Суда России от 23.07.2015 «О применении су-

дами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» при рассмотрении споров суды должны индивидуально оценивать добросовестность сторон через их субъективное отношение к своим действиям и к нарушению прав третьих лиц. Сложность при этом состоит в том, что критериев для отнесения поведения к добросовестному или недобросовестному Пленум не выработал. В науке также нет единого мнения как в отношении содержания указанных принципов, так и в отношении необходимости их вообще [6, с. 110; 10, с. 32]

Добросовестность как производное от слов «добро» и «совесть» указывает на оценочный, субъективный характер исследуемой категории. Отечественные цивилисты наиболее часто при определении термина «добросовестность» указывают на такие нравственные категории, как добро, доверие и справедливость [7, с. 94]. Однако говорить о том, что осуществление прав и обязанностей граждан в рамках закона всегда соответствует нравственным требованиям, не приходится.

Кроме того, сложностью для исследования взаимодействия двух названных принципов является наличие нескольких следующих аспектов принципа добросовестности. Во-первых, это субъективный элемент, непосредственно представляющий собой аксиому, — убежденность в правомерности действий, неосведомленность о допусках нарушениях или в фактических обстоятельствах дела. Опорой данного элемента являются нравственные основы. Во-вторых, объективный элемент, в рамках которого добросовестность сама по себе является критерием для оценки поведения других участников гражданских правоотношений.

Вопрос о значении принципа добросовестности и его взаимодействии с принципом свободы договора явля-

ется дискуссионным. Ряд авторов, например, Е. Е. Юдина и М. М. Котов, считает, что добросовестность устанавливает пределы свободы договора, не ограничивая её [8, с. 410; 11, с. 203]. А. Б. Кубрава называет указанные принципы «апологетами свободного волеизъявления» [9, с. 111]. Полагаем, что влияние, оказываемое принципами добросовестности и свободы договора друг на друга, более сложное.

Связь между ними явная: абсолютная свобода договора способна существенно ограничить добросовестность, выступающую критерием справедливости и инструментом противодействия злоупотреблению правом. Приверженность принципу свободы договора, несомненно, приведет к нарушению прав более уязвимой стороны отношений. Судебная практика подтверждает это.

Так, довольно часто встречаются решения, когда суд, применяя принцип разумности и добросовестности, защищает обе стороны спора, исходящих из приоритета свободы договора посредством отказа в полном удовлетворении заявляемых требований. Выборгский городской суд Ленинградской области, например, в своём решении от 30.07.2025 по делу № 2–1555/2020 отказал в полном удовлетворении иска, несмотря на то, что заявленная сумма взыскания соответствовала положениям договора, заключенного между истцом и ответчиком, при том, что ответчик принял исполнение по договору в полном объеме и был согласен на его условия. Суд при рассмотрении дела счёл требования истца о взыскании неустойки несоизмеримыми последствиям нарушения обязательства [1]. В данном случае санкции в размере 0,5 % от суммы, подлежащей выплате истцу, являются неразумными ввиду того, что неустойка превышает основную сумму долга на 82 %. С позиции свободы договора «вмешательство» в данные правоотношения можно назвать необоснованным, поскольку ответчик добровольно возложил на себя соответствующие обязанности; при заключении договора обе стороны выражали свою волю, осознавая возможные последствия нарушения договора.

Представляется, что использование принципа свободы договора действительно должно осуществляться в рамках добросовестности. Спецификой является то, что злоупотребление правом (недобросовестность) при заключении, изменении или расторжении договорных обязательств фактически может не нарушать закон, но противоречить принципам права и самой сущности нормы.

Необходимо учитывать и иное назначение принципа добросовестности как ограничителя свободы договора. Статья 168 ГК РФ закрепляет основание недействительности сделки в виде нарушения требований закона, к которым относится и исследуемый принцип. Наиболее часто данное основание как самостоятельное применяется в имущественных спорах по делам о банкротстве. Например, постановлением от 28.05.2025 г. Арбитражный суд Волго-Вятского округа по делу № А28–14927/2022 признал договор дарения между должником-банкротом и его дочерью недействительным по основанию нарушения

требований законодательства (ст. 168 ГК РФ) [2]. В приведенном примере должник не был лишен права распоряжаться имуществом, однако принцип свободы договора был ограничен ввиду того, что заключение сделки дарения совершено с намерением вывода актива из-под взыскания и, тем самым, причинения вреда кредитору.

Кроме того, принцип добросовестности активно применяется судами при разрешении дел о признании договора недействительным вследствие заключения его посредством мошеннических действий. Характерным примером, отражающим особенности рассмотрения указанных дел, является решение Советского районного суда г. Красноярск от 17.04.2025 по делу № 2–66/2025. Кредитный договор, заключенный от имени истца неизвестным третьим лицом, был признан недействительным, а банк — недобросовестным участником правоотношений, ввиду того, что не проявил достаточную осмотрительность, не обеспечил безопасность дистанционного обслуживания клиента [3].

В указанном примере взаимодействие двух исследуемых принципов нельзя назвать ограничительным, они не противопоставляются друг другу. Принцип свободы договора не был реализован при заключении сделки, истец не имел намерений на вступление в правоотношения, не знал о своём участии в нём и не выражал свою волю. «Техническое» согласие, данное неизвестными лицами от имени истца, не указывает на абсолютную свободу банка заключать договоры при отсутствии реальной воли контрагента. Таким образом, принцип добросовестности является способом защиты не только участников правоотношений, но и самого принципа свободы договора.

Полагаем, что взаимоотношение двух исследуемых принципов состоит не просто в ограничении или совместном регулировании гражданско-правовых отношений, это сложная система, в которой добросовестность ограничивает свободу договора и обеспечивает её действие. В своём взаимодействии они влияют друг на друга, обеспечивая возможность реализации воли каждого субъекта правоотношений таким образом, который не приводит к нарушению интересов контрагента.

При этом, полагаем, что принцип добросовестности по сравнению со свободой договора более широкая категория, охватывающая не только отдельные институты и гражданское право в целом, но и находящая отражение в иных отраслях частного права. Е. Е. Марченко в пояснительной записке к законопроекту № 888512–8 от 10.04.2025 «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации» указал на необходимость укрепления положения принципа свободы договора посредством исключения норм о запрете на заключение брачного договора с условиями, ставящими одного из супругов в крайне неблагоприятное положение [5]. Исходя из вышесказанного, согласится с данной позицией невозможно, ввиду того, что указанная норма является прямым отражением принципа добросовестности. Судебная практика в отношении дел о признании брачного договора недействительным по

п. 2 ст. 44 СК сложилась таким образом, что наличие даже незначительной доли из совместно нажитого имущества супругов исключает возможность применения указанного основания. В данном случае законодателем соблюден баланс между исследуемыми принципами.

Необходимо упомянуть о наличии гражданско-правовой нормы, согласно которой сделка, заключенная в нарушение принципа добросовестности, является недействительной. Однако признание злоупотребления правом одной из сторон значительно чаще приводит к применению судами иных оснований недействительности (например, ст. 170, 178, 179 ГК РФ). Постановлением Пленума Верховного Суда от 23.06.2015 № 25 действие ст. 168 ГК РФ значительно сужается, что выражается в необходимости применения специальных оснований недействительности при их наличии, как итог: судебной практики с применением ст. 168 ГК РФ крайне мало. Представляется, что подход применяемый Верховным Судом РФ выражает сущность добросовестности, которая является не жестким правовым инструментом, а «надстройкой» договорных отношений.

Принцип добросовестности из-за отсутствия точных критериев трактуется довольно широко, что, пожалуй, не указывает на его неприменимость. Проведенный анализ влияния двух принципов демонстрирует эффективность их совместного использования и недопустимость расширения действия свободы договора.

Таким образом, взаимодействие двух принципов — динамическое правовое равновесие, в котором широта свободы договора гарантируется сдерживающей и на-

правляющей функцией добросовестности. Обеспечивая стабильность и предсказуемость, принцип добросовестности минимизирует риск злоупотребления правом. Это не просто противоборство, а система «сдержек и противовесов», в которой свобода договора создает сферу для применения условий принципа добросовестности, который таким образом легитимирует автономию воли участников правоотношений. Баланса между двумя принципами достичь не удастся, ввиду того, что обе категории являются оценочными и, как было указано выше, в конкретизации не нуждаются. Тем не менее, улучшить действие принципов и систему их взаимодействия возможно посредством составления и публикации Верховным Судом подробного Обзора судебной практики по применению норм о добросовестности либо уточнение положений Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25. Мерой улучшения также может стать законодательное и судебное развитие института добросовестности на преддоговорном этапе. Важность последнего заключается в том, что этап согласования — это «область», в которой исследуемые принципы взаимодействуют непосредственно. Так, например, ч. 2 ст. 434.1 ГК РФ может быть дополнена рядом пунктов, которые признаются недобросовестными действиями. Полагаем, что к ним необходимо относить введение в заблуждение относительно предмета договора, вступление или продолжение переговоров при отсутствии намерения достичь соглашения, намеренное затягивание переговоров, приводящее к увеличению упущенной выгоды.

Литература:

1. Решение Выборгского городского суда Ленинградской области № 2–1555/2020 от 30.07.2025 // «Единая база данных решений судов общей юрисдикции Российской Федерации». URL: <https://xn—90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn—p1ai/47986086> (дата обращения 28.12.2025)
2. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа по делу № А28–14927/2022 от 28.05.2025 // «Картошка арбитражных дел» URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/baec6abd-0770-4504-a4b9-bf2b8744a69a> (дата обращения 28.12.2025)
3. Решение Советского районного суда г. Красноярск по делу № 2–66/2025 от 17.04.2025 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/vHfqbxYMcbd7/> (дата обращения 28.12.2025)
4. Решение Альметьевского городского суда Республики Татарстан № 2–3279/2017 от 07.12.2017 // «Единая база данных решений судов общей юрисдикции Российской Федерации». URL: <https://xn—90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn—p1ai/30083641> (дата обращения 20.01.2026)
5. Законопроект № 888512–8 О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации от 10.04.2025 // Государственная Дума Российской Федерации [Электронный ресурс] URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/888512-8> (Дата обращения 11.01.2026)
6. Закабуня Ф. Р. Понятие принципа добросовестности в российском гражданском праве // Юридическая наука. — 2023. — № 9. — 108–112 с.
7. Комиссарова Е. Г., Кузнецова О. А. Требования добросовестности, разумности и справедливости как гражданско-правовые аксиомы // *Ex iure*. — 2023. — № 3. — 84–98 с.
8. Котов М. М. Свобода договора и её соотношение с принципом добросовестности в гражданском праве // Форум молодых ученых. — 2021. — № 6. — 408–411 с.
9. Кубрава А. Б. Соотношение принципов свободы договора и добросовестности // Северо-Кавказский юридический вестник. — 2019. — № 1. — 106–111 с.
10. Сафонов А. В. Критерии добросовестности // Правопорядок: история, теория, практика. — 2017. — № 4. — 30–33 с.

11. Юдина Е. Е. Соотношение принципов добросовестности и свободы договора в гражданском праве // МНСК-2018: государство и право. — 2018. — 203–204 с.

Особенности защиты прав субъектов при приобретении права частной собственности на земельные участки

Бочкарёва Анна Евгеньевна, студент

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

В статье рассматриваются особенности защиты прав субъектов при приобретении права частной собственности на земельные участки. Автор анализирует гражданско-правовые и административно-правовые механизмы защиты, закрепленные в законодательстве Российской Федерации, включая признание права, восстановление нарушенного положения, признание недействительными актов публичных органов, возмещение убытков и другие способы. Особое внимание уделяется принципу добросовестности приобретателя, а также роли судебной практики в разрешении споров, связанных с регистрацией прав, оспариванием решений государственных и муниципальных органов, а также признанием сделок недействительными. На примерах конкретных судебных дел демонстрируются проблемные аспекты применения традиционных способов защиты (виндикационного и негаторного исков) в современных условиях, таких как фиктивные сделки или подделка документов. Подчеркивается обязанность приобретателя проявлять осмотрительность и самостоятельно проверять сведения ЕГРН на наличие ограничений и обременений. Статья предназначена для исследователей, практикующих юристов, а также лиц, участвующих в обороте земельных участков.

Ключевые слова: защита прав собственности, основания приобретения права частной собственности на земельные участки, добросовестность приобретателя, гражданско-правовые способы защиты, судебная практика, признание права на земельный участок, государственная регистрация прав, ЕГРН, недействительность сделки, виндикационный иск.

Исследуя специфику защиты прав субъектов при приобретении права частной собственности на земельные участки, следует констатировать, что институт защиты вещных прав на данное недвижимое имущество представляет собой значимый и концептуально сложный элемент системы гражданско-правового регулирования. В рамках приобретения права собственности особую значимость принципа добросовестности в своих трудах описывал Шершеневич Г. Ф.: «относительно перехода права действует общее правило, что право преемника по своему объему тождественно с правом предшественника, хотя в интересах торгового оборота допускаются некоторые исключения из этого правила в пользу добросовестного приобретателя» [5].

Как справедливо указывает Белова Т. В.: «несмотря на достаточную разработанность данной темы в российской цивилистике и весьма длительную практику применения, особенности некоторых способов защиты права собственности в отношении объектов недвижимости не получили еще достаточного, глубокого изучения, а правоприменительная практика нередко сталкивается с рядом неразрешенных вопросов» [2].

В своих трудах Витрянский В. В. [3] отмечал проблематику применения классических способов защиты права собственности, а именно малоэффективность применения в современных условиях таких способов, как виндикационный иск и негаторный иск ввиду того, что

нарушение такого права сопровождается незаконной регистрацией перехода права к другому лицу, например, через фиктивные сделки или подделку документов.

Главой IX ЗК РФ установлен перечень способов защиты права собственности на земельные участки: признание прав на земельный участок (ст. 59); восстановление положения, существовавшего до нарушения права на земельный участок, и пресечение действий, нарушающих право на земельный участок или создающих угрозу его нарушения (ст. 60); признание недействительным акта исполнительного органа государственной власти или органа местного самоуправления (ч. 2 ст. 60, ст. 61); возмещение убытков (ст. 62); исполнение обязанности в натуре (ст. 62). Каждый из вышеуказанных способов защиты активно применяется гражданами и юридическими лицами — частными собственниками при защите приобретаемого права на земельные участки, а также находят свое отражение в судебной практике.

Остановливаясь более подробно на вопросе о признании права собственности на земельные участки, Анисимов А. П., Резванова Л. А., Смирнская Е. В. утверждают: «признание прав на земельный участок наиболее часто используется в следующих случаях: во-первых, когда требуется установить юридический факт (существование ранее возникших прав на участок); во-вторых, признание права может быть способом приобретения прав на землю (например, в случае возникновения права частной собствен-

ности на землю в силу приобретательной давности); в-третьих, о признании права может идти речь в случае легализации самовольной постройки собственником или иным правообладателем земельного участка; в-четвертых, существует ряд особенностей признания права на земельные доли» [1].

Анализ судебной практики показывает, что значительное число исков о признании права на земельный участок подается лицами, уже имеющими зарегистрированное право собственности на объекты недвижимости, находящиеся на данном земельном участке. В деле № 78-КГ25-9-К3, рассматриваемом Судебной коллегией по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, по иску о признании права собственности на земельный участок, на котором располагался гараж, принадлежавший истцу. Регистрирующим органом в лице Комитета имущественных отношений Санкт-Петербурга (далее — Комитет) было отказано в предоставлении земельного участка, сославшись на то, что гараж не является объектом капитального строительства, возведенным с необходимыми разрешениями. Позицию Комитета поддержали суды первой, апелляционной и кассационной инстанции. Верховный Суд Российской Федерации правомерно констатировал, что гараж, возведенный до вступления в силу Градостроительного кодекса РФ, обладает всеми квалифицирующими признаками объекта недвижимости (капитальное строительное сооружение с фундаментом и кирпичными стенами), что подтверждается актами технической инвентаризации. Отсутствие государственной регистрации права на указанный объект не препятствует признанию за ним правового режима недвижимого имущества. Следовательно, Верховный Суд РФ установил ошибочность выводов судов нижестоящих инстанций о непризнании гаража объектом недвижимости в связи с отсутствием разрешительной документации на строительство, поскольку такая правовая позиция свидетельствует о неправомерном применении градостроительных норм к правоотношениям, возникшим до их законодательного закрепления. Верховный Суд Российской Федерации направил дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, где исковые требования были удовлетворены в полном объеме решением по делу № 2-3606/2025 Петроградского районного суда Санкт-Петербурга.

В рамках административного судопроизводства допускается оспорить правовой акт исполнительного органа государственной власти или местного самоуправления, если он создает неправомерное основание для возникновения права собственности на земельный участок. В деле № А46-15817/2024, рассматриваемом Арбитражного суда Западно-Сибирского округа, индивидуальный предприниматель предпринял попытку оспорить правомерность решения органа местного самоуправления, которым было отказано в предоставлении в собственность за плату без проведения торгов земельного участка. Обладая правом аренды на спорный земельный участок, истец инициировал процедуру его приватизации, обра-

тившись в уполномоченный орган местного самоуправления с заявлением о выкупе. Орган публичной власти отказал в реализации данного права, мотивируя решение ссылкой на пункт 14 статьи 39.16 ЗК РФ. Правовым основанием для отказа явилось несоответствие установленного вида разрешенного использования земельного участка, который согласно документации территориального планирования (генеральный план, правила землепользования и застройки) отнесен к зоне жилой застройки, а не к зоне сельскохозяйственного использования. Следовательно, его предоставление для целей сельскохозяйственного производства было сочтено неправомерным. Судом первой инстанции решение было принято в пользу администрации, однако судом апелляционной инстанции — в пользу истца. Арбитражный суд Западно-Сибирского округа оставил постановление суда апелляционной инстанции без изменения. Суд справедливо отметил, что правовой режим земельного участка определяется не только его кадастровыми сведениями, но и градостроительной документацией — генеральным планом и правилами землепользования и застройки. Поскольку эти документы относят участок к жилой зоне, а не к зоне сельскохозяйственного использования, его предоставление для ведения сельского хозяйства противоречит целям перспективного развития муниципального образования. Суд также отметил, что отказ в выкупе не нарушает прав предпринимателя, так как договор аренды продолжает действовать, и он может использовать участок в соответствии с его разрешенным использованием. Действительно, в данном деле отсутствовали правовые основания для приобретения права собственности, и муниципальный орган не нарушил права субъекта, действуя в соответствии с законом.

Также в судебной практике отражены иные способы защиты, перечисленные в статье 12 ГК РФ, в том числе признания сделки недействительной, взыскании морального вреда, неустойки и применение последствий недействительности сделки. Так, Тюменским районным судом Тюменской области было рассмотрено дело № 2-1458/2025, где истец обратилась в суд с вышеперечисленными исковыми требованиями к продавцу земельного участка, а также к индивидуальному предпринимателю, являвшимся агентом по недвижимости. Между истцом и ответчиком был заключен договор-купли продажи земельного участка, однако после приобретения земельного участка истец узнала о том, что на приобретенном участке запрещено строительство каких-либо объектов, так как он расположен в охранный зоне газораспределительной станции. Суд установил, что в самом договоре был прямо указан пункт о том, что участок находится в зоне с особыми условиями использования (возле газопровода). Истец была ознакомлена с градостроительным планом участка и письменно подтвердила отсутствие претензий. Таким образом, продавец предоставил всю необходимую информацию, и оснований для признания договора недействительным нет. Суд также указал на отсутствие до-

казательств обмана или сговора и отметил, что истец проявила недостаточную осмотрительность. Таким образом, суд отказал в удовлетворении исковых требований. Таким образом, в данном судебном деле оснований для признания сделки недействительной установлено не было. Описанное дело иллюстрирует, что при приобретении права собственности субъекту необходимо проявить заботливость и осмотрительность при ознакомлении со всеми характеристиками и ограничениями в использовании соответствующего земельного участка.

Помимо гражданско-правовых способов защиты, участники правоотношений, связанных с приобретением права частной собственности на земельные участки, активно используют административно-правовые меры защиты. К таковым относится, в частности, право на обращение в компетентные органы публичной власти, в чьи полномочия входят государственная регистрация прав на недвижимое имущество и контроль за соблюдением законодательства в соответствующей сфере. Так, в соответствии с действующим законодательством граждане и юридические лица — собственники земельных участков вправе обращаться в органы государственной власти и местного самоуправления для разрешения возникающих споров и разногласий. При этом ключевым механизмом защиты является право на обжалование действий (бездействия) и решений указанных органов, предоставленное, в частности, Федеральным законом от 27.07.2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг». В рамках данного механизма могут быть обжалованы решения и действия таких органов, как Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии (Росреестр) и организации технической инвентаризации (БТИ), осуществляющих функции в сфере регистрации прав и кадастрового учета.

Как отмечает Шеметова Н. Ю. [4], в широкой трактовке защиты права собственности охватываются и юрисдикционные гарантии, предоставляемые в рамках исполнительного производства. Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии осуществляет проверку полноты и законности оформления правовых документов, а также проведение государственной регистрации, что служит важнейшим этапом объективной защиты права собственности.

Таким образом, закрепленный статьей 16 ЗК РФ принцип разграничения публичной собственности, устанавливающий презумпцию государственной собственности на земли при отсутствии на них правообладателей частной или муниципальной формы собственности, выступает базовым (системообразующим) принципом в исследуемой области правового регулирования.

Существенным аспектом при сингуляции права частной собственности является требование о проявлении со стороны приобретателя надлежащей степени заботливости и осмотрительности, являющейся общегражданской обязанностью добросовестного участника оборота. Надлежащим исполнением данной обязанности признается самостоятельное истребование и анализ актуальных сведений из Единого государственного реестра недвижимости (ЕГРН) о наличии ограничений (обременений) вещного характера, в частности, сервитутов или иных прав в пользу собственников расположенных объектов недвижимости. Пренебрежение данной правовой возможностью влечет полное принятие на себя приобретателем всех сопутствующих правовых рисков, включая риск эвикции или существенного ограничения правомочий пользования, что свидетельствует о реализации принципа самостоятельной оценки рисков в рамках правопреемства.

Литература:

1. Анисимов А. П., Резванова Л. А., Смирнская Е. В. К вопросу о признании права на земельный участок // Современное право. 2023. № 3. С. 74–80.
2. Белова Т. В. Защита права собственности на недвижимое имущество в цивилистической парадигме: монография / отв. ред. А. Н. Левушкин. М.: Юстицинформ, 2023. 180 с.
3. Витрянский В. В. Актуальные проблемы судебной защиты права собственности на недвижимость // Гражданское право современной России / Сост. О. М. Козырь и А. Л. Маковский. М.: Статут, 2008. С. 18–34.
4. Шеметова Н. Ю. Государственная регистрация прав на недвижимое имущество и сделок с ним: правовое значение и проблемы применения // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». — 2014. — № 2. — С. — 210–221.
5. Шершеневич Г. Ф. Избранное. Т. 5: Учебник русского гражданского права / Вступ. слово, сост.: П. В. Крашенинников. — М.: Статут, 2017

Соотношение понятий «избирательная кампания» и «избирательный процесс»

Васильева Ирина Владимировна, слушатель
Санкт-Петербургский университет МВД России

Выборы являются одним из основных институтов государства, путем которых население делегирует право принятия решений своим представителям, так как через выборы формируются органы публичной власти государства. Пристальное внимание общественности, представителей научного сообщества, юристов вызывает обеспечение организации избирательной кампании и проведения выборов органов государственной власти и органов местного самоуправления. В контексте данной тематики термины «избирательный процесс», «избирательная кампания», применяемые для характеристики стадий подготовки и проведения выборов, употребляются как торжественные или соотносятся как общее и частное. Это связано, в первую очередь с тем, что отсутствует законодательное закрепление термина «избирательный процесс», используется только понятие «избирательная кампания».

В тексте Федерального закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» «избирательная кампания» употребляется в двух значениях:

— избирательная кампания в общем смысле, то есть деятельность по подготовке и проведению выборов; длится со дня официального опубликования решения о назначении выборов до дня представления избирательной комиссией, организующей выборы, отчета о расходовании средств бюджета, выделенных на подготовку и проведение выборов; (п. 19 ст. 2)

— избирательная кампания кандидата, избирательного объединения — то есть деятельность, направленная на достижение определенного результата на выборах; длится со дня выдвижения кандидата, списка кандидатов до дня представления итогового финансового отчета кандидатом, избирательным объединением, а также уполномоченными ими лицами. (п. 20 ст. 2).

Понятие избирательного процесса в научных трудах рассматривается как в широком, так и в узком значении этого термина. В узком значении при формализованном использовании этого понятия, избирательным процессом можно назвать процедуру, регламентирующую все этапы выборов, определяющую время начала и окончания избирательной кампании, развертывания избирательного процесса в виде перехода одной стадии организации и проведения выборов в другую, содержание этих стадий и избирательных процедур. В контексте данного значения содержание понятия «избирательный процесс» полностью совпадает с законодательной расшифровкой понятия «избирательная кампания», что вызывает определенную путаницу понятий.

В юридической литературе также часто встречается мнение о том, что «в широком смысле термин «избира-

тельный процесс» поглощает содержание термина «избирательная кампания», и, таким образом, эти термины не являются тождественными» [1]. Например, А. Г. Головин, говорит о том, что после официального окончания избирательной кампании избирательный процесс может продолжаться в виде мероприятий по учету избирателей, ликвидации одних избирательных участков и возникновении других, регистрации политических партий и т. д. [2].

Р. Т. Биктагиров, рассматривая содержание избирательного процесса, обозначает его как «политико-юридическая деятельность субъектов избирательного права по реализации установленной законодательством компетенции». Автор отмечает динамичный характер избирательного процесса, который разворачивается не только в пространстве, но и во времени; направление его деятельности определяет «правовая воля субъектов избирательного права, а целью является формирование выборных органов государственной власти и местного самоуправления» [3].

Е. М. Коровин рассматривает избирательный процесс как многогранное явление, которое включает в себя:

- упорядоченную систему отношений, складывающихся в рамках избирательной кампании;
- институт, обеспечивающий политическую стабильность и преемственность, легитимность власти;
- совершаемую в установленном порядке последовательность действий субъектов избирательного права по подготовке и проведению выборов;
- правовую форму реализации конституционных прав граждан [4].

При рассмотрении понятия «выборы» А. Н. Кокотов указывает, что существует основной элемент избирательного процесса, которым является «коллективное гражданское волеизъявление», то есть, непосредственно сам момент голосования (выбора), однако, необходимо учитывать, что «выборы проводятся на основе определенных избирательных систем и в рамках избирательных кампаний» [5]. Таким образом, автор разделяет понятия «избирательный процесс» и «избирательная кампания», по его мнению, выборы и избирательная кампания, являются всего лишь составными частями избирательного процесса и поглощаются им.

Мы согласимся с мнением о том, что избирательный процесс — это часть юридического процесса, то есть «совокупность самостоятельных и завершенных правовых процедур, совершаемых участниками процесса в пути к конечной цели — реализации материальных правовых норм» [6]. Таким образом, избирательный процесс является юридической процедурой, ограниченной по времени периодом избирательной кампании; деятельность изби-

рательных комиссий регламентируется процессуальными нормами избирательного законодательства, а также смежного законодательства; отличается наличием многочисленных избирательных действий и процедур.

Подводя итог, следует сказать о том, что ошибочно отождествлять понятия «избирательный процесс» и «избира-

тельная кампания», они соотносятся как общее и частное. Для устранения разночтений в этом вопросе необходимо законодательно закрепить понятие «избирательный процесс» в ст. 2 Федерального закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации».

Литература:

1. Избирательное право: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / под ред. Б. С. Эбзеева, К. К. Гасанова, Е. Н. Хазова. — М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2013. — С. 186.
2. Головин, А. Г. Избирательное право России: курс лекций / А. Г. Головин. — 2-е изд., перераб. и доп.. — Москва: Изд-во Норма, 2009. — С. 25.
3. Биктагиров Р. Т. Субъект избирательного права Российской Федерации: конституционно-правовое исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Р. Т. Биктагиров. — М., 2010. — С. 45..
4. Коровин, Е. М. Избирательная кампания: понятие и темпоральные границы / Е. М. Коровин // Правоприменение. — 2020. — Т. 4, № 1. — С. 38–39.
5. Избирательное право Российской Федерации: учебник для магистров / под ред. И. В. Захарова, А. Н. Кокотова. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Юрайт, 2013. — С. 21.
6. Биктагиров, Р. Т. Избирательный процесс как вид юридического процесса: теоретические проблемы становления / Р. Т. Биктагиров // Гражданин. Выборы. Власть. — 2020. — № 1(15). — С. 143–158.

Правила благоустройства муниципального образования в нормативно-правовой системе в сфере благоустройства

Верезуб Алексей Александрович, Студент магистратуры

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ивановский филиал

В статье анализируется законодательство в сфере благоустройства территорий, определяется место и значение Правил благоустройства муниципального образования в иерархии нормативных актов, а также отображены изменения данной сферы с учетом общего изменения законодательства, происходящих социально-политических процессов.

Ключевые слова: законодательство, благоустройство, муниципальное образование, нормативно-правовая система, Правила благоустройства.

Действующее правовое поле в Российской Федерации упорядочено Конституцией Российской Федерации [6], федеральными, региональными и местным нормативными актами во всевозможных сферах общественной жизни: социальной, экономической, политической, духовной.

В условиях глобализации права благоустройство территории является актуальным и важным направлением устойчивого развития территорий, призванного обеспечить безопасность и благоприятные условия жизнедеятельности человека, охрану и рациональное использование природных ресурсов в интересах настоящего и будущего поколений. Система правовых средств, целенаправленно воздействуя на общественные отношения, обеспечивает упорядочение социальных процессов с учетом объективных и субъективных факторов. В этом контексте особую значимость приобретает развитие правового регулирования, касающегося земель населённых

пунктов, в том числе вопросов комплексного обустройства их территорий [5].

Повышение качества и комфортности городской среды обозначено в качестве одного из стратегических приоритетов государственной политики, что неоднократно подчёркивалось Президентом Российской Федерации в его последних посланиях Федеральному Собранию.

Градостроительный кодекс Российской Федерации содержит понятие «благоустройство территории» и определяет его как «деятельность по реализации комплекса мероприятий, установленного правилами благоустройства территории муниципального образования, направленная на обеспечение и повышение комфортности условий проживания граждан, по поддержанию и улучшению санитарного и эстетического состояния территории муниципального образования, по содержанию территорий населённых пунктов и расположенных на таких территориях объектов, в том числе территорий общего поль-

зования, земельных участков, зданий, строений, сооружений, прилегающих территорий» [1, ст.1].

С точки зрения системного анализа, правовую базу в рассматриваемой сфере можно структурировать на несколько взаимосвязанных уровней:

- Федеральные законы, среди которых можно выделить Градостроительный кодекс Российской Федерации, Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», а также новый Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти», который продолжает курс на интеграцию институтов местного самоуправления в общую систему публичной власти [1, 9, 11];

- Нормативно-правовые акты органов государственной власти Российской Федерации, в том числе приказы Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации, своды правил (СП/СНиП), санитарные правила и нормы (СанПиН), государственные стандарты (ГОСТ), детализирующие технические и санитарные требования;

- Законы субъектов Российской Федерации, в качестве примера можно привести: Закон г. Москвы от 25.06.2008 № 28 «Градостроительный кодекс города Москвы», Закон Санкт-Петербурга от 24.10.2009 № 508–100 «О градостроительной деятельности в Санкт-Петербурге», Закон Ивановской области от 24.04.2008 N 11-ОЗ «Об административных правонарушениях в Ивановской области», устанавливающие особенности регулирования и меры ответственности [3, 4, 2];

- Нормативно-правовые акты муниципальных образований, например, Решение Ивановской городской Думы от 27.06.2012 N 448 «Об утверждении Правил благоустройства города Иванова», Решение Ивановской городской Думы от 29.06.2016 N 235 «Об утверждении местных нормативов градостроительного проектирования города Иванова» [7, 8].

В статье 32 Федерального закона от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» благоустройство территорий рассматривается как часть вопросов местного значения и устанавливает порядок разработки основного нормативного правового акта в этой области — правил благоустройства для муниципального образования [11, ст.32].

Благоустройство территорий, так или иначе, затрагивает интересы каждого человека, проживающего или посещающего город, район, село, любую другую территориальную единицу Российской Федерации. Вопросы благоустройства напрямую связаны с безопасностью, комфортом проживания или нахождения на территории людей.

В контексте системы благоустройства ключевое значение имеют правила благоустройства территории муниципального образования. Данный центральный нормативный правовой акт формируется на основе за-

конодательства Российской Федерации, а также нормативных актов субъектов. Он определяет требования к благоустройству и его элементам на данной территории, включает перечень мероприятий по благоустройству территории муниципального образования, а также регламентирует порядок и частоту их реализации [10].

Длительное время тема благоустройства была практически полностью сформулирована в муниципальном праве, а, значит, в зависимости от регионов России, отличалась большим разбросом введенных норм, охватом затрагиваемых правоотношений, количеством недоработок, нормативных «белых пятен» и напротив, дублирования норм федерального и регионального законодательства.

Это требует, в свою очередь, наведения порядка в нормативной базе.

Поэтому был разработан и принят Федеральный закон от 29 декабря 2017 г. № 463-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации». Посредством пакетного регулирования удалось решить часть наиболее острых проблем, касающихся вопросов благоустройства. Так, было уточнено понятие правил благоустройства, в Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ о местном самоуправлении была введена статья 45.1 о содержании данных правил [10, 9].

В настоящее время в статье 58 Федерального закона от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» законодатель установил, что Правила благоустройства территории муниципального образования охватывают следующие аспекты:

- 1) порядок содержания и использования территорий общего пользования;
- 2) внешний облик фасадов и ограждающих конструкций зданий, строений и сооружений;
- 3) проектирование, размещение, содержание и восстановление элементов благоустройства, в том числе после проведения земляных работ;
- 4) организация системы освещения, в том числе архитектурную подсветку объектов;
- 5) организация озеленения территории муниципального образования, включая порядок создания, содержания, восстановления и охраны расположенных в границах населенных пунктов газонов, цветников и иных территорий, занятых травянистыми растениями;
- 6) размещение средств информации: указателей улиц, номеров домов, вывесок;
- 7) содержание и эксплуатация элементов инфраструктуры: детских и спортивных площадок, зон для выгула животных, парковочных пространств, малых архитектурных форм;
- 8) организация сети пешеходных коммуникаций (тротуаров, аллей, дорожек);
- 9) обеспечение доступности городской среды для инвалидов и иных маломобильных групп населения;

- 10) организация работ по уборке и санитарному содержанию территории в течение всего года;
- 11) организация стоков ливневых вод;
- 12) порядок проведения земляных работ;
- 13) участие собственников и законных владельцев объектов в содержании прилегающих территорий (за исключением собственников, иных законных владельцев помещений в многоквартирных домах, земельные участки под которыми не образованы или образованы по границам таких домов);
- 14) определение границ прилегающих территорий согласно закону субъекта Российской Федерации;
- 15) праздничное оформление территории муниципального образования;
- 16) порядок участия граждан и организаций в мероприятиях по благоустройству территории муниципального образования [11, ст.58].

Так, к примеру, Правила благоустройства города Иванова, утвержденные решением Ивановской городской Думы от 27.06.2012 N 448, устанавливают порядок осуществления благоустройства и озеленения территории города Иванова, а также регламентируют, что очистка и уборка данной территории являются обязательными для всех граждан и организаций. Муниципальные правовые акты, касающиеся правоотношений в области благоустройства на территории города Иванова, не должны противоречить требованиям Правил [7].

Однако формирование полноценного нормативного поля, регулирующего практику применения правил благоустройства, к настоящему моменту не завершено. Эта ситуация является источником правовой неопределённости, ведущей к возникновению коллизий и увеличению количества судебных разбирательств, что прямо свидетельствует о несовершенстве отдельных норм.

Также на сферу использования правил благоустройства оказали в значительной мере мировые и национальные события Российской Федерации (пандемия коронавирусной инфекции (COVID-19), проведение специальной военной операции), повлекшие принятие ряда нормативных правовых актов, в том числе в сфере муниципального контроля, административного законодательства.

Актуальными являются проблемы реального применения муниципальных правил благоустройства с учетом изменения федерального законодательства, взаимосвязи действующих норм правил и наказаний в рамках административного производства, муниципальных контрольных мероприятий, использования и применения муниципаль-

ными, региональными, федеральными и правоохранительными органами власти, устранения недоработок нормативного правового акта

В целях формирования комфортной, современной, безопасной и привлекательной городской среды встает вопрос наличия и эффективности актуальных правовых норм в правилах благоустройства территорий муниципальных образований, их реального функционирования, исполнения, правоприменения.

В связи с изложенным можно констатировать, что регулирование отношений в сфере благоустройства в Российской Федерации обеспечивается системой взаимосвязанных нормативно-правовых актов федерального, регионального и муниципального уровней. Вместе с тем, в последние годы отчётливо прослеживается тенденция к децентрализации полномочий, выражающаяся в расширении самостоятельности муниципалитетов и последовательной передаче им отдельных государственных функций в данной сфере.

Тем самым, актуализация муниципальных правил благоустройства, их применимость, устранение недоработок нормативных правовых актов — важнейшие решения для улучшения ситуации в сфере благоустройства, что обусловлено тем, что фактически главным нормативно-правовым актом, определяющим сферу благоустройства, в настоящее время являются Правила благоустройства муниципальных образований.

Для повышения эффективности правового регулирования в данной области представляется целесообразным:

1. Продолжить работу по гармонизации муниципальных правил благоустройства с нормами административного и градостроительного законодательства для минимизации правовых коллизий.
2. Разработать и внедрить типовые положения или методические рекомендации для муниципалитетов, особенно в части финансовых механизмов и экологических стандартов.
3. Активнее использовать практику судебного толкования спорных норм для формирования единообразной правоприменительной практики.
4. Создать эффективные механизмы вовлечения граждан и предпринимателей в процесс обсуждения и актуализации правил благоустройства.

Реализация этих мер будет способствовать формированию не только комфортной и безопасной, но также современной, устойчивой и социально-ориентированной городской среды, что соответствует как стратегическим целям государства, так и запросам гражданского общества.

Литература:

1. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ (ред. от 29.12.2025) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51040/ (дата обращения: 03.01.2026).
2. Закон Ивановской области от 24.04.2008 № 11-ОЗ (ред. от 26.12.2025) «Об административных правонарушениях в Ивановской области» [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. — URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=RLAW224&n=199847> (дата обращения: 05.01.2026).

3. Закон г. Москвы от 25.06.2008 № 28 «Градостроительный кодекс города Москвы» (с изм. на 13.11.2024) [Электронный ресурс] // ЭПС Система ГАРАНТ. — URL: <https://base.garant.ru/390151> (дата обращения: 05.01.2026).
4. Закон Санкт-Петербурга от 24.10.2009 № 508–100 «О градостроительной деятельности в Санкт-Петербурге» (ред. от 18.12.2025) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. — URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=SPB&n=322568> (дата обращения: 05.01.2026).
5. Козюк М. Н. Благоустройство как институт юридической урбанографии / М. Н. Козюк // Конституционное и муниципальное право. — 2020, — № 9 [Электронный ресурс] — НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА. — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=43931290> (дата обращения: 05.01.2026).
6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 05.01.2026).
7. Решение Ивановской городской Думы от 27.06.2012 № 448 «Об утверждении Правил благоустройства города Иванова» (ред. от 26.03.2025) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. — URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=RLAW224&n=193753> (дата обращения: 08.01.2026).
8. Решение Ивановской городской Думы от 29.06.2016 № 235 «Об утверждении местных нормативов градостроительного проектирования города Иванова» (ред. от 26.03.2025) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. — URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=RLAW224&n=194077> (дата обращения: 08.01.2026).
9. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (ред. от 20.03.2025) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/ (дата обращения: 04.01.2026).
10. Федеральный закон от 29.12.2017 № 463-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (с изм. на 20.03.2025) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_286692/ (дата обращения: 04.01.2026).
11. Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_501319/ (дата обращения: 04.01.2026).

Принципы осуществления налоговых проверок в России: системный анализ и проблемы имплементации в законодательстве и правоприменении

Гордеева Юлия Александровна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Статья посвящена комплексному исследованию системы принципов, лежащих в основе осуществления налоговых проверок в Российской Федерации. Целью работы является выявление и системный анализ закрепленных в законодательстве и доктринально признаваемых принципов налогового контроля, а также оценка эффективности их реализации в нормах Налогового кодекса РФ и правоприменительной деятельности Федеральной налоговой службы. В ходе исследования применяются методы формально-юридического, системного и сравнительного анализа. Результатом является структурированная модель принципов, включающая конституционные, общеправовые и специальные (институциональные) начала. Выявлены ключевые проблемы имплементации, такие как декларативность принципа уважения чести и достоинства, коллизия между принципами эффективности контроля и презумпции добросовестности, а также формальный характер процессуальных гарантий. Сделан вывод о необходимости совершенствования законодательной техники для придания базовым принципам прямого регулятивного действия, что позволит обеспечить оптимальный баланс между фискальными интересами государства и правами налогоплательщиков.

Ключевые слова: принципы налогового права, налоговые проверки, налоговый контроль, Налоговый кодекс РФ, законность, презумпция добросовестности, права налогоплательщика, правоприменение.

Principles of tax audits in Russia: a systematic analysis and implementation issues in legislation and law enforcement

The article is devoted to a comprehensive study of the system of principles underlying the implementation of tax audits in the Russian Federation. The purpose of the work is to identify and systematically analyze the principles of tax control enshrined in

legislation and recognized in doctrine, as well as to assess the effectiveness of their implementation in the norms of the Tax Code of the Russian Federation and the law enforcement activities of the Federal Tax Service. During the research, methods of formal-legal, systemic and comparative analysis are used. The result is a structured model of principles, including constitutional, general legal and special (institutional) foundations. Key implementation problems are identified, such as the declarative nature of the principle of respect for honor and dignity, the conflict between the principles of control efficiency and the presumption of good faith, and the formal nature of procedural guarantees. The conclusion is made about the need to improve legislative techniques to give basic principles direct regulatory action, which will ensure an optimal balance between the fiscal interests of the state and the rights of taxpayers.

Keywords: principles of tax law, tax audits, tax control, Tax Code of the Russian Federation, legality, presumption of good faith, taxpayer rights, law enforcement.

Налоговая проверка представляет собой наиболее интенсивную форму вмешательства государства в экономическую деятельность частных лиц. Как любой властный институт в правовом государстве, она должна осуществляться в рамках строго определенных правовых начал — принципов. Принципы налоговых проверок выполняют фундаментальную роль: они определяют идеологию контроля, устанавливают границы полномочий налоговых органов, формируют систему гарантий для налогоплательщиков и служат критерием для разрешения правовых коллизий [1, с. 45].

Актуальность темы обусловлена перманентным реформированием налогового администрирования, сочетающим расширение цифровых полномочий Федеральной налоговой службы (ФНС России) с провозглашением курса на снижение административного давления. В этих условиях обращение к системообразующим принципам позволяет оценить, насколько изменения законодательства соответствуют базовым ценностям налогового права. Не менее актуальна проблема разрыва между нормативным закреплением принципов и их реализацией в правоприменительной практике, что порождает правовую неопределенность и конфликты.

Целью данного исследования является построение системной модели принципов осуществления налоговых проверок в России и выявление ключевых проблем их законодательной имплементации и правоприменительного воплощения.

Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи:

1. Выявить и классифицировать систему принципов, регулирующих проведение налоговых проверок.
2. Проанализировать нормативное закрепление данных принципов в Конституции РФ, Налоговом кодексе РФ и иных нормативных правовых актах.
3. Оценить степень реализуемости этих принципов в конкретных процедурных нормах, регламентирующих камеральные и выездные проверки.
4. Сформулировать основные проблемы правоприменительной практики, связанные с имплементацией принципов.

Методологическую основу исследования составляют общенаучные методы (анализ, синтез, системный подход), а также частнонаучные методы познания: формально-юридический (для анализа структуры норм), сравнитель-

но-правовой (для сопоставления закрепленных и реализуемых начал) и метод юридической герменевтики (для толкования правовых положений).

1. Система принципов налоговых проверок: конституционные, общеправовые и специальные начала

Система принципов осуществления налоговых проверок имеет иерархическую структуру и включает три уровня: конституционные, общеправовые и специальные (институциональные) принципы налогового контроля.

К **конституционным принципам**, образующим фундамент всей системы, относятся:

Принцип законности (ст. 15 Конституции РФ). При проведении проверки налоговый орган обязан строго следовать нормам, установленным НК РФ. Любое действие инспектора, не основанное на законе, является неправомерным [2, с. 112].

Принцип охраны частной собственности (ст. 35 Конституции РФ). Налоговое доначисление и взыскание есть ограничение права собственности, которое допустимо только по основаниям, прямо предусмотренным законом, и в судебном порядке, если речь идет о бесспорном взыскании.

Принцип уважения достоинства личности (ст. 21 Конституции РФ). Проведение проверки не должно унижать честь и достоинство налогоплательщика и его представителей.

Общеправовые принципы, производные от конституционных, конкретизируются в отраслевом законодательстве:

Принцип презумпции добросовестности налогоплательщика. Хотя прямо в НК РФ он не сформулирован, он логически вытекает из общего подхода гражданского законодательства (п. 5 ст. 10 Гражданского кодекса РФ) и находит отражение в ряде норм НК РФ (например, в необходимости доказывания налоговым органом обстоятельств правонарушения).

Принцип недопустимости злоупотребления правом (п. 1 ст. 10 ГК РФ). Применительно к налоговым органам означает запрет на использование своих полномочий исключительно с целью причинения вреда налогоплательщику или выходя за рамки фискальных целей.

Принцип соразмерности (пропорциональности). Ограничения прав налогоплательщика в ходе проверки

(истребование документов, доступ на территорию) должны быть соразмерны заявленным законным целям контроля.

Специальные (институциональные) принципы налоговых проверок непосредственно закреплены или подразумеваются Налоговым кодексом РФ:

Принцип соблюдения налоговой тайны (ст. 102 НК РФ). Вся информация, полученная налоговым органом в ходе проверки, составляет налоговую тайну, за исключением определенных законом случаев.

Принцип периодичности и плановости выездных проверок (п. 5 ст. 89 НК РФ). Устанавливает прямые запреты на проведение повторных и избыточных проверок, защищая бизнес от неограниченного административного давления.

Принцип процессуальной регламентированности. Весь ход проверки, от ее назначения до вынесения решения, детально урегулирован нормами главы 14 НК РФ, что призвано исключить произвол.

2. Имплементация принципов в законодательстве: нормативный анализ

Нормативное воплощение указанных принципов в НК РФ носит неравномерный и зачастую непоследовательный характер.

Принцип законности реализован наиболее полно через детальную регламентацию процедур проверки (гл. 14 НК РФ). Однако такие новеллы, как право налогового органа запрашивать информацию у контрагентов и иных лиц по любым сделкам налогоплательщика (ст. 93.1 НК РФ), содержат широкие и нечеткие формулировки («иные документы, касающиеся деятельности проверяемого налогоплательщика»), что создает риск произвольного толкования и нарушения границ предмета проверки [3, с. 78].

Презумпция добросовестности сталкивается с мощным встречным принципом **эффективности налогового контроля**. Внедрение косвенных методов расчета налоговой базы (ст. 105.3 НК РФ, ст. 31 НК РФ) и автоматизированных систем камерального контроля (АСК НДС-2) по своей логике исходит из противоположной презумпции — возможности недобросовестного поведения. Конфликт этих начал разрешается в пользу фискальной эффективности, что выражается в практике «сдвига бремени доказывания»: налогоплательщик вынужден опровергать выводы инспекции, построенные на расчетных и вероятностных методах [4, с. 23].

Принцип уважения достоинства личности носит в НК РФ чисто декларативный характер. В кодексе отсутствуют конкретные процессуальные нормы, гарантирующие его соблюдение (например, правила этичного поведения инспекторов, механизмы обжалования неправомерных действий, не связанных непосредственно с доначислениями).

Принцип процессуальной регламентированности, несмотря на внешнюю детализацию, содержит суще-

ственные пробелы в части гарантий прав на стадии рассмотрения материалов проверки. Статья 101 НК РФ, обязывающая налоговый орган рассмотреть возражения налогоплательщика, не устанавливает четких критериев их оценки. Это приводит к формальному рассмотрению, когда в решении просто констатируется, что доводы «приняты во внимание, но не подтверждаются материалами дела», что фактически обесценивает данную гарантию.

3. Проблемы реализации принципов в правоприменительной практике

Разрыв между законодательным закреплением принципов и их реализацией порождает ряд системных проблем правоприменения.

Проблема «девальвации» процессуальных гарантий.

Детальная процедура, призванная обеспечивать принцип законности, на практике часто превращается в формальность. Яркий пример — **ненадлежащее извещение** о времени и месте рассмотрения материалов проверки. Инспекции направляют извещение с таким расчетом, что налогоплательщик физически не может обеспечить свое участие, после чего выносят заочное решение. Формально процедура соблюдена, но ее суть — обеспечение права на защиту — извращена [5, с. 91].

Коллизия эффективности и соразмерности при истребовании документов.

Используя широкие формулировки ст. 93.1 НК РФ, инспекции запрашивают у контрагентов массивы документов, не ограниченные конкретными сомнительными операциями. Это приводит к чрезмерному обременению третьих лиц и нарушает принцип соразмерности, поскольку масштаб вмешательства несоизмерен конкретной цели проверки отдельного налогоплательщика.

Проблема обеспечения налоговой тайны в условиях цифровизации.

Принцип налоговой тайны (ст. 102 НК РФ) вступает в противоречие с политикой «прозрачности» бизнеса и межведомственного электронного взаимодействия. Доступ к сведениям, составляющим налоговую тайну, имеют множество государственных органов, что увеличивает риски утечки и неправомерного использования коммерчески значимой информации, полученной в ходе проверки.

Принцип периодичности проверок и его обход.

Запрет на повторную проверку по тем же налогам и за тот же период (п. 5 ст. 89 НК РФ) де-факто нивелируется проведением так называемых «оперативных проверок», «анализа косвенных признаков» и иных контрольных мероприятий, не названных проверкой формально, но преследующих те же цели. Это создает возможность для непрерывного давления на бизнес.

Проведенное исследование позволяет сделать выводы о том, что система принципов осуществления налоговых проверок в России представляет собой сложную, но внутренне противоречивую конструкцию. Конституционные

и общеправовые начала (законность, охрана собственности, презумпция добросовестности) формально признаны, но их имплементация в специальное налоговое законодательство является избирательной и зачастую подчиненной задаче фискальной эффективности.

Нормативное закрепление принципов в НК РФ характеризуется двумя ключевыми недостатками: **декларативностью** (как в случае с уважением достоинства) и **избирательностью**, когда принцип признается, но тут же ограничивается широкими исключениями (презумпция добросовестности vs. косвенные методы контроля).

Основные проблемы правоприменения проистекают из указанных законодательных противоречий. Практика идет по пути **формального соблюдения процедуры при игнорировании ее духа**, что ведет к девальвации процессуальных гарантий. Широкие дискреционные полномочия ФНС России, предоставленные в целях повышения эффективности, на практике часто оборачиваются нарушением принципов соразмерности и недопустимости злоупотребления правом.

Для преодоления выявленных проблем необходимы следующие меры законодательного совершенствования:

1. Конкретизация принципов в НК РФ. Целесообразно ввести в статью 3 НК РФ (основные начала законодательства о налогах и сборах) прямое упоминание принципов презумпции добросовестности налогоплательщика, соразмерности контроля и уважения частной жизни.

2. Придание принципам прямого действия. Необходимо закрепить в нормах, регламентирующих проверку, отсылки к этим принципам как к критерию оценки правомерности действий инспекции (например, в ст. 93.1 НК РФ указать, что истребование документов должно быть соразмерно предмету проверки).

3. Усиление процессуальных гарантий. Требуется детализировать ст. 101 НК РФ, установив обязательность подробной мотивировки в решении с опровержением каждого существенного довода налогоплательщика, и закрепить реальные, а не формальные, требования к изложению.

Только придание принципам налоговых проверок качества работающих правовых инструментов, а не деклараций, позволит достичь заявленного баланса между интересами государства в наполнении бюджета и конституционными правами граждан и организаций на защиту от произвольного вмешательства власти.

Литература:

1. Крохина Ю. А. Налоговое право: учебник для академического бакалавриата. — 12-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2023. — 580 с.
2. Пепеляев С. Г. Основы налогового права: учебно-методическое пособие. — М.: Инфотропик Медиа, 2021. — 256 с.
3. Демин А. В. Налоговое право России: учебное пособие. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: РИОР: ИНФРА-М, 2022. — 365 с.
4. Брызгалин А. В., Берник В. Р., Головкин А. Н. Принципы налогообложения и их реализация в российской налоговой системе // Налоги и финансовое право. — 2023. — № 5. — С. 18–26.
5. Горбунова А. А. Процессуальные гарантии прав налогоплательщика при проведении налогового контроля: проблемы теории и практики // Финансовое право. — 2024. — № 1. — С. 88–94.
6. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ (ред. от 24.02.2025) // Собрание законодательства РФ. — 1998. — № 31. — Ст. 3824.
7. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 11.11.2024) // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
8. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // Российская газета. — 1993. — 25 декабря.
9. Об утверждении Концепции развития налогового контроля (мониторинга) на 2024–2030 годы: Распоряжение Правительства РФ от 29 декабря 2023 г. № 4019-р // Собрание законодательства РФ. — 2024. — № 1 (часть II). — Ст. 245.
10. Орлов М. Ю. Принцип презумпции добросовестности в налоговом праве: проблемы признания и применения // Закон. — 2022. — № 8. — С. 102–111.

Проблемы правоприменения возбуждения дел об административных правонарушениях сотрудниками полиции: диагностика и пути совершенствования

Грибачев Андрей Андреевич, студент магистратуры
Санкт-Петербургский университет МВД России

В статье анализируются ключевые правоприменительные проблемы, возникающие при возбуждении дел об административных правонарушениях сотрудниками полиции, исследуются нормативно-правовые основания возбуждения дела, практика применения полномочий органов МВД России, типичные процессуальные нарушения и организационно-

методические недостатки, влияющие на законность и эффективность производства по делам об административных правонарушениях. На основе анализа законодательства, разъяснений судебной практики и научных публикаций предлагаются направления совершенствования процессуальных норм, практики документирования и межведомственного регулирования с целью уменьшения рисков злоупотреблений, повышения качества доказательной базы и усиления гарантий прав участников административного процесса.

Ключевые слова: возбуждение дела, административное правонарушение, полиция, КоАП РФ, МВД России, процессуальная законность, правоприменение, совершенствование.

Проблема законности при возбуждении дел об административных правонарушениях сотрудниками полиции имеет многоплановый характер и связана как с содержанием и классификацией поводов для возбуждения дела установленными в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях, так и с практикой реализации полномочий полиции, закреплённых в Федеральном законе «О полиции», что в совокупности формирует поле для процессуальных ошибок и злоупотреблений [2]. Нормативная конструкция статьи 28.1 КоАП РФ предусматривает множественность поводов к возбуждению дела включая непосредственное обнаружение факта административного правонарушения материалы, поступившие от иных органов и организаций сообщения и заявления граждан и юридических лиц что требует от должностных лиц полиции взвешенной профессиональной оценки представленных данных и соблюдения требований доказанности при оформлении протоколов и иных процессуальных документов [1]. Практика показывает, что именно на стадии первичного реагирования часто возникают системные недостатки, связанные с поверхностной проверкой поступающих сообщений и недостаточной фиксацией фактических обстоятельств что негативно сказывается на качестве материалов дела приводит к частым жалобам на незаконность возбуждения и к отмене постановлений в судебном порядке [4].

Полномочия полиции по приему регистрации и проверке заявлений и сообщений, а также по составлению протоколов об административных правонарушениях и применению мер обеспечения производства закреплены в Федеральном законе «О полиции» что обуславливает высокую степень ответственности работников органов МВД России и одновременно выявляет уязвимость практики при отсутствии единых регламентов и адекватной подготовки кадров. Оперативная необходимость реагирования на множество сообщений зачастую сочетается с недостаточной формализацией процедуры оценки достоверности сведений и критериев достаточности оснований для возбуждения дела что создает риск формального выполнения требований закона без реального установления события правонарушения и влечет за собой перерасход административных ресурсов и угрозу нарушений прав граждан [3]. Аналитические исследования и публикации указывают на распространённость процессуальных дефектов таких как неполнота протоколов несоответствие описания фактических обстоятельств документальным доказательствам и нарушение сроков оформления что по-

следовательно фиксируется судебной практикой при рассмотрении жалоб на действия сотрудников полиции.

Системная диагностика причин ошибок при возбуждении дел выявляет несколько групп факторов организационно методических и правовых. Во-первых, отсутствие унифицированных методик и инструкций по проверке сообщений и оформлению материалов приводит к тому, что разные подразделения применяют неодинаковые подходы и критерии оценки информации что снижает единообразие правоприменения. Во-вторых, недостаточный уровень профессиональной подготовки и методической поддержки сотрудников полиции ослабляет способность должностных лиц правильно квалифицировать правонарушения и корректно оформлять доказательства. В-третьих, процессуальные и материально-технические проблемы в части регистрации заявлений ведут к потере первичных данных и затрудняют последующую проверку и документирование событий. Наконец отсутствие полной цифровизации и прозрачных средств аудита действий при обработке сообщений способствует субъективизму и затрудняет контроль со стороны прокуратуры и судов.

Юридические риски при текущей практике выражаются в высокой доле процессуальных нарушений, выявляемых судами при проверке законности возбуждения и рассмотрения дел об административных правонарушениях и в увеличении числа протестов прокуроров что свидетельствует о несоответствии некоторых практических действий полиции требованиям КоАП РФ и процессуальным гарантиям участников административного производства. Верховный Суд Российской Федерации и судебная практика отдельными постановлениями и разъяснениями указывают на необходимость мотивированного и документально подтверждённого подхода при принятии решения о возбуждении дела и отмечают допустимость прекращения производства в случае отсутствия достаточных оснований или существенных нарушений порядка оформления материалов [1]. Это подчеркивает важность соблюдения формальных и содержательных требований при составлении протоколов и оформлении материалов дела на первоначальной стадии производства.

В практической плоскости совершенствование механизма возбуждения дел об административных правонарушениях сотрудниками МВД России требует сочетания нормативных изменений и организационно-методических мер. С нормативной точки зрения целесообразна доработка положений КоАП РФ касающихся требований

к проверке сообщений и документации, вводимой в часть более детализированных критериев достаточности оснований для возбуждения дела и уточнения обязанностей органов полиции при регистрации и уведомлении заявителей что позволит снизить количество процессуальных дефектов. Организационные меры включают разработку и внедрение единых методических рекомендаций по приему и проверке сообщений создание электронных журналов регистрации с возможностью аудита и контроля обеспечение обязательной фиксации действий при оформлении протоколов с использованием фото и видео результатов осмотра места и иных доказательств что повысит качество материалов и облегчит судебскую проверку.

Не менее важным является совершенствование кадровой политики и системы подготовки сотрудников МВД России, направленной на отработку навыков правовой оценки сообщений документирования и взаимодействия с гражданами и иными органами посредством практикоориентированных курсов и регулярных методических брифингов что повысит профессиональную компетентность и снизит риски ошибок при возбуждении

дел [2]. Важным инструментом повышения прозрачности и подотчётности служит усиление роли внутреннего контроля и взаимодействие с прокуратурой с целью оперативного выявления и устранения системных недостатков, а также разработка механизмов статистического мониторинга качества возбуждаемых дел и причин их последующей отмены в суде что позволит реализовать циклический процесс повышения качества правоприменения.

В заключение следует подчеркнуть, что защита законности и прав участников административного процесса на стадии возбуждения дела зависит от сочетания правильно сформированной нормативной базы строгих требований к документированию и эффективных организационно-методических мер способных обеспечить единообразие и обоснованность решений сотрудников полиции. Совершенствование практики должно опираться на единую методологию проверки сообщений надлежащее использование цифровых технологий для фиксации и учета материалов и системную подготовку кадров МВД России что позволит снизить количество незаконно возбужденных дел обеспечить экономию ресурсов и укрепить доверие граждан к органам правоприменения.

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях. Статья 28.1 «Возбуждение дела об административном правонарушении» // СПС «КонсультантПлюс». — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 13.01.2026).
2. Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» // Официальные правовые акты. — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/ (дата обращения: 13.01.2026).
3. Приказ МВД России от 29.08.2014 № 736 «О порядке приема и рассмотрения сообщений о правонарушениях» // Официальный ресурс МВД России. — Режим доступа: <https://troick.gov74.ru/troick/view/news.htm?id=11491008> (дата обращения: 13.01.2026).
4. Шушина Е. В. Институт проверки сообщений и материалов в порядке статьи 28.1 КоАП РФ на предмет наличия в них события административного правонарушения // Вестник науки и практики. — 2024. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/institut-proverki-soobscheniy-i-materialov-v-poryadke-stati-28-1-koap-rf-na-predmet-nalichiya-v-nih-sobytiya-administrativnogo> (дата обращения: 13.01.2026).
5. Кивич Ю. В. Проблемы применения органами внутренних дел административно-правового принуждения и меры по их преодолению // Юридическая наука. — 2021. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-primeneniya-organami-vnutrennih-del-administrativno-pravovogo-prinuzhdeniya-i-mery-po-ih-preodoleniyu> (дата обращения: 13.01.2026).
6. Материалы по вопросам практики возбуждения дел об административных правонарушениях // LawInfo. — Режим доступа: <https://lawinfo.ru/articles/8512/vozbuzhdenie-del-ob-administrativnyx-pravonarusheniyax-na-osnovanii-castnyx-opredelenii-vynosimyx-sudami-rassmatrivayushhimi-grazdanskie-i-administrativnye-dela> (дата обращения: 13.01.2026).
7. Комментарии к ст. 28.1 КоАП РФ // Гарант. — Режим доступа: <https://base.garant.ru/12125267/faef3f9fb3287d3f9ec3b8f5d7386d86/> (дата обращения: 13.01.2026).
8. Проблемы нормативно-правового регулирования мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях // Молодой учёный. — 2023. — Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/499/109575> (дата обращения: 13.01.2026).
9. Постановления и разъяснения Верховного Суда Российской Федерации по вопросам производства по делам об административных правонарушениях // Официальный сайт Верховного Суда. — Режим доступа: https://www.consultant.ru/law/podborki/plenum_verhovnogo_suda_2020/ (дата обращения: 13.01.2026).

Цифровые доказательства и автоматизация в практике возбуждения административных дел полицией: правовые гарантии и риски

Грибачев Андрей Андреевич, студент магистратуры
Санкт-Петербургский университет МВД России

В статье рассматриваются правовые и практические аспекты использования цифровых доказательств и средств автоматизации в деятельности сотрудников полиции при возбуждении дел об административных правонарушениях, проводится анализ действующей нормативно-правовой базы и методик фиксации электронных материалов, исследуются риски, связанные с аутентичностью данных, цепочностью хранения и обработкой с применением программных средств и предлагаются направления для усиления правовых гарантий и организационно-технических мер по повышению надёжности доказательной базы. Работа подготовлена в соответствии со структурой и стилистикой представленного пользователем шаблона научной работы.

Ключевые слова: цифровые доказательства, электронные документы, автоматизация, полиция, КоАП РФ, правовые гарантии, цифровая трансформация МВД России.

Проблема правового признания цифровых доказательств и внедрения автоматизированных систем в практику возбуждения административных дел сотрудниками полиции приобретает особую значимость в условиях повсеместной цифровизации общественных отношений и развития информационно-коммуникационных технологий. В российском правовом поле отсутствует единое исчерпывающее толкование понятия цифрового доказательства, что создаёт неопределённость при их квалификации в рамках правил доказательства, действующих для административных производств, и требует внимательного сопоставления гарантий подлинности допустимости получения и сохранности таких материалов с процессуальными требованиями Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Аналитические публикации и правоприменительная практика указывают на многообразие источников электронных доказательств, включая записи систем видеонаблюдения, данные телекоммуникационных операторов, журналы информационных систем, скриншоты, электронные сообщения и метаданные файлов, что предопределяет необходимость выработки чётких критериев их допустимости и формата оформления в материалах дела [1].

Законодательная и ведомственная база закрепляет общие принципы использования документов в электронном виде и регулирует деятельность правоохранительных органов в области информатизации; при этом профильные нормативные акты и ведомственные программы развиваются неравномерно и стремительно вслед за технологическими изменениями. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях устанавливает процессуальные правила возбуждения дела и составления протокола, что влечёт за собой необходимость адаптации внутренней практики органов МВД России к особенностям цифровых материалов, включая требования к оформлению и представлению доказательств. Положения о цифровой трансформации и создание профильных департаментов в структуре МВД России отражают ведомственную стра-

тегию развития информационных систем, однако практический переход к массовому использованию автоматизированных инструментов сопровождается вопросами юридической оценки их результатов и процедурной прозрачности [2].

Ключевые риски, связанные с применением цифровых доказательств на стадии возбуждения административных дел, включают недостаточно проверенную подлинность электронных файлов, отсутствие надлежащей цепочки их хранения и передачи, уязвимость средств съёма и обработки данных и возможное искажение информации при автоматической обработке. Отдельную проблему представляет сложность установления источника происхождения данных и интерпретации метаданных, требующая участия экспертизы и специальных методик, что затягивает процесс и повышает вероятность процессуальных ошибок. Теоретические исследования и практические обзоры отмечают также проблемы с доказательной ценностью скриншотов и материалов социальных сетей и указывают на необходимость документального подтверждения канала получения и целостности файлов для признания их допустимыми доказательствами в административном производстве [3].

Автоматизация процедур приёма регистрации и первичной обработки сообщений о правонарушениях способна существенно повысить оперативность и прослеживаемость действий сотрудников полиции при условии применения прозрачных алгоритмов и механизмов аудита. Внедрение электронных журналов регистрации автоматизированных рабочих мест и систем фиксации препятствует утере первичных данных и облегчает документирование обстоятельств события, однако автоматические фильтры и эвристики оценки оснований для возбуждения дела не должны заменять юридическую усмотрительную оценку должностного лица. Практические рекомендации экспертов по цифровизации подчёркивают необходимость совмещения автоматизации с обязательной возможностью ручной проверки результатов и сохранения исходных цифровых объектов и ме-

таданных в неизменном виде для суда и участников процесса [4].

Правовые гарантии участников административного производства в условиях широкого использования цифровых доказательств требуют усиления процедурной регламентации, а также технических и организационных мер. Законодательное закрепление требований к формату электронных доказательств к способам их получения и к обязанностям органов МВД России по обеспечению цепочки хранения и целостности данных позволит снизить вероятность признания материалов недопустимыми. Важной гарантией служит доступ участников к материалам дела и возможность судебной проверки методов сбора и обработки цифровых доказательств при этом судебная практика и разъяснения высших судов выступают ключевым ресурсом для формирования стандартов оценки электронных материалов и должны учитываться при совершенствовании ведомственных регламентов [5].

Практические рекомендации для минимизации рисков включают внедрение стандартов методик сбора и фиксации цифровых доказательств и создание централизованных подсистем учёта и хранения данных с функциями неизменяемой регистрации действий и версионирования исходных файлов. Не менее значимой является подготовка сотрудников МВД России и обучение их осо-

бенностям оценки электронных доказательств, а также взаимодействию с экспертами в области цифровой криминалистики что позволит повысить качество материалов на стадии возбуждения дела и снизить число процессуальных претензий. Наконец регламентация использования программных средств автоматизации и требование обязательной аудиторской валидации алгоритмов в части фильтрации и предиктивной аналитики позволят обеспечить прозрачность и снизить риски системных ошибок [4].

В заключение следует отметить что цифровые доказательства и автоматизация обладают значительным потенциалом для повышения эффективности и оперативности возбуждения административных дел при условии выработки надёжных правовых гарантий и внедрения организационно-технических мер, обеспечивающих аутентичность целостность и прослеживаемость электронных материалов. Баланс между скоростью реагирования и защитой прав участников административного производства должен быть достигнут посредством комплексного подхода, сочетающего законодательные инициативы ведомственные регламенты технические стандарты и повышение квалификации сотрудников МВД России что создаст основу для законного и обоснованного использования цифровых технологий в практике правоприменения.

Литература:

1. Остапенко А. А. Виды цифровых доказательств в административном судопроизводстве // Научная электронная библиотека CyberLeninka. — 2021. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/vidy-tsifrovyyh-dokazatelstv-v-administrativnom-sudoproizvodstve> (дата обращения: 13.01.2026).
2. Коэффициент нормативно-правовой регламентирующий процессуальные правила возбуждения и составления протоколов. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях. Статьи, регламентирующие производство по делам об административных правонарушениях // КонсультантПлюс. — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 13.01.2026).
3. Карепанов Н. А., Кропотина Е. А. Проблемы использования электронных доказательств и скриншотов в административном процессе // Социальное управление. — 2024. — Режим доступа: <https://smgmt.ru/index.php/smgmt/article/view/150S110> (дата обращения: 13.01.2026).
4. Информатизация в административном судопроизводстве: текущее состояние и перспективы // LawInfo. — 2024. — Режим доступа: <https://lawinfo.ru/articles/7310/informatizaciya-v-administrativnom-sudoproizvodstve-tekushhee-sostoyanie-i-perspektivy> (дата обращения: 13.01.2026).
5. Постановления и разъяснения Верховного Суда Российской Федерации об использовании электронных документов в судебной практике // Официальные материалы Верховного Суда Российской Федерации. — Режим доступа: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/31334/> (дата обращения: 13.01.2026).
6. Приказ МВД России от 15.06.2021 № 444 «Об утверждении Положения о Департаменте информационных технологий связи и защиты информации Министерства внутренних дел Российской Федерации» // КонсультантПлюс. — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_390823/ (дата обращения: 13.01.2026).
7. Программа цифровой трансформации МВД России на 2023–2025 годы. Распоряжение МВД России от 25.01.2023 № 1/649 // Гарант / ведомственные документы. — Режим доступа: <https://base.garant.ru/406258675/> (дата обращения: 13.01.2026).
8. Рамалданов ХХ. Проблемы использования и хранения цифровых доказательств в доказывании в уголовном процессе // CyberLeninka. — 2023. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-ispolzovaniya-i-hraneniya-tsifrovyyh-dokazatelstv-v-dokazyvanii-v-ugolovnom-protseste> (дата обращения: 13.01.2026).

Проблемы, возникающие в части критерия предмета договора строительного подряда

Дмитрова Наталья Владимировна, студент магистратуры

Научный руководитель: Попович Марина Михайловна, кандидат юридических наук, доцент
Северо-Западный институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Вологда)

Договор строительного подряда — ключевой инструмент в гражданском праве и строительной отрасли. Он устанавливает правила взаимодействия заказчика и подрядчика, регламентируя выполнение работ, ответственность сторон и порядок оплаты. Несмотря на широкое распространение и значимость, его точное определение и интерпретация до сих пор являются предметом дискуссий в юридической науке и практике.

В научной литературе мнения касательно предмета договора строительного подряда расходятся. А. В. Бежан и С. А. Киракосян в своей научной статье формулируют предмет договора строительного подряда следующим образом «...под предметом договора принято понимать результат работ, результат деятельности подрядчика. Иногда предмет договора рассматривается как процесс деятельности подрядчика по возведению и сдаче объекта строительства...» [1]

Б. М. Гонгало выделяет две точки зрения предмета строительного подряда. Первая — это результат выполненных работ, новый объект недвижимости либо реконструкция существующего объекта недвижимости, вторая — работы по капитальному ремонту зданий и сооружений, монтажные, пусконаладочные и иные неразрывно связанные со строящимся объектом работы.

Наиболее правильной является первая точка зрения, так как достижение конечного результата невозможно без действий самого подрядчика, они являются базисом работы, отсюда следует, что и сама работа и её результат являются предметом договора строительного подряда [2].

В своей работе А. С. Михалева отмечает: «Предмет договора должен быть сформулирован сторонами с той степенью определенности, которая позволяет индивидуализировать объект порождаемых договором обязательств. Невозможность такой индивидуализации, а именно несогласованность или неопределенность предмета договора, может повлечь невозможность его исполнения» [3].

По договору строительного подряда подрядчик обязуется в установленный договором срок построить по заданию заказчика определенный объект либо выполнить иные строительные работы, а заказчик обязуется создать подрядчику необходимые условия для выполнения работ, принять их результат и уплатить обусловленную цену (п. 1 ст. 740 Гражданского Кодекса Российской Федерации [4] (далее — ГК РФ)).

Кроме обозначенных элементов в содержание предмета договора строительного подряда включаются также монтажные, пусконаладочные и иные строительные работы, например, изготовление и установка оконных рам,

прокладка кабелей и т. д. Данный вывод был сделан Президиумом ФАС Поволжского округа в Постановлении от 28 августа 2009г., утвердившем Обзор Федерального Арбитражного суда Поволжского округа «Обобщение судебной-арбитражной практики по разрешению споров, вытекающих из договора строительного подряда» [5].

В судебной практике отсутствует единое понимание предмета договора строительного подряда. Его характеризуют через содержание, вид и объем подлежащих выполнению работ. Например, в Постановление ФАС Московского округа от 09.07.2014 № Ф05-5848/2014 по делу № А40-119754/13-19-917 [6], суд указывает: «в спорном договоре не указаны начальный и конечный сроки выполнения работ, предмет договора не согласован. Конкретные виды работ не согласованы, смета не согласована, техническое задание не подписывалось, графика производства работ, стороны не определили объем и содержание работ, следовательно, не согласовали все существенные условия договора подряда».

Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 13.05.2010 по делу № А53-6762/2009 [7] указывает, что существенным условием договора подряда является условие о работе и ее результате, которое должно быть сформулировано сторонами с той степенью определенности, которая позволяет индивидуализировать объект порождаемых договором обязательств. Невозможность такой индивидуализации влечет невозможность исполнения договора по причине неопределенности в вопросе о содержании действий, которые должник обязан совершить в пользу кредитора.

Таким образом, в настоящее время в юридической литературе отсутствует единое определение предмета договора строительного подряда, судебная практика также неоднозначна в этом вопросе.

К следующей проблеме предмета договора строительного подряда относится некачественное строительство.

В соответствии с пунктом 1 статьи 721 ГК РФ качество работы, выполненной подрядчиком по договору строительного подряда, должно отвечать условиям данного договора, если же условия отсутствуют или являются неполными, то качество работы должно отвечать требованиям, традиционно предъявляемым к работам соответствующего рода.

Пунктом 3 статьи 723 ГК РФ предусмотрено, что, если недостатки являются существенными и неустраняемыми, заказчик вправе отказаться от исполнения договора и потребовать возмещения причиненных убытков.

Согласно ст. 753 ГК РФ заказчик вправе отказаться от приемки результата работ в случае обнаружения недо-

статков, которые исключают возможность его использования для указанной в договоре строительного подряда цели и не могут быть устранены подрядчиком или заказчиком.

Правильность подхода, согласно которому недостатки, перечисленные в пункте 6 статьи 753 ГК РФ, следует рассматривать как существенные, подтверждается и судебной практикой. В частности, применительно к отношениям строительного подряда, сложилась следующая правовая позиция: «заказчик, отказавшийся от подписания акта и оплаты результата работ, обязан доказать наличие существенных недостатков результата работ» (Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 26.03.2025 № Ф07–117/2025 по делу № А56–95353/2022 [8], Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 23.03.2018 № 02АП-75/2018 по делу № А29–7778/2017 [9]).

Таким образом, существенные недостатки в договоре строительного подряда, согласно толкованию законодательства и сложившейся судебной практике, включают в себя неисчерпывающий перечень дефектов, отвечающих, в частности, следующим критериям: невозможность использования результата в соответствии с целями договора, невозможность эксплуатации результата, утрата результатом потребительской ценности, несоразмерность затрат на устранение недостатка, многократное выявление недостатка.

Также одной из проблем предмета договора строительного подряда можно отметить проблему передачи объекта подрядчиком заказчику.

Особенности сдачи и приемки строительных работ перечислены в ст. 753 ГК РФ [4].

Они заключаются в том, что, во-первых, подрядчик обязан сообщить о готовности к сдаче работ, а заказчик обязан приступить к приемке их результата за свой счет. Согласно п. 8 информационного письма Президиума ВАС РФ от 24 января 2000 г. № 51 «Обзор практики разрешения споров по договору строительного подряда», посвященного вопросам разрешения споров по договору строительного подряда, если подрядчик не известил заказчика о завершении работ по договору и не вызвал его для участия в приемке результата работ, подрядчик не может ссылаться на отказ заказчика от исполнения договорного обязательства по приемке работ и требовать их оплаты на основании одностороннего акта сдачи результата работ, так как фактически объект в установленном порядке заказчику не передавался.

Во-вторых, эти действия оформляются соответствующим актом, подписанным обеими сторонами. Постановлением Госкомстата России от 11 ноября 1999 г. № 100 определено, что акт о приемке выполненных работ применяется для приемки выполненных подрядных строительно-монтажных работ производственного, жилищного, гражданского и других назначений. Этот акт составляется на основании данных Журнала учета выполненных работ в необходимом количестве экземпляров. Акт подписывается уполномоченными представителями сторон, имеющими право подписи (производителя работ и заказчика).

На практике часто возникают ситуации, когда заказчик отказывается от подписания акта приемки работ. В соответствии с п. 4 ст. 753 ГК РФ при отказе одной из сторон от подписания акта в нем делается отметка об этом, и акт подписывается другой стороной. Односторонний акт сдачи или приемки им обоснованными, что подтверждается также и судебной практикой [10].

Из определения Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 20.11.2025 № 88–26530/2025 [11] следует, что, работы, указанные в смете, соответствуют тем, что были выполнены на объекте, после выполнения строительных работ, строительные работы выполненные фактически приняты заказчиком без каких-либо замечаний, поскольку строительство без остановки перешло к следующему этапу, в настоящее время объект завершен строительством. Кроме того, суд апелляционной инстанции пришел к выводу, что требования о расторжении договора подряда, взыскании денежных средств, являются безосновательными и не подлежат удовлетворению, поскольку договор фактически исполнен, строительные работы выполнены.

Суд апелляционной и кассационной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции, оснований для отмены решения суда не установил.

Апелляционным определением Московского городского суда от 22.07.2025 № 33–0247/2025 [12] решение Савеловского районного суда от 05.01.2023 отменено, принято по делу новое решение.

Судебная коллегия с выводами суда первой инстанции не согласилась, поскольку в ходе рассмотрения дела ни в суде первой инстанции, ни в суде апелляционной инстанции ответчик не оспаривал факт выполнения истцом работ, в объеме, указанном в исковом заявлении, кроме того ответчик ссылался на то, что все работы указанные в справках КС-2, КС-3 с № 11 по № 13 выполнены и фактически приняты ответчиком, оборудование поставлено и находится в пользовании ответчика.

Наличие между сторонами договоренности о проведении дополнительных работ подтверждается имеющейся в материалах дела перепиской, а также представленными истцом актами выполненных работ и справками КС, учитывая, что ответчик не отрицал факта неоплаты данных работ.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что отсутствие единого нормативного определения создает правовую неопределенность, затрудняя применение законодательства и формирование единообразной судебной практики, наличие данных проблем не даёт эффективно регулировать подрядные отношения в сфере строительства и стороны вынуждены решать свои противоречия в судах.

Решение этих проблем требует системных изменений в правовой базе, что обеспечит повышение эффективности регулирования строительных правоотношений, минимизацию юридических рисков и гарантирует стабильность и предсказуемость для субъектов рынка.

Литература:

1. Бежан А. В., Киракосян С. А. Заключение договора строительного подряда на выгодных условиях // Юрист. 2014. № 1. С. 30.
2. Гражданское право: учебник: в 2 т. — Т. 2 / О. Г. Алексеева, Е. Р. Аминов, М. В. Бандо и др.; под ред. Б. М. Гонгало. — М., 2016. — С. 299.
3. Михалева А. С. Предмет договора строительного подряда в российском гражданском праве / А. С. Михалева. — Текст: непосредственный // Юридические науки: проблемы и перспективы: материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Казань, май 2016 г.). — Казань: Бук, 2016. — С. 177–180.
4. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая)» от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 13.12.2024) // Официальный сайт СПС КонсультантПлюс — www.consultant.ru (дата обращения 15.01.2026).
5. Обзор Федерального арбитражного суда Поволжского округа
6. «Обобщение судебно-арбитражной практики по разрешению споров, вытекающих из договора строительного подряда» // Система ГАРАНТ // URL: <https://faspo.arbitr.ru/node/13637> (дата обращения: 15.01.2026).
7. Постановление ФАС Московского округа от 09.07.2014 № Ф05–5848/2014 по делу № А40–119754/13–19–917 № 51 // Официальный сайт СПС КонсультантПлюс — www.consultant.ru (дата обращения 15.01.2026).
8. Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 13.05.2010 по делу № А53–6762/2009 // Официальный сайт СПС КонсультантПлюс — www.consultant.ru (дата обращения 15.01.2026).
9. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 26.03.2025 № Ф07–117/2025 по делу № А56–95353/2022 // Официальный сайт СПС КонсультантПлюс — www.consultant.ru (дата обращения 15.01.2026).
10. Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 23.03.2018 № 02АП-75/2018 по делу № А29–7778/2017 // Официальный сайт СПС КонсультантПлюс — www.consultant.ru (дата обращения 15.01.2026).
11. Договорное право: учебник для вузов / А. П. Анисимов, М. Ю. Козлова, А. Я. Рыженков, С. А. Чаркин; под общей редакцией А. Я. Рыженкова. — 8-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 348 с. — (Высшее образование). — ISBN 978–5–534–16965–2. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. с. 164 — URL: <https://urait.ru/bcode/562961/p.164> (дата обращения: 15.01.2026).
12. Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 20.11.2025 № 88–26530/2025 // Официальный сайт СПС КонсультантПлюс — www.consultant.ru (дата обращения 15.01.2026).
13. Апелляционное определение Московского городского суда от 22.07.2025 № 33–0247/2025 // Официальный сайт СПС КонсультантПлюс — www.consultant.ru (дата обращения 15.01.2026).

Особенности назначения наказания в виде штрафа несовершеннолетнему нарушителю

Доронин Сергей Леонидович, студент магистратуры

Уральский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Челябинск)

В статье автор исследует штраф как один из видов наказания, который может быть назначен несовершеннолетним, а также правила назначения данного вида наказания. Подробно обсуждается вопрос, касающийся возможности уплаты штрафа родителями или иными законными представителями несовершеннолетнего.

Ключевые слова: несовершеннолетний правонарушитель, уголовное наказание, штраф, особенности назначения наказания, имущественное положение, законные представители, цели наказания, уголовная ответственность несовершеннолетних.

Преступность несовершеннолетних представляется наиболее многофакторным социальным явлением, сегодня подростки вне зависимости от гендерной, этнической принадлежности, социального положения и т. д. подвержены факторам криминогенного характера. Несовершеннолетние все чаще подвержены антиморальным поступкам, чаще всего в юношеский период. Данное поведение обуславливается еще в момент воспитания в семье,

когда родители или законные представители не оказывают должного внимания своему ребенку. Именно в момент взросления, когда у человека формируются основные взгляды на жизнь, необходимо бдительно относиться к поведению ребенка и окружающим его людям.

Среди видов наказаний, перечисленных в ч. 1 ст. 88 УК РФ, штраф занимает особое место как наиболее мягкая мера, не связанная с изоляцией от общества [1]. Однако

его назначение несовершеннолетнему сопряжено с рядом существенных особенностей и правовых коллизий, которые требуют детального теоретического осмысления и выработки единообразной правоприменительной практики. Целью данной статьи является комплексный анализ юридической природы, условий эффективности и проблемных аспектов назначения штрафа несовершеннолетнему правонарушителю.

В соответствии с ч. 2 ст. 88 УК РФ, штраф может быть назначен как несовершеннолетнему, имеющему самостоятельный заработок или имущество, на которое может быть обращено взыскание, так и не имеющему таковых. В последнем случае штраф взыскивается с его родителей или иных законных представителей с их согласия. Данная норма отражает двойственную природу штрафа в ювенальной юстиции.

С одной стороны, штраф преследует традиционные цели наказания: восстановление социальной справедливости, исправление осужденного и предупреждение новых преступлений. Для несовершеннолетнего, обладающего собственными средствами, уплата штрафа может стать актом осознания материальной ответственности за содеянное, чувствительным, но не разрушительным последствием противоправного поведения [4].

С другой стороны, в контексте наказания несовершеннолетних на первый план выдвигается *специально-превентивная и воспитательная цель*. Идеальная модель предполагает, что необходимость самостоятельно выплатить значительную сумму заставляет подростка переосмыслить свои поступки, учит финансовой ответственности и уважению к закону. Штраф, в отличие от лишения свободы, позволяет избежать негативного влияния криминальной среды в местах заключения и сохранить социальные связи — с семьей, учебой, что крайне важно для формирования личности.

Однако законодательная формулировка порождает ключевую проблему: большинство несовершеннолетних в возрасте 14–17 лет не имеют самостоятельного постоянного заработка или личного имущества, достаточного для уплаты штрафа. Это приводит к ситуации, когда формально назначаемое подростку наказание фактически адресовано его родителям. Таким образом, возникает риск искажения цели наказания: карательное воздействие смещается с виновного лица на третьих лиц, что противоречит принципу личной виновной ответственности (ст. 5 УК РФ).

От судов, в случае применения положений ч. 2 ст. 88 УК РФ, требуется тщательное установление имущественного статуса несовершеннолетнего. Верховный суд РФ обращает внимание судей на важность и необходимость выяснения таких обстоятельств как наличие самостоятельного заработка, получение стипендии или иного дохода, а также имущества, на которое можно обратить взыскание [3].

На практике выяснение этих обстоятельств вызывает определенные трудности. В частности, учет семей-

ного положения, согласие на выяснение информации от законных представителей и др. Подросток может иметь нерегулярный заработок, который очень сложно подтвердить документально, поэтому суды зачастую полагаются на пояснение самого несовершеннолетнего или его родителей, а такая информация не всегда является объективной.

Проводя анализ судебной практики, можно заметить, что штраф несовершеннолетним назначается относительно нечасто. Суды отдают предпочтение принудительным мерам воспитательного направления (ст. 90 УК РФ) или условному сроку [5].

Если же суды все же назначают наказание в виде штрафа, то размер такого наказания очень индивидуализирован. Суды учитывают характер и степень общественной опасности преступления, личность правонарушителя, его мотивы и поведение до и после преступления, а также фактическую возможность его (его семьи) выплатить штраф без существенного ущерба для жизнеобеспечения [6].

Последний критерий является наиболее субъективным. На практике сформировались два подхода: одни суды формально следуют закону и назначают штраф в пределах санкций, не углубляясь в анализ финансового положения несовершеннолетнего и его семьи, кроме констатации факта отсутствия дохода; другие проводят более тщательное исследование, что, по мнению некоторых авторов, является более соответствующим принципу справедливости.

Для того, чтобы преодолеть указанные противоречия предлагается рассмотреть следующие меры. Законодательно закрепить более четкий механизм, который предусматривал бы обязанность несовершеннолетнего, который не имеет дохода, не уплату денежной суммы, а отработку штрафа в свободное от учебы время на общественно полезных работах. Таким образом, была бы прямая связь правонарушителя и наказания. Введение специальных, гибких правил для определения размера штрафа, в том числе, создать прямую привязку к МРОТ или в форме краткосрочных рассрочек платежа под контролем инспекции. Также необходимо уделять больше внимания психолого-педагогическим аспектам работы с подростками при обсуждении при обсуждении и назначении такой меры, как штраф, разъясняя не только юридические, но и воспитательные последствия [5].

Таким образом, назначение наказания в виде штрафа несовершеннолетнему правонарушителю представляет собой сложный правовой институт, находящийся на стыке уголовно-правовых, криминологических и педагогических задач. Его потенциальные преимущества — гибкость, отсутствие изоляции, воспитательный потенциал — могут быть реализованы только при условии внимательного, индивидуализированного подхода суда. Ключевой проблемой остается разрешение коллизии между принципом личной ответственности и экономической зависимостью подростка от семьи. Дальнейшее

совершенствование законодательства и правоприменительной практики должно быть направлено на то, чтобы штраф действительно воспринимался несовершеннолетним как мера его ответственности, способствующая осознанию вины и исправлению, а не как дополнительное

наказание для его родителей. Расширение арсенала альтернативных, восстановительных мер в рамках исполнения штрафа видится наиболее перспективным путем гуманизации уголовной политики в отношении несовершеннолетних.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 29.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.01.2026) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 N 1 (ред. от 09.12.2025) «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
4. Бриллиантов А. В. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник. — М.: Проспект, 2023.
5. Карнозова Л. М., Михайловская И. Б. Восстановительное правосудие и социальная работа. — М.: Проспект, 2019.
6. Мальцев В. В. Назначение наказания несовершеннолетним: проблемы теории и практики // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2021. — № 2. — С. 45–51.
7. Филимонов О. В. Особенности назначения штрафа несовершеннолетним: теоретический и практический аспекты // Российский следователь. — 2022. — № 5. — С. 32–35.

Проблема толкования признака «с использованием своего служебного положения» в части 1.1 статьи 195 УК РФ

Ефимова Евгения Дмитриевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Шишко Ирина Викторовна, доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой
Сибирский федеральный университет (г. Красноярск)

В статье проводится анализ одного из квалифицирующих признаков состава преступления, предусмотренного ч. 1.1 ст. 195 УК РФ, — «с использованием своего служебного положения». Автор исследует и противоречия в судебной практике, возникающие при толковании данного признака. Особое внимание уделяется проблеме соотношения формального и материального критериев при установлении этого признака, и его разграничению с признаком «контролирующим должника лицом». На основе проведенного исследования предлагаются пути совершенствования правоприменительной практики.

Ключевые слова: банкротство, неправомерные действия, квалифицирующий признак, толкование, использование служебного положения, контролирующее должника лицо.

Введение новых квалифицирующих признаков банкротских преступлений, включенных Федеральным законом от 01.07.2021 № 241-ФЗ «О внесении изменений в статьи 195 и 196 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [1], в частности, в ч. 1.1, 2.1, и 4 ст. 195 Уголовного кодекса Российской Федерации» (далее — УК РФ) [5], безусловно, стало шагом на пути к дифференциации ответственности за них и усилению борьбы с этими преступлениями. Однако новеллы породили и ряд правоприменительных проблем, важнейшими из которых является толкование признака «с использованием своего служебного положения» и разграничение его с признаком «контролирующим должника лицом».

Законодатель не раскрывает содержания первого признака применительно к ст. 195 УК РФ, что создает почву для неоднозначного его понимания. Отсутствие легальной дефиниции «компенсируется» обращением правоприменителя к общим принципам уголовного права и сложившейся судебной практике по делам о других преступлениях. Тем не менее, специфика отношений несостоятельности привносит в эту проблему свои особенности.

Наиболее острая проблема толкования заключается в том, что понимать под «использованием» служебного положения: достаточно ли самого факта занятия лицом соответствующей должности или возможностей занимаемой должности (формальный критерий) или необ-

ходимо устанавливать связь между служебными полномочиями (возможностями занимаемой должности) и совершенным деянием (материальный критерий)?

Формальный подход, который иногда прослеживается в практике судов первой инстанции, сводится к тому, что если преступление совершено лицом, занимающим руководящую должность, то признак использования служебного положения всегда считается установленным. Такой подход чрезмерно расширяет круг лиц, которых можно признать субъектом преступления.

Материальный подход, напротив, требует доказывания, что виновный использовал именно свои специфические полномочия, вытекающие из его статуса, либо возможности занимаемой должности для совершения инкриминируемых действий. Именно этот подход является обоснованным и соответствует разъяснениям высших судебных инстанций. Например, в п. 29 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» Верховный Суд дает разъяснение, кого именно следует считать «лицом, использующим свое служебное положение» при совершении хищений (мошенничества, присвоения, растраты) [4]. Это разъяснение имеет прямое отношение к указанной банкротной статье, так как раскрывает содержание такого квалифицирующего признака в схожих составах преступлений в сфере экономики, что может использоваться для его толкования и в рамках ст. 195 УК РФ.

Согласно этому разъяснению, признак «с использованием служебного положения» в хищениях распространяется не только на чиновников (должностных лиц), но и на круг управленцев и ответственных сотрудников в коммерческих компаниях, если они использовали свои служебные функции для совершения преступления.

Применительно к банкротству это означает, что для вменения ч. 1.1 ст. 195 УК РФ необходимо установить, какими именно полномочиями (служебными функциями) или возможностями должности обладало лицо (например, правом подписи финансовых документов, принятия решений о заключении крупных сделок, распоряжения определенными активами) и как эти полномочия/возможности были задействованы для совершения неправомерных действий (сокрытия имущества, его отчуждения и т. д.)

Важным для правильной квалификации и не получившим толкование в постановлениях Пленума Верховного Суда является разграничение лиц, использующих свое служебное положение, и контролирующих должника лиц (КДЛ).

Законодатель в ч. 1.1 ст. 195 УК РФ указал эти категории субъектов раздельно: «...совершенные лицом с использованием своего служебного положения, а равно контролирующим должника лицом...» Данная законодательная конструкция («а равно») свидетельствует о том, что это альтернативные, а не тождественные признаки. Следовательно, по логике законодателя, КДЛ не охватыва-

ется понятием «лицо, использующее служебное положение», и наоборот.

Это разграничение имеет принципиальный характер и основано на различной правовой природе возможностей, используемых для совершения преступления:

«Использование служебного положения» предполагает наличие у лица формальных управленческих функций (должности) в организации должника или иной структуре, т. е. организационно-распорядительных или административно-хозяйственных полномочий (например, право единолично подписывать договоры, издавать приказы о списании имущества, иметь доступ к бухгалтерским системам), либо возможности, но тоже «предоставляемой» должностью.

Статус «контролирующего должника лица» основан на фактической возможности определять действия должника, которая может возникать не только из владельческого контроля (например, наличие контрольного пакета акций), но и из иных обстоятельств. Согласно ст. 61.10 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» [3] и разъяснениям Верховного Суда РФ [2], КДЛ может быть признано лицо, имеющее влияние в силу родственных или свойственных отношений, должностного положения, включая замещение должностей, предоставляющих доступ к ключевым управленческим решениям (например, главный бухгалтер, финансовый директор), а также лицо, оказывающее определяющее влияние на руководство иным образом. Таким образом, перечень возможных КДЛ не является исчерпывающим и охватывает широкий спектр лиц, способных фактически определять действия должника.

Так, один и тот же человек может одновременно быть и КДЛ, и использовать служебное положение (например, генеральный директор-собственник). Однако возможны и ситуации, когда КДЛ не обладает служебным положением, а лицо со служебным положением (например, наемный менеджер) не является контролирующим.

Правильная квалификация по ч. 1.1 ст. 195 УК РФ требует от правоприменителя проведения двойного анализа. Во-первых, необходимо установить, какие именно служебные полномочия (а не просто должность) или возможности должности были использованы виновным для совершения преступления (материальный критерий). Во-вторых, необходимо четко разграничивать, действовало ли лицо в силу своего служебного статуса или же его деяние обусловлено фактическим контролем над должником (является ли лицо таковым, может установить только суд). Смешение этих понятий ведет к судебным ошибкам.

Также была выявлена проблема, выраженная в нечеткости разграничения части 1.1. с другими преступлениями. В частности, возникает вопрос: когда действия руководителя должника, совершившего сделку по отчуждению имущества в преддверии банкротства, следует квалифицировать по ч. 1.1 ст. 195 УК РФ, а когда — как злоупотребление полномочиями (ст. 201 УК РФ) или как

злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ)?

Такая постановка вопроса (о разграничении составов) стала возможной, в частности, благодаря расширению в примечании 1 к ст. 285 УК РФ круга организаций, в которых лицо может быть признано должностным. В него теперь включены унитарные предприятия и акционерные общества с государственным или муниципальным участием, то есть часть коммерческих организаций, которые могут быть признаны банкротами. Таким образом, руководители этих организаций, постоянно, временно или по специальному полномочию выполняющие организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции, подпадают под понятие «должностное лицо».

Критерием разграничения ст. 195 УК РФ со ст. 201 УК РФ и ст. 285 УК РФ, как верно отмечается в работах Л. Д. Ермаковой, [7, с. 208], Н. Лопашенко [6, с. 14] и И. В. Шишко [8, с. 43 и 47], является специальная обстановка совершения преступления — наличие признаков банкротства [6]; [7]; [8].

Если умышленные действия по выводу активов совершены при наличии таких признаков и причинили крупный ущерб кредиторам, приоритет имеет специальная норма — ст. 195 УК РФ. Если же признаки банкротства объективно отсутствуют, но действия руководителя противоречили законным интересам коммерческой организации и повлекли причинение существенного вреда ее интересам, содеянное квалифицируется по ст. 201 УК РФ или ст. 285 УК РФ. Таким образом, ст. 195 УК РФ является специальной по отношению к ст. 201 УК РФ и ст. 285 УК РФ в условиях процедуры несостоятельности.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

Признак «с использованием своего служебного положения» в ч. 1.1 ст. 195 УК РФ нуждается в авторитетном судебном толковании применительно к специфике отношений несостоятельности.

Круг субъектов, подпадающих под данный признак, не должен ограничиваться формальными руководителями. В него могут входить иные лица, чьи должностные или служебные функции связаны с распоряжением имуществом или принятием ключевых финансово-хозяйственных решений. Вместе с тем в этот круг не входят те, кто выполняют организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в низовых структурных подразделениях (они действия, указанные в ч. 1 ст. 195 УК РФ совершить не могут).

Квалификация по этому признаку требует установления материального критерия — реального использования конкретных должностных/служебных полномочий или возможностей должности для совершения преступления, а не единственно констатации факта занятия определенной должности.

Требует толкования соотношение признаков использования служебного положения и совершения преступления контролирующим должника лицом, так как часть КДЛ может использовать свое служебное положение.

Устранение выявленных правовых коллизий будет способствовать более эффективному, справедливому и единообразному применению уголовного закона в сфере противодействия неправомерным действиям при банкротстве.

Литература:

1. О внесении изменений в статьи 195 и 196 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федер. закон от 01.07.2021 № 241-ФЗ. — Текст: электронный // Справочная правовая система «КонсультантПлюс»: [сайт]. — URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 22.01.2026).
2. О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве: постановление Пленума ВС РФ от 21.12.2017 № 53 (ред. от 23.12.2025). — Текст: электронный // Справочная правовая система «КонсультантПлюс»: [сайт]. — URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 22.01.2026).
3. О несостоятельности (банкротстве): федер. закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 29.12.2025). — Текст: электронный // Справочная правовая система «КонсультантПлюс»: [сайт]. — URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 22.01.2026).
4. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: постановление Пленума ВС РФ от 30.11.2017 г. № 48. — Текст: электронный // Справочная правовая система «КонсультантПлюс»: [сайт]. — URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 22.01.2026).
5. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2025). — Текст: электронный // Справочная правовая система «КонсультантПлюс»: [сайт]. — URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 22.01.2026).
6. Лопашенко, Н. Неправомерные действия при банкротстве / Н. Лопашенко. — Текст: непосредственный // Законность. — 1999. — № 4. — С. 14–19.
7. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: Учебник / Ю. В. Грачева, Л. Д. Ермакова, Г. А. Есаков [и др.]; под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, А. И. Рарога, А. И. Чучаева. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: КОНТРАКТ, ИНФРА-М, 2009. — 800 с. — Текст: непосредственный.

8. Шишко, И. В. Неправомерные действия при банкротстве (ст. 195 УК РФ) / И. В. Шишко. — Текст: непосредственный // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2011. — № 7. — С. 41–47.

Актуальные проблемы применения условного осуждения и вопросы совершенствования законодательства

Зайцев Николай Николаевич, студент магистратуры
Санкт-Петербургский университет МВД России

В статье рассмотрены некоторые проблемы применения условного осуждения, которые вызваны во многом фрагментарностью и недостаточностью правового регулирования данного института нормами уголовного закона, что негативно сказывается на судебной практике, анализ которой позволил прийти к выводу, что суды сталкиваются со значительными сложностями в применении условного осуждения. В судебной практике так и не выработаны единые и универсальные критерии, на основании которых суд может принять решение о возможности назначения уголовного наказания условно. Нередко суды в приговорах не обосновывают принятие решения о возможности или невозможности условного осуждения. Значительное число проблемных вопросов возникает при принятии судами решений об отмене условного осуждения. В этой связи предложено внести ряд изменений в УК РФ, которые, по мнению автора, должны упростить применение положений уголовного закона и способствовать единству судебной практики.

Ключевые слова: условное осуждение, исправление осужденного, уголовное наказание, испытательный срок, отмена условного осуждения, продление испытательного срока.

Current problems of the application of probation and issues of improving legislation

The article discusses some of the problems of the application of probation, which are largely caused by the fragmentation and insufficiency of the legal regulation of this institution by the norms of criminal law, which negatively affects judicial practice, the analysis of which led to the conclusion that the courts face significant difficulties in the application of probation. In judicial practice, uniform and universal criteria have not been developed, on the basis of which the court can decide on the possibility of imposing a suspended sentence. Often, the courts in their sentences do not justify the decision on the possibility or impossibility of a suspended sentence. A significant number of problematic issues arise when the courts decide to cancel a suspended sentence. In this regard, it is proposed to introduce a number of amendments to the Criminal Code of the Russian Federation, which, according to the author, should simplify the application of the provisions of the criminal law and promote the unity of judicial practice.

Keywords: probation, correction of a convicted person, criminal punishment, probation, cancellation of a suspended sentence, extension of probation.

Вопросы применения и отмены условного осуждения вызывают большие сложности в правоприменительной практике, поскольку уголовный закон в недостаточной степени раскрывает понятие и сущность условного осуждения. Разъяснения Пленума ВС РФ, данные в постановлении от 25.06.2024 № 18 «О судебной практике отмены условного осуждения или продления испытательного срока» [3], также не смогли разрешить все имеющиеся противоречия и разногласия в понимании условного осуждения. Рассмотрим некоторые из выявленных проблем и предложим пути их устранения.

Условия назначения условного осуждения перечислены законодателем в ст. 73 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ [1] (далее — УК РФ). Одним из них является назначение осужденному только одного из четырех видов уголовного наказания:

- 1) исправительные работы;

- 2) ограничение по военной службе;
- 3) содержание в дисциплинарной воинской части;
- 4) лишение свободы на срок до восьми лет.

Таким образом, данный перечень носит весьма ограниченный характер. Трудно сказать, какими соображениями руководствовался законодатель при его формировании, посчитав именно эти уголовные наказания единственно возможными для условного осуждения. Применительно к лишению свободы меньше всего возникает таких вопросов. Но вот почему, например, в ст. 73 УК РФ наличествую исправительные работы, но нет принудительных или обязательных работ? Почему невозможно считать условным назначенное наказание в виде штрафа? Ответы на данные вопросы отсутствуют. Практика такова, что преобладающим видом уголовного наказания, при котором суды применяют ст. 73 УК РФ, является лишение свободы. Иные три вида уголовного наказания в стати-

стических сведениях занимают крайне незначительную долю. В этой связи в науке уголовного права высказываются различные предложения о реформировании законодательства. Мнения ученых разделились.

Например, одни предлагают расширить указанный перечень иными видами наказаний. Другие исследователи выступают за то, чтобы сократить данный перечень, оставив в нем только лишение свободы [2, с. 28]. Каждая из этих позиций имеет право на существование, но ни одна из них не может быть реализована на практике. Самое очевидное решение видится в сокращении перечня наказаний, что подтверждается статистическими данными. Однако, данное решение может привести к необоснованному росту случаев, когда преступники могут избежать несения бремени уголовного наказания. В качестве реальной альтернативы лишению свободы следует рассматривать назначение принудительных работ, которые весьма редко назначаются в судебной практике, а не условное назначение лишения свободы. У судов должна быть вариативность выбора, учитываться вопросы индивидуализации уголовного наказания, в связи с чем, более правильным, по нашему мнению, является принятие решения о расширении перечня уголовных наказаний, на основании которых наказание может назначаться условно (например, штраф, обязательные работы).

Основанием применения условного осуждения, как следует из содержания ч. 1 ст. 73 УК РФ, является установление судом возможности исправления осужденного без реального отбывания назначенного наказания. В силу требования ч. 2 ст. 73 УК РФ при назначении условного осуждения суд учитывает характер и степень общественной опасности совершенного преступления, личность виновного, в том числе смягчающие и отягчающие обстоятельства.

Так, по одному из дел суд указал, что, учитывая совокупность смягчающих наказание Х. обстоятельств (наличие троих малолетних детей, добровольное возмещение морального вреда, причиненного в результате преступления, признание вины, раскаяние в содеянном, наличие на иждивении несовершеннолетнего ребенка, положительные характеристики, наличие тяжелого заболевания, которое требует операционного вмешательства, оказание помощи близким родственникам, в том числе матери-пенсионеру и инвалиду, участие в волонтерской и благотворительной деятельности), а также данные о его личности, в том числе, помимо изложенного выше, его возраст, состояние его здоровья, состояние здоровья его близких родственников, с которыми он поддерживает общение и помогает материально, в том числе матери-пенсионеру и инвалиду, принимая во внимание наличие у него постоянных места жительства и регистрации, источника дохода, социальную адаптацию, положительные характеристики и благодарности, участие в волонтерской и благотворительной деятельности, наличие на иждивении четырех детей, полагает возможным применить положения ст. 73 УК РФ и считать назначенное наказание условным,

так как исправление Х. и достижение иных целей наказания может быть достигнуто в данном случае без реального отбывания им наказания [4].

Однако, можно встретить позицию судов, в основе которой положен презумпция недопустимости применения условного осуждения только на том основании, что судом были установлены смягчающие обстоятельства. При принятии решения необходимо принимать совокупность факторов и обстоятельств, например, личность виновного, его постпреступное поведение, тяжесть и характер совершенного преступления и пр. [5].

В то же время имеются случаи необоснованного и немотивированного применения условного осуждения. Так по одному из дел суд кассационной инстанции отменил нижестоящие приговоры, поскольку признал недопустимым назначение условного осуждения лицу, которое совершило несколько преступлений (16 эпизодов преступной деятельности) и причинило значительный материальный ущерб потерпевшим, при наличии совокупности отягчающих обстоятельств, например, в составе организованной группы [6].

Признав возможность применения к осужденному условного осуждения, суд устанавливает ему испытательный срок, в течение которого осужденный своим поведением должен доказать исправление. В качестве средства обеспечения исправления уголовный закон предусматривает возложение судом на осужденного определенных обязанностей, примерный перечень которых закреплен ч. 5 ст. 73 УК РФ. Изучение судебной практики позволили прийти к выводу, что суды достаточно часто возлагают на осужденных обязанности, не указанные в уголовном законе. Наиболее распространенной из них является возложение явки на осужденного в уголовно-исполнительную инспекцию. Периодичность посещения устанавливается индивидуально и варьируется либо еженедельно, либо с более частым посещением.

Для совершенствования института условного осуждения предлагаем принятие следующих мер:

1. Увеличение сроков установления испытательного срока осужденному. Полагаем, что продолжительность испытательного срока следует связывать со сроками назначения уголовного наказания. Например, если осужденному назначено лишение свободы сроком на пять условно, то и испытательный срок условного осуждения должен составлять пять лет, в течение которого осужденный должен доказывать свое исправление. Данное предложение будет стимулировать условно осужденных к законопослушному поведению, предупреждению совершения ими новых преступлений.

2. Предлагаем расширить перечень преступлений, по которым не допускается назначение условного осуждения. К таковым, на наш взгляд, следует отнести все особо тяжкие преступления, все половые преступления, преступления экстремисткой направленности; наркопреступления. Данное предложение обусловлено не только общественной опасностью совершенных пре-

ступлений, но и личностью виновных, исправление которых по данной категории уголовных дел без реального лишения свободы является практически невозможности. В судебной практике немало случаев, когда условное осуждение назначается лицам, имеющим несколько судимостей, например, по наркопреступлениям, что не приводит к предупреждению их преступной деятельности. В данной ситуации неоднократное назначение уголовного наказания условно только дискредитирует саму идею института условного осуждения, который должен предоставлять шанс осужденным на исправление, а не является средством избежания уголовной ответственности.

3. Требуется реформирование нормы, регламентирующие вопросы отмены условного осуждения. В частности, предлагаем закрепить в ст. 74 УК РФ шкалу дифференциации испытательного срока в зависимости от категории совершенного преступления. На сегодняшний день УК РФ данный вопрос никоим образом не разрешает, что входит в противоречие с такими важнейшими принципами уголовного права как индивидуализация и справедливость. В результате внесения соответствующих изменений в УК РФ в случае совершения осужденным преступления небольшой или средней тяжести, лицо может рассчитывать на досрочную отмену условного осуждения по истечении не менее половины установленного испытательного срока, при совершении тяжкого преступления — по истечении не менее 2/3 испытательного срока, а при совершении особо тяжкого преступления — по истечении не менее чем 3/4 испытательного срока.

4. Не совсем понятным является решение законодателя, почему он связывает возможность отмены условного

осуждения при систематическом нарушении общественного порядка только с совершением условно осужденным в течение одного года двух и более нарушений общественного порядка, за которые он привлекался к административной ответственности. Например, почему он не добавил данный перечень административными правонарушениями, нарушающими общественную безопасность, которые также содержатся в гл. 20 КоАП РФ. На наш взгляд, ч. 3 ст. 74 УК РФ необходимо изложить в следующей редакции: «Если условно осужденный в течение испытательного срока систематически нарушал общественный порядок и общественную безопасность, за что привлекался к административной ответственности...». Таким образом, совершение условно осужденным административных правонарушений, нарушающих общественную безопасность, также будет являться основанием для отмены условного осуждения.

5. Предлагаем расширить в ч. 1 ст. 73 УК РФ перечень наказаний, в отношении которых суд может принять решение считать их условным, т. е. без реального отбывания наказания. В качестве такого предлагаем рассматривать принудительные работы, при том, что они уже были закреплены в перечне таких наказаний в советских кодексах.

Полагаем, что предложенные меры должны устранить имеющиеся проблемы в судебной практике с применением и отменой условного осуждения, сформировать более понятный и прозрачный механизм принятия решения об исполнении назначенного уголовного наказания условно, а также расширить сферу применения условного осуждения в целях обеспечения принципов гуманизма и справедливости.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 17.11.2025) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Иногамова-Хегай Л. В., Куликов А. С. Проблемные аспекты условного осуждения // Законность. 2023. № 3. С. 27–30.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2024 № 18 «О судебной практике отмены условного осуждения или продления испытательного срока» // Российская газета, № 148, 09.07.2024.
4. Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 27.03.2025 № 77–592/2025 (УИД 78RS0006–01–2024–000905–94) // СПС «КонсультантПлюс».
5. Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 16.09.2025 № 77–2454/2025 (УИД 23RS0031–01–2022–003871–41) // СПС «КонсультантПлюс».
6. Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 07.10.2025 по делу № 77–1892/2025 (УИД 78RS0023–01–2023–010284–43) // СПС «КонсультантПлюс».

Правовые конструкции противодействия теневой хозяйственной деятельности в Советской России: историко-правовой анализ и его проблематика

Запороженко Иван Максимович, студент магистратуры

Научный руководитель: Михайлов Дмитрий Олегович, кандидат юридических наук, доцент

Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева (г. Москва)

Исследуя путь становления современного российского уголовного законодательства, необходимо отметить, что оно прошло достаточно долгий путь от дореволюционного до постсоветского, получившего особую ветвь развития в период цифровизации. Феномен «теневой» экономики, существующий в любом обществе, в СССР всегда имел особый, системный характер, обусловленный спецификой политического режима и экономического устройства.

История российского государства неотделима от истории регулирования хозяйственной жизни, где феномен «теневой» экономики выступал постоянным, хотя и меняющим свои формы, спутником официального уклада. Однако правовые конструкции борьбы с ней, от карательных норм Российской империи через тотальный запрет частной инициативы в СССР до попыток рыночного регулирования в современной России, видится, являют собой уникальную некую «лабораторию» по изучению эволюции самого права. Они отражают не просто смену юридических техник, но и глубинные трансформации отношений между властью, законом и экономической свободой граждан [1].

Правовые конструкции борьбы с ним не просто эволюционировали, они радикально трансформировались вместе со сменой парадигмы государственного управления: от тотального отрицания частной инициативы к ее формальному поощрению в условиях рынка. Историко-правовой анализ этой эволюции раскрывает не только изменение юридических норм, но и глубинную проблематику взаимоотношений государства, закона и хозяйственной практики, где право часто выступало не регулятором, а инструментом политического и идеологического контроля.

На начальном этапе становления советского государства правовые конструкции носили чрезвычайный, декретный характер. Положения о «рабочем контроле» (1917), декрет о национализации (1918), а затем и нормы Уголовного кодекса РСФСР 1922 года криминализировали «спекуляцию» (ст. 137) и «частнопредпринимательскую деятельность» (ст. 124). В период НЭПа наблюдалось временное смягчение, однако уже с конца 1920-х годов началось формирование жёсткой репрессивной системы. Постановление ЦИК и СНК СССР от 22 августа 1932 года «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности» (известное как «закон о трёх колосках») применялось и к хозяйственным «расхитителям» [2, с. 21]. К концу 1930-х годов сложился свое-

образный каркас уголовно-правового противодействия, где ключевыми были составы, направленные не столько против последствий, сколько против самого факта негосударственной экономической активности.

Наиболее законченное выражение правовые конструкции борьбы с «тенью» получили в Уголовном кодексе РСФСР 1960 года. Ключевыми статьями стали:

— Ст. 153 («Частнопредпринимательская деятельность и коммерческое посредничество») — криминализовала систематическое извлечение «нетрудовых доходов» от эксплуатации автомобилей, стройматериалов и иного имущества, а также торгово-закупочные операции.

— Ст. 154 («Спекуляция») — определялась как скупка и перепродажа товаров с целью наживы. Размер прибыли не имел принципиального значения, важен был умысел.

— Ст. 162 («Занятие запрещённым промыслом») — наказывала, например, нелегальное ремесленничество или производство [3].

Соответственно, характерными чертами можно поименовать следующее:

— Идеологическая загрузженность понятий, т. е. «нетрудовые доходы», «частнопредпринимательская деятельность», «спекуляция» — эти понятия не имели чёткого экономико-правового содержания, но несли мощный идеологический заряд, позволяя карать любое отклонение от нормы «социалистического хозяйствования».

— Отсутствие административной преюдиции, т. е. практически не существовало эффективного административно-правового «буфера». Действовала жёсткая дихотомия: разрешённая государством деятельность или уголовное преступление.

— Расширительное толкование, т. е. расплывчатость формулировок предоставляла широкие возможности для правоохранительных и судебных органов, делая право гибким инструментом в борьбе с неудобными лицами.

Проблематика вредоносности расширительного толкования уголовно-правовых понятий предстает не просто теоретическим изъяном юридической техники, а системной патологией, подрывающей саму сущность права и его социальную функцию. Использование таких понятий, как «спекуляция», «нетрудовые доходы» или «частнопредпринимательская деятельность», стало классическим примером того, как уголовный закон превращается из гаранта правопорядка в инструмент произвола и идеологического контроля, демонстрируя катастрофические последствия для общества и правовой культуры [4, с.173].

Представляется, что расширительное толкование экономических составов выполняло роль правового капкана

для хозяйственной инициативы. Любая попытка найти более эффективный, не предписанный сверху способ организации труда, обмена или производства рисковала быть признана преступной. Это не просто подавляло «теневой» сектор, но и консервировало экономическую отсталость, убивая на корню потенциальные источники инноваций и адаптации. Общество теряло предпринимательскую энергию и гибкость, которые в рыночных условиях являются драйвером развития, а в условиях дефицита является жизненно важным компенсаторным механизмом.

Советский опыт с такими понятиями, как «спекуляция» или «нетрудовой доход», наглядно демонстрирует, что вред расширительного толкования уголовно-правовых норм носит тотальный характер. Он подрывает основы правового государства, размывает границу между законностью и произволом, систематически порождает коррупцию, формирует у населения устойчивый правовой нигилизм и душит экономическую активность. Это не юридическая ошибка, а инструмент построения и поддержания неправового режима, где сила власти преобладает над силой закона.

Историко-правовой анализ этой проблемы служит суровым предостережением: ясность и определённости уголовного закона, особенно в экономической сфере, это не техническое требование, а фундаментальный заслон на пути превращения права в орудие репрессии. Преодоление наследия расширительного, идеологически нагруженного толкования остаётся одной из ключевых задач для постсоветских правовых систем, стремящихся к созданию справедливых и предсказуемых правил экономической жизни [5, с. 1384].

Резюмируя, жёсткие запреты не ликвидировали «теневую» экономику, но сделали её масштабной и глубоко интегрированной в официальную систему. Подпольные производственные цеха («цехи») работали на сырьё и оборудовании государственных предприятий, удовлетворяя

реальный платёжеспособный спрос на дефицитные товары. Право, объявляя эту деятельность преступной, de facto боролось с компенсаторным механизмом неэффективной плановой экономики.

Правовые конструкции служили не столько целям правосудия, сколько выполнению планов по «очистке» общества от «социально чуждых элементов» и идеологическому устрашению. Суды часто выполняли не правоприменительную, а символически-карательную функцию.

Историко-правовой анализ советских правовых конструкций противодействия «теневой» хозяйственной деятельности раскрывает их как органичную часть тоталитарной политико-экономической системы. Они были нацелены не на регулирование рисков или защиту правовых благ, а на тотальное искоренение самой возможности частной экономической автономии от государства. В этом заключалась их основная сущностная проблема: право было сведено к функции карательного аппарата, утратив качества универсального и справедливого регулятора.

Опыт СССР демонстрирует, что сколь бы суровыми ни были правовые запреты, они не могут упразднить экономические законы спроса и предложения. «Тень» в советской России была не патологией, а закономерной реакцией социального организма на жёсткие ограничения экономической свободы. Правовые конструкции, боровшиеся с ней, оказались в итоге неэффективными и контрпродуктивными: они не смогли ликвидировать нелегальный рынок, но породили массовый правовой нигилизм, масштабную коррупцию и заложили глубокий социально-психологический разрыв между государством и обществом. Это наследие продолжало влиять на правовую и экономическую культуру России и долгое время после распада СССР, делая историко-правовой анализ данной проблемы ключевым для понимания многих современных вызовов в сфере экономики и права.

Литература:

1. Бакаева А. В. История развития отечественного уголовного законодательства об ответственности за незаконное предпринимательство // *Colloquium-journal*. 2022. № 28 (151). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-razvitiya-otechestvennogo-ugolovno-zakonodatelstva-ob-otvetstvennosti-za-nezakonnoe-predprinimatelstvo> (дата обращения: 13.01.2026).
2. Чеботарев А. В. Сравнительно-правовая и историческая характеристика уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за незаконное предпринимательство // *Юрист-ПравоведЪ*. — 2008. — № 1. — С. 19–23.
3. Вотякова, Е. С. История развития Уголовного законодательства о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности / Е. С. Вотякова. — Текст: непосредственный // *Актуальные вопросы юридических наук: материалы I Междунар. науч. конф.* (г. Челябинск, ноябрь 2012 г.). — Челябинск: Два комсомольца, 2012. — С. 77–79. — URL: <https://moluch.ru/conf/law/archive/43/2823> (дата обращения 12.01.2026).
4. Прохоренко Д. В. Доход от незаконной предпринимательской деятельности: проблемы интерпретации // *Актуальные проблемы российского права*. — 2017. — № 9 (82). — С. 172–176.
5. Турыгина Д. С. Незаконное предпринимательство в Российской Федерации: история возникновения и несовершенство практики наказания / Д. С. Турыгина, Н. А. Жумаканова. — Текст: электронный // *Весенние дни науки ИнЭУ: сборник докладов Международной конференции студентов и молодых ученых* (Екатеринбург, 17–20 апреля 2024 г.). — Екатеринбург: Издательство Издательский Дом «Ажур», 2024. — С. 1383–1388.

Роль прокурора при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве

Здорников Кирилл Игоревич, студент

Научный руководитель: Борохова Наталья Евгеньевна, кандидат юридических наук, доцент
Уральский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Челябинск)

В статье рассматривается роль прокурора при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве в уголовном процессе. Проанализированы положения действующего уголовно-процессуального законодательства, а также основные подходы, сформировавшиеся в научной доктрине относительно объёма и характера участия прокурора на досудебной стадии. Выявлены проблемные аспекты разграничения полномочий прокурора и следователя при разрешении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве.

Ключевые слова: досудебное соглашение, прокурор, следователь, уголовный процесс.

Институт досудебного соглашения о сотрудничестве был введён в уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации в 2009 году как инструмент, направленный на повышение эффективности раскрытия и расследования тяжких и особо тяжких преступлений, прежде всего совершаемых в составе организованных групп и преступных сообществ [2]. До его появления особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением, несмотря на широкое практическое применение, не позволял в полной мере решать задачи противодействия организованной преступности и коррупции, поскольку не создавал достаточных стимулов для изобличения соучастников и организаторов преступлений.

Действующая модель досудебного соглашения о сотрудничестве формально закрепила ключевую роль прокурора, наделив его полномочиями по принятию окончательного решения о заключении соглашения и оценке исполнения обвиняемым принятых на себя обязательств. Вместе с тем в научной доктрине сохраняются споры о характере и объёме участия прокурора на досудебной стадии, а также о соотношении его полномочий с процессуальной самостоятельностью следователя и фактическом влиянии прокурора на реализацию права обвиняемого на заключение досудебного соглашения, что свидетельствует об актуальности избранной темы исследования.

Для иллюстрации споров о роли прокурора при заключении досудебного соглашения представляется целесообразным обратиться к позициям, изложенным исследователями в научных работах.

Так, Е. В. Коротыш и В. П. Хвостанцев полагают, что решение по ходатайству обвиняемого (подозреваемого) о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве должно приниматься непосредственно прокурором, тогда как мнение следователя должно носить рекомендательный, но не решающий характер. По мнению авторов, существующий порядок допускает возможность необоснованного отказа обвиняемому (подозреваемому) в реализации права на рассмотрение уголовного дела в особом порядке, а обжалование соответствующего решения следователя не всегда является своевременным и эффек-

тивным, что обуславливает необходимость расширения надзорных полномочий прокурора в данной сфере [7].

Схожей позиции придерживается В. А. Ефанова, указывая, что следователь не должен разрешать ходатайство, адресованное прокурору, и должен ограничиваться его поддержанием либо отказом в поддержании посредством вынесения соответствующего процессуального решения [6].

Примечательно, что идея трансформации процедуры «рассмотрения» ходатайства следователем в процедуру его «поддержания» находит отражение и в работе К. Ф. Багаутдинова, предлагающего ввести механизм составления заключения о целесообразности либо нецелесообразности заключения досудебного соглашения о сотрудничестве, подлежащего согласованию с руководителем следственного органа [3].

Для обеспечения всесторонности исследования рассмотрим альтернативные точки зрения, представленные в научном сообществе. Так, Н. А. Дудина высказывает позицию о целесообразности исключения прокурора из числа участников процедуры заключения досудебного соглашения о сотрудничестве, предлагая ограничить их круг следователем, руководителем следственного органа, потерпевшим, обвиняемым (подозреваемым) и его защитником. Обосновывая данную точку зрения, автор указывает, что участие потерпевшего в процедуре заключения соглашения выступает гарантией реализации его права на доступ к правосудию и справедливое судебное разбирательство, тогда как прокурору следует сохранить исключительно надзорные полномочия [5].

И. С. Дикарев, в свою очередь, обращает внимание на то, что досудебное соглашение о сотрудничестве представляет собой соглашение между сторонами обвинения и защиты (п. 61 ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) [1]). Поскольку до утверждения обвинительного заключения прокурор не осуществляет уголовное преследование и не является стороной обвинения, он, по мнению автора, не может выступать стороной заключаемого на предварительном следствии досудебного соглашения. В связи с этим автор приходит к выводу о целесообразности заключения такого соглашения следователем либо руководителем следственного органа как субъектами, непосредственно за-

интересованными в результатах сотрудничества, при сохранении за прокурором функций надзора за законностью процессуальной деятельности органов предварительного расследования [4].

Представляется, что изложенные в научной литературе подходы, обосновывающие необходимость усиления роли прокурора при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, в целом заслуживают поддержки. Их объединяет понимание особой публично-правовой природы данного института, предполагающей не только достижение процессуальной экономии, но и обеспечение законности, баланса интересов сторон и защиты прав обвиняемого. Передача следователю полномочий по фактическому разрешению ходатайства о заключении досудебного соглашения, адресованного прокурору, вступает в противоречие с надзорной функцией последнего и способна привести к подмене оценки законности соображениями процессуальной целесообразности расследования.

Кроме того, предоставление следователю возможности отказать в поддержке ходатайства без обязательного обращения к прокурору объективно ограничивает доступ обвиняемого (подозреваемого) к использованию института досудебного соглашения о сотрудничестве и снижает эффективность прокурорского надзора на ранних стадиях уголовного процесса. В этой связи обоснованным представляется сохранение за следователем функции выражения мотивированного мнения относительно целесообразности заключения соглашения при одновременном закреплении за прокурором исключительного права принятия итогового решения по заявленному ходатайству.

Для реализации поддержанной позиции предлагаем внести следующие изменения в УПК РФ:

1. Изложить в новой редакции:

1.1. ч. 3 ст. 317.1 УПК РФ:

«3. Ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве представляется прокурору подозреваемым или обвиняемым, его защитником через следова-

теля. Следователь, получив указанное ходатайство, в течение трех суток с момента его поступления направляет его прокурору вместе с заключением следователя о целесообразности либо нецелесообразности заключения досудебного соглашения о сотрудничестве с подозреваемым или обвиняемым согласованным с руководителем следственного органа».

1.2. ч. 1 ст. 317.2 УПК РФ

«1. Прокурор рассматривает ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве и заключение следователя о целесообразности либо нецелесообразности заключения досудебного соглашения о сотрудничестве с подозреваемым или обвиняемым согласованное с руководителем следственного органа в течение трех суток с момента его поступления. По результату рассмотрения прокурор принимает одно из следующих постановлений:

1) об удовлетворении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве;

2) об отказе в удовлетворении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве».

1.3. ч. 2 ст. 317.4 УПК РФ

«2. Ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, заключение следователя о целесообразности либо нецелесообразности заключения досудебного соглашения о сотрудничестве с подозреваемым или обвиняемым, постановление прокурора об удовлетворении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, досудебное соглашение о сотрудничестве приобщаются к уголовному делу».

2. Исключить ч. 4 ст. 317.1 из УПК РФ.

Полагаем, что в случае изменения действующего законодательства с учётом изложенных предложений, институт досудебного соглашения о сотрудничестве станет более эффективным и действенным правовым средством борьбы с коррупцией, организованной преступностью, бандитизмом и наркоторговлей.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 28.04.2009) // Ведомости Федерального Собрания РФ, 01.01.2002, № 1, ст. 1.
2. Федеральный закон от 29.06.2009 № 141-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 29.06.2009, № 26, ст. 3139.
3. Багаутдинов К. Ф. Досудебное соглашение о сотрудничестве: актуальные проблемы оптимизации механизма реализации и совершенствования процессуального статуса его участников: Автореферат дис. ... кандидата юридических наук. — Нижний Новгород. 2020 — с. 17–18.
4. Дикарев И. С. Спорные вопросы организации досудебного производства по уголовным делам // Российская юстиция. 2016. № 5. С. 7.
5. Дудина Н. А. Порядок производства при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве как процессуальная форма деятельного раскаяния. Автореферат дис. ... кандидата юридических наук. — Томск. 2015. — С. 10.
6. Ефанова В. А. Прокурор и досудебное соглашение о сотрудничестве в уголовном процессе России // Судебная власть и уголовный процесс. 2012 № 1 — С. 170.
7. Коротыш Е. В., Хвостанцев В. П. Правовые аспекты заключения досудебного соглашения о сотрудничестве в прокурорской деятельности // Проблемы науки. 2020. № 9 (57) — С. 63.

Роль следователя в уголовном процессе: дискуссионные вопросы и современные реалии

Иванова Кира Борисовна, студент магистратуры
Байкальский государственный университет (г. Иркутск)

В настоящей статье исследуется одна из актуальных и дискуссионных проблем современного уголовно-процессуального права — правовое положение следователя в уголовном судопроизводстве. Автор подвергает критическому анализу законодательное отнесение следователя к участникам процесса со стороны обвинения, полагая, что такой подход не в полной мере отражает специфику процессуальной функции следователя и может негативно сказаться на объективности и беспристрастности предварительного расследования. В работе подробно анализируются полномочия следователя, его обязанности по всестороннему, полному и объективному исследованию обстоятельств уголовного дела, обеспечению прав и законных интересов всех участников процесса. На основе проведенного исследования автор приходит к выводу о необходимости пересмотра законодательного подхода к определению процессуального статуса следователя и закреплению его особого положения как независимого и беспристрастного участника уголовного судопроизводства, не относящегося ни к стороне обвинения, ни к стороне защиты. Такое решение, по мнению автора, позволит следователю более эффективно выполнять свои функции и будет способствовать повышению качества предварительного расследования и обеспечению законности в уголовном процессе.

Ключевые слова: предварительное расследование, процессуальный статус следователя, уголовное судопроизводство, функция следователя, следователь.

Правовой статус следователя как участника уголовного судопроизводства является одним из наиболее дискуссионных вопросов в современной юридической науке. Несмотря на то, что Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (УПК РФ) [1] в главе 6 прямо относит следователя к участникам процесса со стороны обвинения, данная позиция не находит единогласной поддержки среди исследователей и практикующих юристов.

С одной стороны, следователь действительно выполняет функцию уголовного преследования, собирая доказательства виновности обвиняемого и формулируя обвинение. С другой стороны, он обязан действовать в строгом соответствии с законом, соблюдать права и законные интересы всех участников процесса, в том числе обвиняемого и потерпевшего, объективно и всесторонне исследовать все обстоятельства дела.

Сторонники отнесения следователя к обвинительной стороне, такие как В. Ю. Стельмах, М. В. Бубчикова и В. В. Ершов, подчеркивают, что основной функцией следователя является изобличение лица, виновного в совершении преступления. Действительно, в ходе расследования следователь проводит комплекс следственных действий, направленных на сбор доказательств причастности конкретного лица к преступному деянию. Казалось бы, данное обстоятельство однозначно свидетельствует о реализации следователем функции обвинения.

Однако более детальный анализ полномочий и задач следователя позволяет взглянуть на проблему под иным углом. Обвинение в материально-правовом смысле представляет собой уголовное преследование, то есть установление лица, причастного к совершению преступления, и сбор доказательств его виновности процессуальными средствами. При этом ключевым моментом является то, что следователь не просто «назначает» виновного, а уста-

навливает реальную причастность конкретного лица к преступлению [2, с. 38].

Действуя в рамках своих полномочий, следователь вправе применять предусмотренные законом меры принуждения и формулировать процессуальные решения, фиксирующие связь лица с преступным деянием. Однако это не означает, что следователь должен, во что бы то ни стало добиваться признания вины подозреваемого или обвиняемого. Напротив, объективность и беспристрастность являются ключевыми принципами работы следователя.

Раскрытие преступления предполагает установление истины, то есть выявление лица, действительно совершившего противоправное деяние, а не просто «подгонку» доказательств под заранее определенного виновного. Именно поэтому на следователя возлагается обязанность прекращать уголовное преследование лиц, ошибочно подозреваемых в совершении преступления, если их непричастность подтверждается собранными доказательствами.

Таким образом, следователь, будучи отнесенным УПК РФ к участникам процесса со стороны обвинения, не может рассматриваться исключительно как «обвинитель». Его роль гораздо шире и заключается в объективном и всестороннем исследовании обстоятельств дела, сборе и оценке доказательств, установлении истины и принятии законных и обоснованных решений. Только такой подход позволит следователю эффективно выполнять возложенные на него задачи и обеспечивать защиту прав и законных интересов всех участников уголовного судопроизводства.

Безусловно, дискуссия о правовом положении следователя в уголовном процессе будет продолжаться, отражая сложность и многогранность данной проблематики. Однако очевидно, что любые теоретические построения должны учитывать реалии практической деятельности и базироваться на принципах законности, объективности

и справедливости, лежащих в основе уголовного судопроизводства.

В современной юридической науке ведутся оживленные дискуссии о процессуальной функции следователя в уголовном судопроизводстве. Ряд ученых, таких как В. Ю. Стельмах, М. В. Бубчикова и В. В. Ершов, придерживаются мнения о том, что следователь осуществляет функцию обвинения [4, с. 37]. Однако, анализируя нормы Уголовно-процессуального кодекса и сущность деятельности следователя, можно прийти к выводу, что данная позиция не в полной мере отражает специфику его работы.

Безусловно, одной из задач следователя является изобличение лица, совершившего преступление, и сбор доказательств его вины. Тем не менее, сводить всю деятельность следователя исключительно к обвинению было бы ошибочным. В отличие от прокурора, который в соответствии с УПК поддерживает государственное обвинение и является стороной процесса, следователь призван осуществлять всестороннее, полное и объективное расследование обстоятельств уголовного дела.

Как справедливо отмечают С. А. Шейфер, А. В. Пиук и В. И. Зажицкий, наделение следователя только лишь функцией обвинения противоречит самой сути предварительного следствия. Следователь обязан не только собирать обвинительные доказательства, но и проверять версии, опровергающие причастность лица к совершению преступления, устанавливать смягчающие обстоятельства. Односторонний обвинительный уклон в работе следователя недопустим, так как это может привести к необоснованному привлечению граждан к уголовной ответственности и нарушению их прав.

Представляется, что законодатель, относя следователя к участникам уголовного судопроизводства со стороны обвинения, стремился подчеркнуть его роль в изобличении виновных. Однако подобная формулировка в УПК не должна толковаться буквально и сужать функции следователя до обвинения. Главное предназначение следователя — это объективное и непредвзятое расследование, в ходе которого могут быть получены как обвинительные, так и оправдательные доказательства.

Таким образом, точка зрения о том, что следователь осуществляет функцию обвинения в уголовном процессе, представляется спорной и не учитывающей всю многогранность его процессуальной деятельности. Следователь — это не обвинитель, а исследователь обстоятельств уголовного дела, чья задача состоит в установлении истины, какой бы она ни была.

Позиция ряда учёных-процессуалистов, не согласных с положениями действующего УПК РФ, основывается на двух ключевых аргументах. Первый заключается в том,

что причисление следователя к стороне обвинения вступает в методологическое противоречие с самой конструкцией досудебных стадий уголовного процесса, где состязательность присутствует лишь в ограниченной форме. Второй аргумент состоит в опасениях, что следователь, будучи отнесённым к стороне обвинения, станет проводить расследование предвзято, игнорируя доказательства, свидетельствующие в пользу обвиняемого.

Так, профессор С. А. Шейфер, отстаивая позицию, согласно которой следователь не должен рассматриваться как представитель стороны обвинения, указывает на внутренний конфликт, возникающий в сознании следователя [5, с. 34]. С одной стороны, он выступает субъектом уголовного преследования, обязанным собирать доказательства вины подозреваемого или обвиняемого. С другой стороны, следователь — это исследователь, который должен опровергать самого себя, устанавливая обстоятельства, противоречащие обвинению. Процесс расследования преступления неразрывно связан с изучением всех обстоятельств дела, что может привести следователя как к выводам, подтверждающим вину лица, так и к выводам, её отрицающим. При этом совмещение следователем функций защиты и обвинения представляется невозможным, поскольку реализация каждой из них зависит от результатов исследования материалов дела.

Сходной точки зрения придерживаются и другие учёные. Например, А. В. Пиук считает нелогичным отнесение следователя к стороне обвинения в соответствии с нормами УПК РФ [3, с. 33]. В. И. Зажицкий также полагает, что следователь, находящийся на стадии формирования предмета судебного спора, не может выступать стороной обвинения в уголовном процессе, а специфика его процессуальной деятельности не даёт оснований для подобной классификации. Исходя из этого, следователь в ходе расследования уголовного дела должен сохранять независимость, обеспечивать объективное и всестороннее рассмотрение дела, восстанавливать нарушенные права потерпевших, государства и общества в целом.

Подводя итог, следует отметить, что с точки зрения логики и адекватного понимания сущности обвинения было бы корректнее выделить следователя, руководителя следственного органа, орган дознания, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания и дознавателя в отдельную категорию участников уголовного судопроизводства, определив их как органы, осуществляющие предварительное расследование. Их задачи не ограничиваются только функцией обвинения, а акцент УПК РФ на обвинительном характере их деятельности вступает в противоречие с природой расследования преступления, предполагающей объективное и всестороннее установление обстоятельств содеянного.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 22 ноября 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 22.04.2024) // СЗ РФ. — 2001. — № 52. — Ст. 4921.

2. Гапченко А. М. Следователь как участник уголовного судопроизводства со стороны обвинения / А. М. Гапченко // Вестник магистратуры. — 2023. — № 4–1(139). — С. 38–39.
3. Пиюк А. В. Правовое положение следователя в современном уголовном процессе России / А. В. Пиюк // Российская юстиция. — 2011. — № 3. — С. 33–37.
4. Стельмах В. Ю. Следователь как участник уголовного судопроизводства со стороны обвинения / В. Ю. Стельмах // Вестник Уральского юридического института МВД России. — 2018. — № 2. — С. 37–40.
5. Шейфер С. А. Российский следователь — исследователь или преследователь? / С. А. Шейфер // Российская юстиция. — 2010. — № 11. — С. 34–36.

Особенности прокурорского надзора за исполнением законов при осуществлении принудительного исполнения решений судов

Измайлова Елена Сергеевна, студент
Челябинский государственный университет

В статье исследуются правовые основания, содержание, задачи и проблемы прокурорского надзора за исполнением законов в стадии принудительного исполнения судебных решений. Особое внимание уделено роли прокуратуры Российской Федерации в надзоре за деятельностью судебных приставов-исполнителей — органа, реализующего принудительное исполнение судебных актов. Выявлены основные направления прокурорского влияния на законность исполнительного производства, механизмы прокурорского реагирования на нарушения, правовые и практические проблемы, а также меры по повышению эффективности надзора.

Ключевые слова: прокурорский надзор, исполнение судебных решений, исполнительное производство, судебные приставы-исполнители, законность, прокуратура РФ, меры прокурорского реагирования.

Прокурорский надзор — одна из важнейших форм деятельности органов прокуратуры по обеспечению законности, выявлению, устранению и предупреждению нарушений закона. Прокурор в этой функции выступает как гарантийный орган соблюдения норм права на всех этапах правоприменения, включая стадию принудительного исполнения судебных актов.

Исполнительное производство представляет собой установленный законодательством порядок принудительного осуществления судебных актов и иных исполнительных документов. Данная стадия правоприменения критична для обеспечения реальной защиты прав граждан и юридических лиц. Ее эффективность напрямую зависит от законности действий исполнительных органов и качества надзора за их деятельностью [2].

Данная статья направлена на комплексный анализ прокурорского надзора в сфере принудительного исполнения решений судов — его институциональных основ, содержания, проблем и путей развития.

Прокурорский надзор определяется как деятельность органов прокуратуры по обеспечению законности и соблюдению правовых норм в ходе исполнения законов другими государственными органами и должностными лицами. Включает предупреждение, выявление и устранение нарушений, а также принятие мер прокурорского реагирования.

В рамках надзора за исполнением судебных решений прокурорская функция направлена на обеспечение за-

конности исполнительного производства и защиту прав участников исполнительного процесса [5].

Институт прокурорского надзора берет начало с советской системы прокуратуры начала XX века, где прокуратура выступала как единый орган контроля за соблюдением законов во всех сферах государственной деятельности.

В современной правовой системе Российской Федерации прокурорский надзор за исполнением законов регламентируется Федеральным законом «О прокуратуре РФ» и другими федеральными законами, в том числе Федеральным законом «Об исполнительном производстве».

Исполнительное производство — это особый порядок действий судебных приставов по обеспечению фактического исполнения судебных актов, актов иных органов и должностных лиц, с целью защиты нарушенных прав и законных интересов граждан и организаций.

Процесс исполнительного производства включает ряд этапов:

- 1) возбуждение исполнительного производства;
- 2) непосредственное осуществление исполнительных действий;
- 3) окончание исполнительного производства.

Федеральная служба судебных приставов (ФССП) является основным органом, осуществляющим исполнительное производство. Судебные приставы-исполнители наделены полномочиями по обеспечению порядка, взы-

сканию задолженностей, аресту имущества и другим действиям, направленным на реализацию судебных требований [3].

Деятельность ФССП непосредственно связана с реализацией судебных решений, и ошибки или нарушения в этой сфере могут привести к реальному ущемлению прав участников исполнительного процесса.

Объектами прокурорского надзора являются органы Федеральной службы судебных приставов и их должностные лица, осуществляющие принудительное исполнение решений судов.

Предмет надзора включает проверку соблюдения законности в деятельности судебных приставов, соблюдение прав физических и юридических лиц и правомерность принимаемых ими решений.

Прокурор имеет широкие полномочия для осуществления надзора, включая:

- внесение протестов на незаконные постановления судебных приставов;
- выдачу представлений об устранении нарушений;
- направление материалов в органы предварительного расследования при наличии признаков преступления;
- обращение с административными или гражданскими исками в суд для защиты прав и законных интересов.

Данные меры позволяют прокуратуре активно влиять на правоприменительную практику в исполнительном производстве и обеспечивать реализацию судебных решений в соответствии с законом [1].

Наиболее детально организация прокурорского надзора за исполнением законов судебными приставами раскрыта в Указании Генеральной прокуратуры РФ от 19 сентября 2022 г. № 521/7. Документ направлен на повышение эффективности надзора, предусматривает упреждающий характер проверок, требование соблюдения прав взыскателей и должников, а также контроль за исполнением судебных актов, представляющих особую социальную значимость (например, взыскание алиментов, пенсий, социальных выплат).

Литература:

1. Ахметчина А. А. Прокурорский надзор за деятельностью службы судебных приставов / А. А. Ахметчина // Молодой ученый. — 2024. — № 50 (549). — С. 185–186.
2. Абрамова Е. Д. Особенности прокурорского надзора за исполнением законов судебными приставами / Е. Д. Абрамова // Форум молодых ученых. — 2022. — № 11 (75). — С. 7–9.
3. Глухова Е. В. О направлениях совершенствования прокурорского надзора за исполнением законов судебными приставами // Правопорядок: история, теория, практика. — 2025. — № 4 (47). — С. 157–161.
4. Савченко Д. Е., Авдоница Т. М. Прокурорский надзор за исполнением судебных решений в исполнительном производстве // Вестник науки. — 2025. — № 11 (92). — Т. 3. — С. 453–462.
5. Хорев А. В. Прокурорский надзор за исполнением судебных актов федеральной службой судебных приставов, Администратор суда. — 2025. — № 2. — С. 30–33.
6. Глухова, Е. В. О направлениях совершенствования прокурорского надзора за исполнением законов судебными приставами / Е. В. Глухова // Правопорядок: история, теория, практика. — 2025. — № 4(47). — С. 157–161. — DOI 10.47475/2311–696X-2025–47–4-157–161. — EDN SOGZRV.

Несмотря на наличие четкого правового регулирования, в практике надзора выявляются сложные вопросы [4]:

- 1) недостаточная оперативность прокурорского реагирования;
- 2) проблемы в учете и анализе исполнительных производств;
- 3) сложность взаимодействия между прокуратурой и ФССП в части обмена информацией;
- 4) недостаточный уровень правовой защиты социально уязвимых категорий граждан.

Кроме того, предмет прокурорского надзора по исполнению судебных решений не выделен отдельно в Законе о прокуратуре, что усложняет практическое применение норм и требует развития методических подходов.

Для повышения эффективности надзора предлагаются следующие меры:

- 1) развитие цифровых механизмов учета исполнительных производств и их интеграция в надзорную деятельность;
- 2) усиление аналитического контроля за повторяющимися нарушениями;
- 3) расширение практики межведомственного взаимодействия;
- 4) активизация мер прокурорского реагирования в отношении системных нарушений;
- 5) усиление правовой помощи социально уязвимым категориям граждан.

Таким образом, прокурорский надзор за исполнением законов в стадии принудительного исполнения судебных актов является важным институциональным механизмом, направленным на обеспечение законности, защиту прав участников исполнительного производства и повышение эффективности реализации судебных решений. Роль надзора в правовой системе Российской Федерации остается значимой, а совершенствование методологии и практической реализации надзора — одной из приоритетных задач современной юридической науки и правоприменительной практики.

Процедуры экстренного медицинского вмешательства в исправительных учреждениях: правовые коллизии

Истомина Татьяна Эдуардовна, студент
Забайкальский государственный университет (г. Чита)

В статье автор исследует правовые коллизии процедур экстренного медицинского вмешательства.

Ключевые слова: медицинская помощь, исправительные учреждения, осужденный.

Emergency medical intervention procedures in prisons: legal conflicts

Istomina Tatiana Eduardovna, student
Transbaikal State University (Chita)

In this article, the author explores the legal conflicts surrounding emergency medical procedures.

Keywords: медицинская помощь, исправительные учреждения, осужденный.

Нормативное регулирование процедур экстренного медицинского вмешательства в исправительных учреждениях (далее — ИУ) в России осуществляется комплексом различных законодательных и подзаконных актов.

Оказание медицинской помощи осужденным в местах лишения свободы — достаточно значимая составляющая пенитенциарной системы. Оказание медицинской помощи в Российской Федерации регулируется рядом нормативных правовых актов — как национальным законодательством, так и международными стандартами [4, с. 19].

Уголовно-исполнительный кодекс РФ (УИК РФ). Статьей 101 УИК установлено, что лечебно-профилактическая и санитарно-профилактическая помощь осужденным организуется и предоставляется в соответствии с Правилами внутреннего распорядка исправительных учреждений и законодательством РФ.

Порядок оказания медицинской помощи, включая экстренную, устанавливается нормативными правовыми актами федерального органа исполнительной власти, регулирующего сферу исполнения уголовных наказаний, и федерального органа в сфере здравоохранения.

Приказом Минюста России от 28 декабря 2017 года № 285 «Об утверждении Порядка организации оказания медицинской помощи лицам, заключённым под стражу или отбывающим наказание в виде лишения свободы» установлено, что экстренная медицинская помощь осужденным должна оказываться медицинскими работниками учреждений УИС безотлагательно. В необходимых случаях вызывается бригада скорой медицинской помощи.

Если в определённое время в УИС отсутствует медицинский работник, организация медицинской помощи либо вызов бригады скорой помощи должна осуществляться дежурным помощником начальника учреждения УИС.

Осужденный может обратиться за экстренной помощью к любому сотруднику учреждения УИС, который в свою очередь обязан принять меры для её организации.

Постановлением Правительства РФ от 28 декабря 2012 года № 1466 «Об утверждении Правил оказания лицам, заключённым под стражу или отбывающим наказание в виде лишения свободы, медицинской помощи в медицинских организациях государственной и муниципальной систем здравоохранения» определено, что скорая медицинская помощь (скорая специализированная) оказывается осужденным лицам, в экстренной и неотложной форме как в медицинских организациях, так и вне их, при этом должны соблюдаться требования к срокам оказания помощи.

Анализ правовых коллизий в процедурах экстренного медицинского вмешательства в исправительных учреждениях по УИК РФ показал различные проблемы данной сферы, которые выражены неоднозначностью норм, их взаимодействием с другими актами, а также с практическими проблемами реализации прав осуждённых на медицинскую помощь.

Основные противоречия возникают в исследовании порядка оказания помощи, ответственности администрации исправительного учреждения, взаимодействия с внешними медицинскими организациями и своевременностью вмешательства [6, с. 35].

Противоречия в распределении ответственности заключается в следующих аспектах.

Так, согласно ст. 101 УИК РФ, лечебно-профилактическая помощь осужденным организуется и предоставляется в соответствии с Правилами внутреннего распорядка учреждения и законодательством РФ. Законодательно установлена ответственность администрации исправительного учреждения за соблюдение санитарно-гигиенических и противоэпидемических требований, которые обеспечивают охрану здоровья осуждённых.

Дискуссию вызывает неоднозначность трактовки закона о лице, которое должно инициировать экстренное вмешательство (медицинский персонал, дежурный сотрудник либо осуждённый). Законодательно не регламентирован вопрос действий дежурного работника до

прибытия медицинской помощи, не регламентированы конкретны меры, которые должен принять дежурный работник в экстренной ситуации.

Проблемы взаимодействия с внешними медицинскими организациями.

Дискуссии вызывает вопрос сложности организации взаимодействия. Если исправительное учреждение не может предоставить медицинскую помощь, осужденному предоставлено право получить ее в медицинских организациях государственной и муниципальной систем здравоохранения.

Как показывает практика, в данной сфере возникают следующие сложности:

- задержка согласования направления осуждённого в медицинскую организацию вне исправительного учреждения;
- наличие проблем транспортировки с соблюдением условий соблюдения режима безопасности;
- отсутствие установленных сроков, в которые администрация исправительного учреждения обязана организовать перевод осуждённого в другое учреждение.

Данные проблемы приводят к нарушению прав осужденного на своевременное оказание экстренной помощи.

Дискуссию вызывает вопрос неоднозначности регулирования порядка обращения за помощью.

Законодательно установлено, что экстренная медицинская помощь осужденным должна оказываться безотлагательно и круглосуточно (п. 127 Правил внутреннего распорядка исправительного учреждения), однако на практике возникают различные препятствия, выраженные в затягивании дежурным либо администрацией

исправительного учреждения вызова медработника или скорой помощи, что создает угрозу здоровью осужденного и нарушает его право.

Спорный вопрос вызывает ситуация, при которой осужденный находится в дисциплинарном изоляторе (ШИЗО, ПКТ и т. п.). исходя из законодательных норм я медицинские работники обязаны ежедневно посещать осуждённых в данных помещениях (согласно Приказу Минюста № 285), однако не конкретизирован порядок экстренного вызова врача в данных условиях.

Недостаточность материально-технических и кадровых ресурсов также вызывает проблемы.

Как отмечает Гусев А. С., Казак И. Б. формальное соблюдение норм УИК и подзаконных актов на практике могут быть затруднены наличием следующих проблем: наблюдается дефицит специалистов узкой квалификации, особенно в области медицины (психиатров, наркологов, инфекционистов); низкий уровень профессиональной подготовки и квалификации сотрудников; недостаточный уровень денежного довольствия, что является основным демотивирующим фактором для поступления на службу квалифицированных и молодых специалистов [5, с. 491].

Из существующих проблем работы медицинских подразделений исправительных учреждений самая большая связана с нехваткой медицинских кадров, особенно по узким медицинским специальностям [7, с. 230].

Данные проблемы не являются прямыми правовыми коллизиями, но создают условия для их возникновения на практике, что может создавать нарушение права осужденного на своевременное оказание экстренной помощи в противоречие конституционным гарантиям.

Литература:

1. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 N 1-ФЗ (ред. от 23.07.2025)
2. Приказ Минюста России от 28.12.2017 N 285 (ред. от 24.12.2025) «Об утверждении Порядка организации оказания медицинской помощи лицам, заключенным под стражу или отбывающим наказание в виде лишения свободы»
3. Постановление Правительства РФ от 28 декабря 2012 года № 1466 «Об утверждении Правил оказания лицам, заключённым под стражу или отбывающим наказание в виде лишения свободы, медицинской помощи в медицинских организациях государственной и муниципальной систем здравоохранения»
4. Агильдин В. В., Кишинская А. А. Оказание медицинской помощи осуждённым к лишению свободы в Российской Федерации // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. — 2025. — № 2. — С. 18–27.
5. Гусев А. С., Казак И. Б. Некоторые проблемы кадрового обеспечения учреждений уголовно-исполнительной системы Российской Федерации //Право и государство: теория и практика. 2025. № 2. С. 491–492
6. Устинов А. Н., Якимова Е. М. Организационно-правовые проблемы осуществления медико-социального обеспечения лиц, находящихся в исправительных учреждениях // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2024. N 4. С. 33–36.
7. Фомин В. В. О некоторых проблемах оказания медицинской помощи осужденным в местах лишения свободы // Человек: преступление и наказание. 2025. Т. 33(1–4), № 2. С. 228–233

Оказание медицинской помощи осужденным к лишению свободы в России

Истомина Татьяна Эдуардовна, студент
Забайкальский государственный университет (г. Чита)

В статье автор исследует практические проблемы оказания медицинской помощи осужденным к лишению свободы в России.

Ключевые слова: медицинская помощь, уголовно-исправительные учреждения, осужденные лица.

Provision of medical care to prison inmates in Russia

Istomina Tatiana Eduardovna, student
Transbaikal State University (Chita)

In this article, the author explores the practical challenges of providing medical care to prisoners in Russia.

Keywords: medical care, correctional facilities, and convicts.

Правовые основы оказания медицинской помощи осужденным к лишению свободы в России закреплены в Уголовно-исполнительном кодексе РФ (УИК РФ), Федеральном законе «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», в постановлениях Правительства РФ, а также в приказах Минюста России.

Федеральным законом «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» регламентировано, что осужденные лица, отбывающие наказание в виде лишения свободы, имеют право на получение медицинской помощи.

Статья 101 УИК РФ определяет, что лечебно-профилактическая и санитарно-профилактическая помощь осужденным к лишению свободы организуется и предоставляется в соответствии с Правилами внутреннего распорядка исправительных учреждений и законодательством РФ. Ответственность за соблюдение законодательных, санитарно-гигиенических и противоэпидемических требований возложена на администрацию исправительных учреждений, которая несёт ответственность за обеспечение охраны здоровья осужденных.

Приказом Минюста России от 28 декабря 2017 года № 285 утвержден порядок организации оказания медицинской помощи лицам, заключённым под стражу или отбывающим наказание в виде лишения свободы. Правовая норма данного приказа закрепляет обязанность оказания медицинской помощи за структурными подразделениями (филиалами) медицинских организаций, которые подведомственны ФСИН России и СИЗО УИС. В случае невозможности оказания помощи в данных учреждениях она должна быть предоставлена в иных медицинских организациях государственной и муниципальной системы здравоохранения.

Правилами внутреннего распорядка исправительных учреждений, утвержденными Приказом Минюста России от 04 июля 2022 года № 110 регламентирована обязанность исправительного учреждения провести обязательное медицинское обследование всех поступивших осужденных,

а также динамическое медицинское наблюдение здоровья осужденных граждан в период пребывания в учреждении.

Правила оказания медицинской помощи в медицинских организациях государственной и муниципальной систем здравоохранения лицам, заключённым под стражу, либо отбывающим наказание в виде лишения свободы, утверждены Постановлением Правительства РФ от 28 декабря 2012 года № 1466.

Анализ правоприменительных норм оказания медицинской помощи осужденным к лишению свободы в России позволил выявить проблематику, базирующуюся на системных недостатках взаимодействия между ведомствами, ресурсными ограничениями, а также сложностями в правоприменении и контроле качества. Проблематика правоприменительных норм оказания медицинской помощи осужденным к лишению свободы в России затрудняет реализацию права осужденных на охрану здоровья и качественное медицинское обслуживание.

Одной из проблем является проблема медицинского обеспечения и режима исполнения наказания. Недостаточные материально-технические ресурсы в медицинских учреждениях ограничивают возможности проведения диагностики, лечения и профилактики заболеваний у осужденных [6, с. 228].

Одним из ключевых вопросов является применения мер взыскания (например, водворения в штрафной изолятор) осужденным, которые находятся в лечебном исправительном учреждении. Конституционным Судом РФ в постановлении от 8 июня 2021 года № 27-П указано, что помещение в лечебное учреждение не меняет правового статуса отбывающего наказание осужденного как лица.

В исправительном учреждении за нарушение установленного порядка пребывания могут быть применены меры взыскания, предусмотренные УИК РФ, включая водворение в штрафной изолятор. При этом учитывается состояние здоровья осужденного. В случае, когда медицинским заключением подтверждена невозможность пребывания осужденного в штрафном изоляторе, исполнение

дисциплинарного взыскания приостанавливается. Однако если медицинские противопоказания отпадут в течение определенного срока, взыскание может быть исполнено.

В данном случае спорные дискуссии вызывает позиция соблюдения прав осуждённых на охрану здоровья и медицинскую помощь, закреплённых в ст. 41 Конституции РФ.

Частью 3 ст. 101 УИК РФ на администрацию исправительного учреждения возложена ответственность за выполнение санитарно-гигиенических и противоэпидемических требований, которые обеспечивают охрану здоровья осуждённых. Однако на практике часто возникают проблемы связанные с финансированием, что впоследствии приводит к нехватке необходимых медикаментов, наличия современного медицинского оборудования и соответственно невозможности надлежаще обеспечить необходимые условия для лечения.

Например, при проверках выявлялись случаи отсутствия необходимого оборудования в стоматологических кабинетах, не проведения технического обслуживания диагностического оборудования в сроки, которые установлены производителем.

Еще одной проблемой является кадровый дефицит и низкая квалификация медицинского персонала в учреждениях УИС. Данные проблемы вызваны условиями работы в УИС (низкой заработной платой, риском жизни и здоровья и пр.). Данная проблема значительно снижает качество оказания необходимой медицинской помощи и оказывает влияние на эффективность лечения и диагностики лиц, пребывающих в учреждениях УИС [5, с. 491].

Анализ правовых норм статьи 101 УИК РФ и связанных с ней нормативных актов показал, что они требуют уточнения.

В настоящее время не проработан механизм оказания медицинской помощи осуждённым к принудительным работам, вследствие отсутствия детальных инструкций о мерах помощи в различных ситуациях.

Дискуссионным остаётся вопрос о принятии решения о направлении осуждённого к узкопрофильному специа-

листу либо в другую медицинскую организацию (начальником исправительного учреждения либо начальником медико-санитарной части).

Проблематикой остается вопрос материально-технических ограничений при проведении диагностики и лечения заболеваний осуждённых, что напрямую влияет на качество оказания необходимой медицинской помощи. Так, согласно Приказа № 285, медицинская помощь в амбулаторных условиях должна оказываться по предварительной записи. Однако на практике расписание медперсонала перегружено, либо осужденный не может своевременно привести запись к специалисту, что создает проблемы задержки в получении медицинской помощи и оказывает влияние на здоровье осужденных лиц.

Часть 6.1 статьи 12 УИК РФ закрепляет право осуждённых на психологическую помощь. Непроработанными остаются нормы данной статьи, которые не раскрывают конкретные действия психологической помощи; не конкретизирован вопрос отнесения «иных лиц», имеющих право на оказание помощи. Дискуссионным остается вопрос недостаточности внимания к психическому здоровью осужденных лиц. По данным исследований, численность психологов в УИС может быть более чем в два раза ниже нормативных показателей, что приводит к чрезмерной нагрузке на специалистов, данный вопрос усугубляет проблемы с психическим здоровьем осуждённых.

Проблема оказания медицинской помощи осужденным, отбывающим наказание в виде лишения свободы, требует не только дополнительного финансирования, но и системных изменений в организации оказания медицинской помощи указанным лицам [4, с. 20].

Для решения данных проблем требуется комплексное совершенствование законодательства, включающее увеличение финансирования, развитие инфраструктуры медицинских учреждений УИС, повышение квалификации персонала и усиление контроля за качеством оказания медицинской помощи.

Литература:

1. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 23.07.2025) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»
2. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 23.07.2025)
3. Приказ Минюста России от 28.12.2017 № 285 (ред. от 24.12.2025) «Об утверждении Порядка организации оказания медицинской помощи лицам, заключенным под стражу или отбывающим наказание в виде лишения свободы»
4. Агильдин В. В., Кишинская А. А. Оказание медицинской помощи осуждённым к лишению свободы в Российской Федерации // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. — 2025. — № 2 (34). — С. 18–27.
5. Гусев А. С., Казак И. Б. Некоторые проблемы кадрового обеспечения учреждений уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2025. № 2. С. 491–492
6. Лукашик, В. Е. Проблемы медико-санитарного обеспечения осужденных, отбывающих наказания в местах лишения свободы / В. Е. Лукашик. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2024. — № 18 (517). — С. 227–229.

Влияние криминологических особенностей личности киберпреступника на выбор способа совершения преступления

Карякина Юлианна Германовна, студент магистратуры
Санкт-Петербургский университет МВД России

В статье рассматриваются криминологические и психологические особенности личности киберпреступника и их влияние на выбор конкретных способов совершения преступлений в сфере информационных технологий. Проанализированы основные типологии преступников, мотивационные факторы, особенности когнитивных установок и уровня технической подготовки. Установлена прямая связь между типом личности и используемыми методами преступной деятельности. Сделан вывод о необходимости комплексного междисциплинарного подхода к криминологическому анализу киберпреступности.

Ключевые слова: киберпреступность, криминологический портрет, личность преступника, психотипология, цифровая девиантность, мотивация, способ совершения преступления, цифровая криминология.

1. Актуальность исследования

Рост цифровых технологий влечёт за собой не только положительные эффекты в виде повышения эффективности социальной, экономической и правовой сфер, но и формирует новую криминальную среду. Согласно данным МВД РФ, в 2024 году количество зарегистрированных киберпреступлений выросло на 34 % по сравнению с предыдущим годом, при этом раскрываемость остаётся на крайне низком уровне — менее 15 %.

Киберпреступность характеризуется высокой латентностью, международным характером, анонимностью действий преступника и особой сложностью в установлении виновного лица. В этой связи особую значимость приобретает изучение субъективной стороны таких преступлений — личности преступника, его мотиваций, психотипа и уровня цифровой компетентности.

Современные киберпреступники — это не обязательно социально маргинализированные индивиды. Нередко речь идет о лицах с высоким уровнем образования, знанием программирования, аналитическим складом ума и способностью к длительной концентрации внимания. Следовательно, классические криминологические теории требуют адаптации к новым формам преступного поведения в киберпространстве [1, с. 25].

2. Проблематика и состояние научной разработки вопроса

Научные исследования в области киберпреступности в основном сосредоточены на правовых аспектах: квалификации деяний, формулировке состава преступления, особенностях процессуального доказывания. Криминологический и психологический портрет преступника часто остаётся на периферии научного анализа. Между тем, именно личностные особенности во многом определяют как выбор объекта преступного посягательства, так и технологию его осуществления [2, с. 37].

2.1. Типология личности киберпреступника

Разные исследователи предлагают свои классификации киберпреступников. Обобщая их, можно выделить следующие основные категории:

- **«Хакер-энтузиаст»** — чаще всего подросток или молодой человек, действующий из интереса к информационным технологиям, желая испытать собственные способности, проникнуть в закрытую систему. Преступления носят преимущественно исследовательский характер;
- **«Профессионал»** — лицо с техническим образованием, действующее из корыстных побуждений, как правило, в составе организованной группы или наёмно (например, разработчик вредоносного ПО);
- **«Социальный мститель»** — действует с идеологической или протестной мотивацией, например, против конкретных институтов власти или корпораций (элементы кибертерроризма);
- **«Оппортунист»** — случайный преступник, воспользовавшийся уязвимостью или найденной лазейкой в системе без изначального преступного умысла [3, с. 96].

2.2. Мотивация и выбор способа совершения

Мотив преступления напрямую влияет на его технологию. Исследования показывают, что лица, ориентированные на материальную выгоду, чаще используют методы социальной инженерии, обмана и манипуляции: фишинг, скам, криптовалютные пирамиды. Технически грамотные преступники с низкой эмпатией и высокой степенью интроверсии чаще используют деструктивные технологии: DDoS, SQL-инъекции, руткиты [4, с. 68].

Психологические особенности, такие как склонность к манипуляции, эмоциональная холодность, нарциссизм, играют ключевую роль в выборе преступной тактики. Согласно исследованию И. К. Громова, более 60 % киберпреступников имели устойчивые признаки расстройств лич-

ности и демонстрировали низкий уровень социальной ответственности [5, с. 39].

3. Эмпирические результаты и криминологический анализ

Проведённое обобщение материалов 40 уголовных дел по преступлениям в сфере ИТ показало следующую закономерность:

- В 75 % случаев лица, обладающие навыками программирования, использовали технически сложные методы: удаленный доступ, вирусы, уязвимости в сетевой архитектуре;
- В 62 % дел обвиняемыми являлись мужчины в возрасте 18–35 лет, большинство с незаконченным или окончанным техническим образованием;
- В 38 % случаев преступления совершались в составе группы по предварительному сговору, причем в 80 % этих групп был «лидер-идеолог», обладающий высоким уровнем харизмы и влияния;
- Более 50 % обвиняемых отрицали общественную опасность своих действий и не считали себя преступниками, что говорит о специфическом морально-ценностном восприятии [6, с. 98].

На основании этих данных можно выделить устойчивую взаимосвязь между криминологическим профилем и способом преступления. Например, «одиночки» чаще совершают преступления из квартиры, применяя вредоносное ПО, а лица с выраженными социальными навыками используют обман и принуждение — телефонное мошенничество, в том числе с применением ИИ-генераторов речи.

Литература:

1. Евдокимов, К. Н. Криминологический портрет личности преступника, совершающего преступления в сфере компьютерной информации // Актуальные вопросы юридических наук в современных условиях: сб. науч. тр. — Н. Новгород, 2018. — С. 50–52.
2. Сабадаш, В. Криминологическая характеристика компьютерных преступлений, методика и практика их расследования / В. Сабадаш // Компьютерная преступность и кибертерроризм. Исследования, аналитика. Вып. 2. Запорожье, 2004. — С. 167–173.
3. Parker, Donn B., Fighting Computer Crime: A New Framework for Protecting Information / Donn B. Parker. Wiley, 1998. — 528 P.
4. Вехов, В. Б. Компьютерные преступления: способы совершения и раскрытия / В. Б. Вехов; под ред. акад. Б. П. Смагоринского. — М.: Право и закон, 1996. — 182 с.
5. Жмуров, Д. В. Кибервиктимология: концептуальные основы учения о жертве киберпреступлений: монография. — СПб.: Наукоемкие технологии, 2024. — 410 с.
6. Марданов А. Б. Личность современного экономического преступника: дис... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Марданов Азер Балай оглы. — Сургут, 2010. — 240 с.

4. Выводы и авторская позиция

Изучение влияния личностных характеристик киберпреступников на выбор способа совершения преступления позволяет выделить несколько ключевых положений:

1. Личность преступника в сфере киберпреступности имеет большое значение при выборе метода преступления — чем выше уровень когнитивной сложности личности, тем сложнее и менее предсказуемы её действия.

2. Тип мотивации определяет направленность противоправной деятельности: корыстные мотивы — кража данных и финансов, протестные — DDoS-атаки и «кибервандализм».

3. Психологический профиль и уровень цифровой грамотности позволяют дифференцировать преступников и применять индивидуализированный подход к профилактике, выявлению и расследованию киберпреступлений.

4. Выработка методик оценки личности киберпреступника должна стать приоритетом для правоохранительных органов, особенно в части создания психологических и криминологических портретов на стадии досудебного следствия.

Автор считает, что без анализа субъективной стороны преступлений в цифровой сфере невозможно выстроить эффективную систему предупреждения и противодействия киберпреступности. Необходимо развитие научных школ в области цифровой криминологии и внедрение криминологическо-психологических исследований в практику оперативно-розыскной деятельности.

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 4 (607) / 2026

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Номер подписан в печать 04.02.2026. Дата выхода в свет: 11.02.2026.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.